

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара
С. А. Марзан

Адказны рэдактар
Г. У. Клімовіч

Н. А. Антановіч (Беларусь)
С. П. Анупрыенка (Беларусь)
В. М. Ватыль (Беларусь)
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
А. М. Данілаў (Беларусь)
В. М. Камнеў (Расія)
Ч. С. Кірвель (Беларусь)
П. П. Крус (Беларусь)
М. Я. Ліхачоў (Беларусь)
Ю. І. Малевіч (Беларусь)
Д. Г. Ротман (Беларусь)
А. В. Самылаў (Расія)
Я. У. Скакун (Беларусь)
Я. С. Яскевіч (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2023

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 28.01.2022 № 14
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 20.09.2022 № 369)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2022 г.
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Варич В. Н. Виртуальная реальность как среда коммуникации: философский анализ	5
Игумен Ермоген (Панасюк А. Н.). Диалектика как непосредственное знание в понимании А. Ф. Лосева	11
Люкевіч У. П. П'ер дэ Кубертэн: адраджэнне і заняпад алімпійскай ідэі.....	18
Наумов Д. М. «Woke ideology» как угроза коллективной памяти: социально-философский анализ	28
Павлова В. В. Этические аспекты реализации теории прав животных	37
Тетёркин А. А. Соотношение принципа уважения человеческого достоинства и принципа заботы в биоэтике	44

ПАЛІТАЛОГІЯ

Авласенко И. М. Трансформация общей политики безопасности и обороны Европейского союза в начале 2020-х гг.: значение и вызовы для Республики Беларусь.....	51
Василевская В. Э. Консолидация политической власти в контексте ценностей культуры Китая	60
Ли Цзинин. Взаимодействие Китая и Индии в XXI в.: политико-правовые аспекты	68
Решетников С. В., Симановский С. И., Мамекин М. С. Политологический нормативизм: теоретические аспекты.....	77
Северин Э. Н., Мельников А. П. Экологический фактор обеспечения безопасности.....	88
Хван Джон Хва. «Мягкая сила» в политике Республики Корея	96
Викторович Е. С. Содержательное поле концепта «политический рынок»: междисциплинарный подход	104

САЦЫЯЛОГІЯ

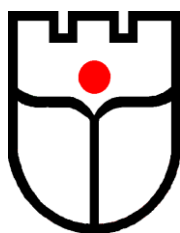
Воронина С. Н. Уровень медиаграмотности пожилых людей в Республике Беларусь	112
Тишкевич М. Я. Особенности формирования информационной культуры студентов: социологическое измерение	119
Лихачева С. Н. Вторичная занятость учащейся молодежи как фактор ее социальной защиты.....	125

РЭЦЭНЗІІ

Мацевич М. Я. «И все опять впервые...».....	131
--	-----

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

М. В. Варакулина, Е. Н. Григорович, Г. И. Займист. Лепешко Б. М.	134
---	-----

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

Editor-in-chief
A. M. Sender

Deputy editor-in-chief
S. A. Marzan

Managing Editor
H. U. Klimovich

N. A. Antanovich (Belarus)
S. P. Anupryjenka (Belarus)
V. M. Vatył (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
M. Ya. Likhachov
Yu. I. Malevich
D. G. Rotman (Belarus)
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)
Ya. S. Yaskevich (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2023

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 28, 2022 nr 14 (with the amendments made by the order of Supreme Certification Commission from September 20, 2022 nr 369) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in 2022 in philosophical, political and social sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» is placed on the platform eLIBRARY.RU and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

PHILOSOPHY

Veronika Varich. Virtual Reality as a Communication Environment: Philosophical Analysis	5
Hegumen Ermogen (Anatol Panasyuk). Dialectics as Direct Knowledge in Understanding A. F. Losev	11
Uladzimir Lukievic. Pierre de Coubertin: Renaissance and Decline of the Olympic Idea.....	18
Dmitry Naumov. «Woke Ideology» as a Threat to Collective Memory: a Socio-Philosophical Analysis	28
Viktoria Pavlova. Ethical Aspects of the Implementation of Animal Rights Theory	37
Andrei Tsiatserkin. The Relationship of the Principle of Respect for Human Dignity and the Principle of Care in Bioethics.....	44

POLITOLOGY

Ihar Aulassenka. Transformation of the European Union Common Security and Defense Policy in the Early 2020s: Significance and Challenges for the Republic of Belarus	51
Valeria Vasilevskaya. Consolidation of Political Power in the Context of China's Cultural Values...60	
Li Jingying. China-India Interaction in the XXIst Century: Political and Legal Aspects	68
Sergej Reshetnikov, Sergej Simanovskiy, Mikhail Mamekin. Politology Normativism: Theoretical Aspects	77
Eduard Severin, Adam Melnikov. Environmental Factor of Safety	88
Hwang John Hwa. «Soft Power» in the Politics of the Republic of Korea	96
Yauhen Viktorovich. The Content Field of the Concept «Political Market»: an Interdisciplinary Approach	104

SOCIOLOGY

Snezhana Voronina. The Level of Media Literacy of Older People in the Republic of Belarus	112
Mikhail Tsishkevich. Peculiarities of Forming Information Culture of Students: Sociological Dimension	119
Sviatlana Likhachova. Secondary Employment of Students as a Factor in Their Social Protection	125

REVIEWS

Maria Matsevich. «And Everything for the First Time again...»	131
--	-----

IN MEMORY OF THE SCIENTIST

Maria Varakulina, Elena Grigorovich, Galina Zaimist. B. M. Lyapeshka	134
---	-----

УДК 316.75

Вероника Николаевна Варич

канд. филос. наук, доц., доц., каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета

Veronika Varich

*Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities
of Brest State Technical University*

e-mail: vari61@list.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДА КОММУНИКАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Произведен анализ виртуальной реальности как особой сферы функционирования современного человека, которая оказывает влияние на все формы социального взаимодействия, включая коммуникацию. Выявлены специфические характеристики виртуальной реальности, которые не позволяют строго отнести ее к объективному или субъективному бытию. Подчеркивается, что виртуальная реальность не является идеальным бытием в привычном понимании смысла этого слова, но представляет собой пространство симулякров, заменяющее объективную действительность. Указываются отличия коммуникации в виртуальной среде от тех форм общения, которые существовали ранее, рассматриваются особенности виртуальной картины мира и ее место в сознании человека цифровой эпохи.

Ключевые слова: виртуальность, симулякр, коммуникация, виртуализация.

Virtual Reality as a Communication Environment: Philosophical Analysis

The article analyzes virtual reality as a special sphere of functioning of a modern person, which affects all forms of social interaction, including communication. The specific characteristics of virtual reality are revealed, which do not allow strictly referring it to objective or subjective being. It is emphasized that virtual reality is not an ideal being in the usual sense of the word, but is a space of simulacra that replaces objective reality. The article points out the differences between communication in a virtual environment from those forms of communication that existed before, discusses the features of the virtual picture of the world and its place in the mind of a person in the digital age.

Key words: *virtuality, simulacrum, communication, virtualization.*

Введение

Развитие современных информационных технологий, телекоммуникационных и глобальных сетей придает новые черты сознанию и поведению человека. Совокупность психологических и технических феноменов, образующих особую среду, в которой человек информационного общества проводит значительную часть своего времени, получила название виртуальной реальности. Виртуальная реальность стремительно развивается в качестве одной из важнейших составляющих современного общества, оказывая влияние на все сферы социальной действительности, что вызывает необходимость ее философского осмысления. Новая среда функционирования влечет за собой серьезные трансформации в индивидуальном и общественном сознании, в процессах социализации и социального взаимодействия. Особый интерес представляет изучение виртуальной реальности как среды коммуникации.

Основная часть

Понятие виртуальной реальности многозначно, поскольку может быть применено для обозначения любой воспринимаемой искусственной действительности, созданной человеком: «В широком смысле виртуальная реальность трактуется как любая создаваемая реальность, отличная от объективной; в предельном варианте полагается, что вся реальность виртуальна, поскольку в наибольшей степени субъект взаимодействует с представлениями об объективной реальности, нежели с ней самой» [1, с. 91]. Применительно к информационным технологиям речь, как правило, идет о компьютерной виртуальной реальности. Она формируется в сознании человека с помощью компьютерных технологий и отличается от других разновидностей виртуальной среды тем, что, находясь внутри нее, человек способен совершать различные действия, которые могут иметь вполне реальные последствия за ее пределами. Ком-

пьютерная віртуальная реальнасць сочетае прызнакі розных відаў быцця: «Віртуальная реальнасць мае радом сваіх якасцяў як аб'ектыўна-ідеальнага, так і суб'ектыўна-ідеальнага быцця, таму што яе параметры могуць мяняцца па волі і жаданню чалавека, не гаворы ўж о том, што яе актуалізацыя вызначаецца ім жа» [2, с. 58].

Калі разглядаць віртуальную реальнасць як ідеальную, то трэба вызначыць, мае яна фундаментальныя характарыстыкі свядомасці – ідеальнасцю і суб'ектыўнасцю. Віртуальная реальнасць мадэлюе мысленыя працэсы на матэрыяльным узроўні дзякуючы штучнаму матэрыяльнаму аб'екту. Пры гэтым камп'ютарная праграма можа воспрадзіваць аперацыі мышлення, аднак у адрозненне ад яго яна матэрыяльна. Разам з тым структура, якая стварае віртуальную реальнасць, адрозніваецца ад іншых матэрыяльных аб'ектаў, уключаных у жыццядзейнасць чалавека, тым, што дазваляе запісваць на матэрыяльныя носьбіты інфармацыі розныя веды, алгарытмы дзеянняў чалавека ці тэхнічных сістэм і, такім чынам, маюць нейкае знешняе падобнасць з дзейнасцю чалавечага свядомасці. Але нават пры наяўнасці знешніх прызнакаў свядомасці праграмны прадукт з'яўляецца сабой не ідеальнае, а спрошчаны фізічную мадэль ідеальнага – *квазіідеальнае*.

Суб'ектыўнасць свядомасці заключаецца ў яго існаванні толькі для свядомага суб'екта і ў недаступнасці зместу індывідуальнага свядомасці для іншых свядомага суб'ектаў (калі яно не аб'ектывавана ў нейкай-ліба форме). Праграмны прадукт мае некаторыя знешнія рысы суб'ектыўнага: во-першых, яно недасягаема для ўспрымання без выкарыстання тэхнічных сродкаў, а во-другіх, яго змест даступны толькі для праграмістаў. З гэтага пункту гледжання камп'ютарнай праграме прысуща не суб'ектыўнасць, а *квазісуб'ектыўнасць* як недаступнасць яе ўнутранай структуры для іншых. І хоць камп'ютарная праграма бліжэй да ўсіх іншых кампанентаў тэхнаферы да чалавечаму мышленню і па сваіх функцыях, і па знешніх праяўленнях, ідеальнае ў ёй рэалізуецца праз матэрыяльныя структу-

ры і таму з'яўляецца толькі падобным мыслі, але не самай мыслі.

У тое ж час віртуальная реальнасць, з аднаго боку, выяўляе якасці матэрыяльнага быцця, яна так жа ўздзействуе на органы чутлівасці, як матэрыяльныя аб'екты, а з другога боку, існае дзякуючы ўзаемадзеянню матэрыяльных кампанентаў (электрамагнітных сігналаў, заражэнных частак і г. д.). Яе аб'ектыўнай асновай з'яўляюцца тэхналогіі, заснаваныя і дзейсныя на аснове ЭВМ, уключаючы глабальную камп'ютарную сетку Інтэрнэт. Можна сагласіцца з С. В. Орловым ў тым, што з стварэннем камп'ютарнай віртуальнай рэальнасці складваецца сама структура матэрыяльнага свету: «У ім з'яўляецца асаблівая вобласць, абслугоўваючая ўзаемадзеянне класічнай (традыцыйнай, чалавечаразмернай, іспользуючы выразенне В. С. Сціпа) матэрыяльнай рэальнасці і сферы ідеальнага, свядомасці» [3, с. 20].

Калі разглядаць віртуальную реальнасць ў кантэксце суадносін аб'ектыўнай і суб'ектыўнай рэальнасці, то можна заўважыць, што віртуальная реальнасць з'яўляецца часткай аб'ектыўнай рэальнасці. У тое ж час яна здольна мадэляваць суб'ектыўную рэальнасць: яе разрабачнікі з дапамогай спецыяльнай тэхнікі здольны «ствараць свет, падзеі якога нагадваюць падзеі звычайнага ці выдуманнага свету, ці жа падзеі, якія з'яўляюцца сабой воплывенне якіх-то ідэй (навуковых, эзатэрычных, мастацкіх)» [2, с. 63]. І калі на пераходных ступенях навукова-тэхнічнага развіцця «другая прырода» ствараецца з улікам фізічных характэрыстык чалавека, то віртуальная реальнасць сагласуецца са структурай і функцыямі чалавечай псіхікі. Да з'яўлення інфармацыйных тэхналогій мэта, пастаўленая свядомасцю як мыслены жадаемы образ будучага, рэалізоўвалася шляхам стварэння матэрыяльных сродкаў (і тэхналогій) яе дасягнення. У інфармацыйную эпоху само сродка дасягнення мэта (камп'ютарная праграма) здольна кіраваць ўздзеяннем на матэрыяльныя прадметы, часткай замяняючы чалавека і яго свядомасць. Такім чынам, існае дзякуючы камп'ютарнай тэхніцы і інфармацыйным тэхналогіям віртуальная реальнасць складваецца з аб'ектыўнай і суб'ектыўнай рэальнасці і

размывает границы между ними. Осознаваемая как объективная данность, воздействующая на чувства и разум субъекта, виртуальная реальность превращается в актуальную, а разрыв между виртуальным и действительным существованием человека сокращается.

Виртуальная реальность вызывает значительные изменения в индивидуальном и общественном сознании, которые пока невозможно оценить в полном объеме. Она обеспечивает высший на текущий момент времени уровень информированности людей и максимальную доступность информации, изменяет саму психологию общения и его формы. Информационное пространство современного человека отличается не только от того, что окружало человека в доиндустриальном и индустриальном обществах, но и от информационной среды, формировавшейся посредством радио и телевидения: «Виртуальная реальность – это такая система отображения информации, при которой у пользователя возникает ощущение пребывания в мире, синтезированном, в свою очередь, определенными устройствами» [4, с. 9]. Технология виртуальной реальности включает устройства, воздействующие на различные каналы поступления информации в мозг человека, и программное обеспечение, позволяющее формировать в сознании желаемые образы в реальном масштабе времени. При этом образы виртуальной реальности (в любом значении этого понятия) представляют собой симулякры – знаки, которые не репрезентируют предметы, т. е. по сути не являются знаками и обладают собственным бытием. С этой точки зрения виртуальную реальность можно охарактеризовать как «организованное пространство симулякров – особых объектов, «отчужденных знаков», которые в отличие от знаков-копий фиксируют не сходство, а различие с референтной реальностью» [4, с. 11].

Пребывание и действия в виртуальной реальности приводят к формированию в сознании человека виртуальной картины мира, которая выступает как «система взглядов человека на мир и его место в нем сквозь “призму” компьютерных и сетевых технологий» [3, с. 18]. А. А. Бодров в своей докторской диссертации обосновывает тезис о том, что виртуальная картина мира

может приобретать в сознании человека онтологический статус и отождествляться с реальностью как таковой. А. А. Бодров также отмечает, что виртуальная реальность имеет более низкий онтологический статус в сравнении с чувственно-вещественным бытием, т. к. у нее отсутствуют некоторые онтологические характеристики, и подкрепляет свое утверждение рядом аргументов, среди которых особый интерес вызывают некоторые из них. Она являет собой пространство чувственных образов, но не является телесной; она образно воспроизводит не только человека, но и его действия в этом образе; человек выступает как носитель свободной воли, но реализация воли в виртуальном образе не имеет телесного воплощения. Воля, во-первых, реализуется лишь в одном из аспектов – визуальном, аудиальном или ином, а во-вторых, «воля, воплощенная в виртуальной реальности, подчинена определенным правилам и ограничена, наложенным на нее той сущностью, которая выступает в качестве носителя этого образа (например, компьютерная программа)» [4, с. 19].

Характеристики виртуальной реальности не совпадают поэтому со свойствами той действительности, которая окружает человека за ее пределами. Будучи субъектом коммуникации или действия в виртуальной реальности, человек осознает нематериальность среды, в которой находится, ее «ненастоящий» характер. Более того, у него есть возможность прервать свое нахождение в виртуальной реальности в любой момент. Иными словами, происходящее в виртуальном мире не всегда воспринимается им всерьез, а ощущается, скорее, как игра, чем как реальная действительность. Этому способствуют такие свойства виртуальной реальности, как порожденность, автономность, актуальность и интерактивность. Виртуальная реальность вторична по отношению к внешней реальности, которую принято называть «константной», т. е. является порожденной. Актуальной же ее можно считать в том смысле, что она существует «здесь и сейчас» и только до тех пор, пока активна порождающая реальность. В то же время виртуальная реальность обладает собственным пространством, временем и законами существования, что позволяет говорить о ее автономности. И, наконец, виртуальная ре-

альность интерактивна, поскольку существует обратная связь с ней и возможность влиять на происходящее, пусть и регламентированная тем выбором, который заложен программным обеспечением: «Иллюзия интерактивности в виртуальном пространстве создается, что и обеспечивает субъективное восприятие автономности виртуальной реальности» [1, с. 93].

Каким же образом одна и та же реальность может быть и порожденной, и автономной? С одной стороны, виртуальная реальность не образует отдельный тип действительности: «*Виртуальная реальность не существует, в качестве нее выступают (иные реальности)*» [5, с. 90]. Иными словами, любая реальность может считаться виртуальной постольку, поскольку подменяет собой действительность. С другой стороны, виртуальная реальность создает иллюзию полного пребывания в ней: она существует, пока мы не замечаем эту подмену. Как уже отмечалось, любая реальность по сути виртуальна в силу того, что человек живет в мире собственных представлений о ней. Но сами эти представления обусловлены не столько отношением «мир – человек», сколько отношением «человек – человек». Реальность наших представлений о мире рождается в нашем сознании, но опосредована социальными отношениями и опытом, накопленным в процессе социальных взаимодействий.

В современном информационном обществе социальная жизнь субъекта волей или неволей включает его пребывание в виртуальной реальности: «Перманентная включенность в глобальный информационный поток приводит к тому, что личный духовный опыт человека разворачивается на фоне непрерывного воздействия многообразных явлений социальной действительности, не подвергаясь какой бы то ни было селекции» [6, с. 27]. Не только личная, но и социальная действительность обнаруживает тенденции к виртуализации, т. е. к замещению реальности ее симуляцией. Социальная жизнь протекает и в непосредственной действительности, и в компьютерной виртуальной реальности. Социальная элита при этом имеет дело с константной социальной реальностью, в то время как преобладающая часть общества живет в мире виртуальной политики, экономики и культуры, кото-

рый формируется современной социальной мифологией. Социальные отношения развиваются внутри коммуникационных сетей, не выходя за их пределы, из-за чего происходит их отчуждение от самих себя. Удивительным образом еще до появления компьютерной виртуальной реальности Ж. Бодрийяр указывал, что благодаря массовой коммуникации появляется новая форма социальности – масса, которая не заинтересована в собственной субъективности, а само социальное пространство превращается в сферу симуляции – гиперреальность [7].

Характеризуя массовую коммуникацию, французский постмодернист отмечал, что она по сути является симуляцией коммуникации, поскольку из нее исключены обоюдность, амбивалентность и антагонизм партнеров. Можно ли применить эти характеристики к виртуальной коммуникации? Положительный ответ представляется довольно очевидным с учетом собственных признаков виртуальной коммуникации. Как правило, среди них называют недостоверность личного участия в общении либо полную анонимность; задействованность в коммуникации не существующих лиц либо «ботов»; проектирование равенства/неравенства по усмотрению участников коммуникации либо их «плавающий» социальный статус; эмоциональную составляющую коммуникации и внерациональный характер мотивации; создание виртуальных личностей и многослойность виртуального «я»; использование специфических символов для обозначения эмоций.

Виртуальные практики коммуникации изоморфны реальным, хотя и функционируют в отличных условиях. Поэтому участники виртуальных сообществ вырабатывают определенные (пусть и не всегда рационально обоснованные) правила поведения и механизмы, упорядочивающие отношения в виртуальном пространстве. Для оценки социально значимых явлений и событий участник виртуальной коммуникации опирается на модели их интерпретации, представленные в виртуальном сообществе, а вовсе не на собственное мнение или точку зрения значимых для него людей. Несмотря на то что эти модели нередко не соответствуют действительности, в сознании членов виртуального сообщества они формируют одинаковые оценки и одинаковое отноше-

ние к миру. Таким образом, виртуальная коммуникация способствует омасовлению сознания даже с учетом того обстоятельства, что виртуальные сообщества неоднородны, а существующие в них модели интерпретации могут не только различаться, но и быть полярными. И если в прежние времена человек мог самостоятельно выбрать линию поведения с учетом традиционных норм и ценностей, то в виртуализированном мире он должен соответствовать образцам действий и оценок, которые задаются ему средствами виртуального общения.

Теоретик постиндустриального общества Э. Тоффлер утверждал, что важнейшим ресурсом общества XXI в. является знание [8, с. 43]. Однако в виртуальной реальности знание замещается информацией, которая не отражает действительность, а представляет ее в симулятивном измерении. Современный человек у монитора компьютера (или экрана телефона) погружается в море виртуальной информации, которая отличается эклектизмом, оторванностью от реальной действительности и направленностью на иррациональные начала в сознании ее потребителей. Апеллируя к бессознательным импульсам, виртуальная коммуникация формирует ценностные и поведенческие установки, которыми человек в дальнейшем неосознанно руководствуется. Особое влияние на личность в настоящее время

оказывают виртуальные социальные сети, которые образуют специфическое пространство общения, сжимающее и усиливающее коммуникативно-информационные потоки в обществе и обуславливающее особенности социализации и поведения участников сетевых сообществ [6].

Заключение

Виртуальная реальность сочетает признаки материального и идеального бытия, но не образует самостоятельный тип действительности, поскольку выступает в качестве ее замещения (подмены). Понятие виртуальной реальности применимо к любой реальности, существующей в сознании человека, однако компьютерная виртуальная реальность отличается некоторыми специфическими признаками. В частности, для возникающей при задействовании технических компьютерных средств виртуальной картины мира характерна относительная автономность при осознаваемой (или неосознаваемой) вторичности по отношению к актуальной действительности. Для современного общества характерна тенденция к виртуализации, которая прослеживается во всех сферах социальной жизни, включая коммуникацию. Виртуальная коммуникация в силу своих особенностей способствует омасовлению сознания, его эклектизации и иррационализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кликушина, Н. Ю. Понятие виртуальной реальности в курсе истории и философии науки / Н. Ю. Кликушина // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 22, № 4. – С. 86–102.
2. Питько, О. А. Виртуальная реальность как атрибут бытия человека / О. А. Питько // Традиц. нац.-культ. и духов. ценности как фундамент инновац. развития России. – 2014. – № 1 (6). – С. 58–64.
3. Орлов, С. В. Социальная философия и компьютерная виртуальная реальность / С. В. Орлов // Философия и гуманитар. науки в информ. о-ве. – 2022. – № 2 (36). – С. 12–22.
4. Бодров, А. А. Виртуальная реальность как когнитивный и социокультурный феномен : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / А. А. Бодров. – Самара, 2007. – 37 с.
5. Воробьев, Д. В. Виртуальная реальность как категория социальной философии, или Что такое виртуальная реальность? / Д. В. Воробьев, А. А. Сироткина // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социал. науки. – 2008. – № 4 (12). – С. 89–94.
6. Варич, В. Н. Динамика ценностных ориентаций в мультикультурной среде // В. Н. Варич // Системная трансформация общества: информационные технологии, инновации и традиции : сб. науч. тр. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2021. – С. 27–30.
7. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2010. – 257 с.
8. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2003. – 668 с.

REFERENCES

1. Klikushina, N. Yu. Poniatije virtual'noj rieval'nosti v kursie istorii i filosofii nauki / N. Yu. Klikushina // *Epistemologija i filosofija nauki*. – 2009. – T. 22, № 4. – S. 86–102.
2. Pit'ko, O. A. Virtual'naja rieval'nost' kak atribut bytija chielovieka / O. A. Pit'ko // *Tradic. nac.-kul't. i dukhov. cennosti kak fundament innovac. razvitija Rossii*. – 2014. – № 1 (6). – S. 58–64.
3. Orlov, S. V. Social'naja filosofija i kompjuternaja virtual'naja rieval'nost' / S. V. Orlov // *Filosofija i gumanitar. nauki v inform. o-ve*. – 2022. – № 2 (36). – S. 12–22.
4. Bodrov, A. A. Virtual'naja rieval'nost' kak kognitivnyj i sociokul'turnyj fenomen : avtorief. dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.01 / A. A. Bodrov. – Samara, 2007. – 37 s.
5. Vorobjov, D. V. Virtual'naja rieval'nost' kak kategorija social'noj filosofii, ili Chto takoje virtual'naja rieval'nost'? / D. V. Vorobjov, A. A. Sirotkina // *Viestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Social. nauki*. – 2008. – № 4 (12). – S. 89–94.
6. Varich, V. N. Dinamika cennostnykh orijentacij v mul'tikul'turnoj sriedie / V. N. Varich // *Sistiemnaja transformacija obshchestva: informacionnyje tiekhnologii, innovacii i tradicii : sb. nauch. tr.* – Brest : Izd-vo BrGTU, 2021. – S. 27–30.
7. Bodrijar, Zh. Prozrachnost' zla / Zh. Bodrijar. – M. : Dobrosviet, 2010. – 257 s.
8. Tofflier, E. Mietamorfozy vlasti: znanije, bogatstvo i sila na poroge XXI v. / E. Tofflier. – M. : AST, 2003. – 668 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 25.04.2023

УДК 165.17

Игумен Ермоген (Анатолий Николаевич Панасюк)
канд. богословия, зав. каф. теологии Института теологии
Белорусского государственного университета
Hegumen Ermogen (Anatol Panasyuk)
Candidate of Theology, Head of Theology Department Institute of Theology
of Belarusian State University
e-mail: ErmogenPAN@ya.ru

ДИАЛЕКТИКА КАК НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ЗНАНИЕ В ПОНИМАНИИ А. Ф. ЛОСЕВА

Рассматривается один из аспектов понимания диалектического метода русским философом А. Ф. Лосевым, а именно указание на непосредственно-познавательный характер этой методологии. Выявляется согласованность позиции Лосева по данному вопросу как в его ранних, так и в поздних произведениях. Такие базовые категории, как единство, эйдос, становление и их материальное воплощение в вещи, постулируются Лосевым как универсальная форма осмысленного восприятия любой действительности. Отмечается указание русским мыслителем на необходимость базировать теорию познания на ряде аксиом здравого смысла, выражающих единство субъекта и объекта познания, а также творческий характер их соотношения. Утверждается, что единство этих познавательных установок с непосредственностью положений диалектической логики является альтернативой скептицизму современной эпистемологии по отношению к установлению так называемых «базовых верований».

Ключевые слова: А. Ф. Лосев, диалектика, эпистемология, русская философия, методология.

Dialectics as Direct Knowledge in Understanding A. F. Losev

The article considers one of the aspects of Russian philosopher A. F. Losev's understanding of the dialectical method, namely the indication of the unconditioned-cognitive nature of this methodology. It is revealed that there is a coherence of Losev's position on this issue both in his early and late works. Such basic categories as unity, eidōs, becoming and their material embodiment in things are postulated by Losev as a universal form of meaningful perception of any reality. The Russian thinker points out the necessity of grounding epistemology on a number of common sense axioms expressing the unity of the subject and object of cognition, as well as the creative nature of their relationship. It is argued that the unity of these cognitive attitudes with the unconditioned nature of dialectical logic is an alternative to the skepticism of modern epistemology with respect to the establishment of the so-called «basic beliefs».

Key words: A. F. Losev, dialectics, epistemology, Russian philosophy, methodology.

Введение

Одной из характерных особенностей современной западной философии является отсутствие интереса к русской религиозно-философской традиции. Это объясняется широко распространенным и социально-исторически обусловленным скепсисом по отношению к метафизическим построениям. Между тем русская религиозная философия не только является рациональным обоснованием религиозного опыта, но и содержит в себе разработку ряда универсальных методологических подходов к эпистемологической проблематике. Наиболее значимым с данной точки зрения является творчество одного из последних представителей этой традиции Алексея Федоровича Лосева, который считал единственно правильным и полным философским методом

метод диалектический. Понимание диалектики А. Ф. Лосевым заслуживает пристального внимания, т. к. позволяет по-новому взглянуть на ряд вопросов современной эпистемологии.

Проблема оправдания или обоснования познавательных процедур является одной из главных задач теории познания, подходы к разрешению которой выражаются в разнообразии направлений: эвиденциализм, экстернализм, интернализм, релейабиллизм и т. д. Все они, как правило, исходят из недоверия к данным нашего непосредственного опыта и пытаются найти некий гарант «безопасного познания». Однако такого рода подходы уходят в дурную бесконечность поиска «базовых верований» и приводят к скептицизму, т. е. к отрицанию возможности эпистемологического фунда-

ментализма. Характерной особенностью философской методологии русского мыслителя А. Ф. Лосева является полагание в качестве основы любой познавательной деятельности ряда принципов здравого смысла, который им в этом контексте отождествляется с диалектикой.

Целью данной статьи является раскрытие особенностей понимания диалектического метода А. Ф. Лосевым на основе сопоставления некоторых его ранних и поздних произведений. Подчеркивается специальный аспект этого понимания, а именно позиционирование диалектики как непосредственного знания, что в сочетании с аксиомами здравого смысла позволяет рассматривать диалектический метод в качестве универсального эпистемологического фундаментализма.

Основная часть

Одной из главных особенностей понимания диалектики Лосевым является подчеркивание невозможности натурализации смысловой сферы, утверждение особого типа взаимоотношений между диалектическими категориями. Однако наряду с этим русский мыслитель подчеркивал непосредственно-опытный и жизненный характер основных диалектических положений, что равным образом демонстрируют как его ранние, так и поздние произведения. Так называемая тетрактида (четыре категории: одно, бытие, становление и факт этого триединого смысла) обосновывалась им не только «сверху», как логически необходимое разворачивание предельно общей категории «одно», но и «снизу», как осмысление непосредственного восприятия любой повседневной вещи. Так, например, в сохранившемся фрагменте «Истории эстетики», в котором представлен «неоплатонизм, изложенный ясно, как солнце» [1, с. 577], речь идет не столько о содержательном аспекте этой античной философской школы, сколько об универсальных диалектических принципах осмысления любого опыта. В качестве примера рассмотрения русский философ предлагает взять самый обыкновенный сад.

Интересно, что Лосев занимает сразу антидогматическую и даже, можно сказать, антифилософскую позицию при осмыслении восприятия этой обыденной вещи. Та-

кие категории, как факт, причина, ощущение, научный анализ или художественно-эстетическое восприятие, являются результатом опосредованно-теоретического восприятия вещей, а не их бытия самих по себе. И это «само по себе» в вещах, оказывается, не поддается никакому отвлеченному анализу, а является носителем разнообразных его интерпретаций. Если взять всю действительность, все бытие, то очевидно, что это «само по себе», или «самое само», и есть то первичное «сверх», которое не подлежит теоретическому «подведению», само являясь его основанием, и может утверждаться только отрицательно, т. е. апофатически. Лосев подчеркивает принципиальную диалектичность такого рассуждения, т. к. оно не нарушает цельности бытия и стремится «непосредственно отнестись к бытию» [1, с. 583].

Отрицание цельности действительности, т. е. категории Единого, которая так непопулярна в наше время в философии [2, с. 150–160], является, согласно Лосеву, просто недомыслием, т. к. тогда «окажется невысказанным даже бытие Луны, Земли, Солнца, ибо если в Луне нет своего неделимого Единого, то и Луна распадается на дискретные части, и так – все бытие и весь мир рассыплется в иррациональную пыль неизвестно чего» [1, с. 584]. Причина этого «недомыслия» в том, что люди «стали верить в бесконечную вселенную и единство ее понимать не пластически, а только абстрактно-логически (именно в виде т. н. законов природы)» [1, с. 585]. Можно добавить, что этим объясняется и непопулярность диалектики как метода, предполагающего цельность бытия и мышления, их взаимоотраженность и изоморфность. В диалектическом материализме такая цельность была представлена ущербно, т. к. догматизировался условно-исторический статус сознания на фоне вечного бытия материи [3, с. 128–143]. В современной континентальной философии, в частности во французской феноменологии, много говорят о «несказанности» явления мира, о его экзистенциальной «данности» как об особом «дофеноменологическом» акте явленности, анализ чего обычно возводят к иррационализму Хайдеггера. Однако у Лосева этот особый акт восприятия действительности не просто постулировался, но и получил

свое диалектическое обоснование: носитель признаков не сводится к их совокупности.

Далее Лосев возвращается к проблеме непосредственности восприятия бытия: «Нет ничего труднее в философии, как описать самую обыкновенную непосредственность» [1, с. 586]. Вывод о «сверх» Единого был сделан на основе опыта едино-многообразия вещей в мире. Если теперь так же непосредственно отнестись к этому едино-многообразию, то его нельзя свести на чистую вещьественность, т. к. тогда оно потеряет свою многообразность. То есть второй непосредственной очевидностью является (с точки зрения диалектики) понятие «эйдоса» – реально существующей идеальной единораздельной цельности. Вслед за этим Лосев ставит важнейший для эпистемологии вопрос: «В каком же бытийном отношении к бытию состоят наши истинные высказывания о нем?» [1, с. 579]. Если исключить безумие солипсизма и допустить самообоснованность бытия, то любое наше истинное утверждение о бытии является, согласно Лосеву, утверждением бытия о самом себе. То есть допущение самобытности бытия предполагает, что оно имеет такую свою сторону, которая, с одной стороны, тождественна ему самому, а с другой – открыта для другого сознания, а это значит, что «сознание бытия тоже объективно, хотя оно и не есть просто бытие» [1, с. 589]. Можно, конечно, предположить, что бытие – это некий вид материи, оформляемый субъективным произволом, но такая позиция вступает в конфликт с фактом intersубъективности социальной практики. Многообразие же видов отражения действительности не отрицает единство бытия, а говорит о том, что бытие – это бесконечный символ разнообразных самопроявлений, т. е. представляет собой, как говорит Лосев, «живую, а не изнасилованную и мертвую действительность» [1, с. 590]. Для большинства представителей новой европейской культуры такие рассуждения потеряли свою очевидность, и причина здесь не в логике, а в определенном социально-историческом опыте, который препятствует и пониманию основы диалектического метода, а именно того, что «сознание, адекватное бытию, имманентно содержится в нем, потенциально или реально, и без него нет и самого бытия» [1, с. 598].

Третьим очевидным свидетельством непосредственного восприятия действительности является, согласно Лосеву, ее движение, непрестанное становление действительности. В качестве главного принципа, осмысляющего факт становления, представляется невозможность объяснить движение уходом в потенциальную бесконечность причин и следствий и необходимость признать существование первопричины.

Подчеркнем, что речь не идет о теистическом аргументе, а об обосновании непосредственной очевидности движения. Первое, что утверждает Лосев, это то, что причина этого движения не может быть движимым, т. к. тело само по себе не предполагает движения. А вещь, которая обладает самодвижением, есть душа, и поэтому вся самодвижущаяся действительность имеет свою душу, что также для новоевропейского мировоззрения является мракобесием, т. к. «тут не человек одушевляет бытие и природу, но бытие и природа одушевляют самого человека». Однако, по мнению Лосева, «только так и можно избежать дуализма, в котором пребывает субъективистическая философия Нового времени» [1, с. 592].

Наконец, следующей непосредственной очевидностью, которая оказывается совсем не такой уж и очевидной, является материальность. С одной стороны, материальность предстает как некий модус реальности вещей, с которыми мы имеем дело непосредственно-чувственно, а не только в мысли. Однако при попытке выделения материи, что называется «в чистом виде», эта очевидность улетучивается. Мы имеем дело с материальными вещами, а не с материей самой по себе. Материя же сама по себе – это «чистая инаковость бытия и смысла, абсолютно неразличимая и сплошная изменчивость смысла и эйдоса» [1, с. 595].

Итак, базирясь на непосредственной очевидности восприятия бытия, неоплатоники, а вслед за ними и Лосев, утверждают четыре принципа, совмещение которых фактически представлено в любой вещи. Это структурное диалектическое единство неизменно присутствует как в ранних, так и в поздних произведениях Лосева, с той лишь разницей, что терминологически оно оформлялось по-другому [4, с. 86]. Так, в статье «Диалектика и здравый смысл» Лосев фактически воспроизводит вышеизло-

женные рассуждения о непосредственном характере диалектики, называя эту непосредственность здравым смыслом, а сами принципы – аксиомами: «Доказательство возможно только там, где признаются какие-нибудь недоказуемые элементы, причем не в силу доказательств, но исходя из простого здравого смысла» [5, с. 57]. Это, казалось бы, банальное утверждение имеет очень важное значение в контексте современной эпистемологии, которая отчаянно пытается найти основания подлинного знания. Под знанием, как правило, понимается истинное обоснованное мнение (*justified true belief*) в узкоситуационном контексте, в силу чего такое понимание сталкивается с рядом противоречий (проблема Геттиера) [6]. Лосев предлагает исходить из здравого смысла как непосредственной очевидности, которой мы руководствуемся без всяких обоснований. Это то, что в современной эпистемологии получило название базовых верований или мнений. Только если в современной эпистемологии они представляют собой некие сравнительно сложные постулаты, очевидность и универсальность которых сомнительна, то Лосев, как и в ранних трактатах, предлагает базироваться на непосредственном восприятии жизни: «Если вы действительно не хотите расставаться с реальной жизнью, вы должны уметь находить в ней наряду с ее сложностями и движением также и самоочевидные, всегда наличные стороны, не требующие никаких доказательств, а требующие только всецелого признания» [5, с. 95]. К числу такой жизненной очевидности принадлежит необходимость «признавать и реальность объекта, и реальность субъекта, и реальность их жизненных соотношений» [5, с. 95].

Анализируя ленинский тезис о единстве логики, теории познания и диалектики, Лосев, в сущности, стоит на той точке зрения, которую исповедовал и в ранних трактатах. Здесь Ленин является для него формальным союзником против западного субъективизма, который обречен на «блуждание в лабиринте гносеологической схоластики» [7, с. 32]. Узко-субъективистическое понимание логики, по Лосеву, само содержит логические ошибки. Во-первых, то, что человеческий субъект имеет способность мыслить, не значит, что содержание мышления принадлежит сугубо ему. Считать так –

«это значит один из признаков понятия считать самым понятием» [5, с. 97]. Второй ошибкой при утверждении субъективного характера мышления является претензия на объективность такого высказывания. Как известно, с наибольшим пафосом объективность истины атакуется постмодернистами, которым Лосев указывает на их непоследовательность: «Тот, кто утверждает абсолютный субъективизм мышления, только прикидывается, что отвергает объективную истину. На самом же деле, он сам ею пользуется и без нее не мог бы высказать не только своего суждения об абсолютно субъективном характере всякого мышления, но и какого бы то ни было суждения вообще» [5, с. 97]. Третьей ошибкой субъективизма является факт объективного существования субъекта, которое, конечно, может также отрицаться, но опять же непонятно на каком основании. Итак, логика, понимаемая независимо от объективного бытия, – самопротиворечива.

Диалектика же (без последовательно проводимого логического метода) превращается в пустое словопрение или искусство риторической убедительности. Такая беспринципная диалектика не может являться методом познания бытия, и Лосев с иронией замечает, что такая диалектика-софистика является «политическим правонарушением» [5, с. 99]. Итак, логика как наиболее общие и универсальные законы отражения действительности и диалектика как бытийные законы этой же действительности – это одно и то же.

Наконец, теория познания, т. е. гносеология, или эпистемология. Здесь тоже наблюдается полная преемственность и последовательность по отношению к ранним произведениям. Если еще в первом восьмикнижии Лосев считал гносеологию метафизикой, т. к. «она обычно исходит из противостояния субъекта и объекта, из вещного раскола знания и бытия, что, несомненно, является или сознательным, или бессознательным вероучением, а не фактической действительностью» [7, с. 630], то спустя полвека он выражает ту же точку зрения в отношении попыток найти границы познания: «Теория познания либо уже пользуется знанием и тогда представляет собою сплошное логическое противоречие, сплошное недоразумение и пустословие; либо са-

ма теория познания не есть процесс познания, но тогда у нее нет никаких средств для констатации и уж тем более для доказательства существования изучаемого предмета» [5, с. 100].

Таким образом, по мнению Лосева, единство логики, диалектики и теории познания обосновано самопротиворечивостью их разделения, а опираться это единство должно «на определенного рода непосредственные данности, которые очевидны уже сами собой и не требуют никаких доказательств» [5, с. 101]. Собственно, проблема таких непосредственных данностей и является основной проблемой современной эпистемологии. Аксиомами здравого смысла являются у Лосева следующие положения:

- 1) существует объективный мир;
- 2) существует субъект как сознание и мышление;
- 3) существует определенная связь между субъектом и объектом;
- 4) объект отражается в субъекте тем, что и субъект существует, хотя и существует специфично.

Надо сказать, что категория отражения, столь популярная в советской философии, достаточно скомпрометировала себя из-за якобы выхолащивания богатства субъективного восприятия действительности [8, с. 88]. Лосев специально делает акцент на том, что «отражение объекта в субъекте не нарушает творческой роли субъекта и неотделимо от его творческой деятельности, которая, повторяем, вполне специфична, т. е. является мысленной, мыслительной» [5, с. 104]. Еще в работе «Самое само» Лосев писал: «Интерпретация – вот то слово и понятие, которое, к сожалению, до сих пор находило очень мало применения в философии» [9, с. 333]. И совсем в духе постмодернизма звучит сказанное за полвека до его появления: «Духовная деятельность человека, будучи совершенно свободной, даже анархичной в создании интерпретаций, является наилучшим показателем этой безразличной и беспричинной свободы становления» [9, с. 352]. Но если у постмодернистов эта анархичность является следствием стихийного, хотя и во многом оправданного бунта против плоского просвещенческого рационализма и представлена образом хаотичной ризомы, то у Лосева эта свобода интерпретации является симво-

лическим выражением единого корня бытия, беспредикатного носителя всего его многообразия: «И поэтому, как бы капризен ни был человек в установлении тех или иных интерпретаций, все же сам-то он есть не более как та или иная интерпретация абсолютной самости. Интерпретирующая деятельность человека условна, шатка, гипотетична, капризна, но она есть отражение абсолютных энергий Самого Самого. И в этом – гарантия их осмысленности и правды. Это не значит, что человек не может ошибаться. Но это значит, что человек может не ошибаться» [9, с. 353].

Возвращаясь к самоочевидным данностям существования объекта, субъекта и их взаимного отражения, Лосев указывает на их предельное структурное совпадение, которое опять же не предполагает оцепенелую статичность, а живое саморазвивающееся единство в силу бесконечности самой действительности: «Ведь если действительность есть саморазвитие, то и диалектика должна оперировать подвижными и саморазвивающимися категориями, не только отражающими практическое творчество природы и истории, но и способствующими изменению и природы и истории» [5, с. 114–115].

Лосев вновь повторяет то, что говорил ранее по поводу непосредственности восприятия действительности. А именно: объект, продуманный до конца, есть система отношений, его структура, которая будучи неотделимой от него, в то же время не может быть нумерически с ним отождествлена. Но это же можно сказать и о субъекте, законы мышления которого «уже не есть просто само мышление, его субъективный процесс, но есть его результат, его предметная значимость» [5, с. 109]. Конечно, в условиях советской действительности Лосев не мог говорить об апофатическом истоке бытия и мышления и символических образах интерпретации «самого самого», но неоднократное подчеркивание непосредственной очевидности единства субъекта и объекта, обоснованное интересом субъективной практикой жизни, фактически утверждает именно этот непознаваемый исток: «Диалектика исходит из утверждения единства законов объективного мира и мышления» [5, с. 138]. Более того, формально используя ленинские рассуждения о бесконечном мно-

жестве возможных интерпретаций стакана, Лосев воспроизводит свое учение о непознаваемости «самого самого». Материалистическая диалектика, согласно русскому мыслителю, хотя формально правильно постулирует законы диалектического развития, однако искусственно ограничивает свободу развития мысли рядом догматических положений, которые диктуются материалистическим опытом.

Заключение

На основе сопоставления ранних и поздних произведений А. Ф. Лосева можно сделать вывод, что на протяжении всей своей долгой творческой биографии он оставался последовательным сторонником такого понимания диалектики, которое позиционирует ее как универсальный и единственно полный философский метод. Одним из важных аспектов этой универсальности русский мыслитель считал непосредственный характер диалектического знания. Эта жизненная непосредственность, как здоровый смысл, постулировалась им в качестве основания любой познавательной деятельности, независимо от характера познаваемой действительности.

Согласно русскому мыслителю, любой опыт, независимо от своего содержательного наполнения, неизбежно подчиняется универсальным диалектическим закономерностям, в частности, характеризуется рядом базовых категорий: *единство* как носитель признаков, *эйдос* как раздельно-

координированная цельность этих признаков, *становление* как процесс изменения этой цельности и *ставшее* как субстанциальная реализация этого триединства.

Кроме этого, Лосев указывает на необходимость принятия ряда аксиом теории познания, которые также базируются на здравом смысле непосредственного восприятия действительности. Речь идет о постулировании реальности существования объекта и субъекта познания, их единства, а также специфического характера процесса познания. Эти аксиомы в соединении с приведенным выше рядом категорий фактически являются вариантом эпистемологического фундаментализма, т. е. альтернативой скептическому отношению современной западной эпистемологии к установлению так называемых «базовых верований». Надо отметить, что в отличие от аналитической философии, представители которой «предпочитают опираться на формальную логику, эмпирическую методологию и данные науки» [10, с. 5], диалектика не выхолащивает предмет своего рассмотрения, а, наоборот, указывает на динамический характер действительности как символ ее бесконечных творческих возможностей. Также можно сделать вывод, что подчеркивание А. Ф. Лосевым универсального характера диалектического метода указывает на необходимость своего рода реабилитации этой методологии и освобождения от ложных ассоциаций, связывающих ее с какой-либо определенной идеологией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев, А. Ф. Эллинистически-римская эстетика / А. Ф. Лосев ; сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М. : Мысль, 2010. – 703 с.
2. Кузнецов, В. Ю. Единство мира в постнеклассическую эпоху (к постановке проблемы) / В. Ю. Кузнецов // Вопр. философии. – 2014. – № 12. – С. 150–160.
3. Кожев, А. Гегель, Маркс и христианство / А. Кожев // Вопр. философии. – 2010. – № 10. – С. 128–143.
4. Лосев, А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы / А. Ф. Лосев // Теория и методология языкознания. Методы исследования языка / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1989. – С. 5–92.
5. Лосев, А. Ф. Дерзание духа / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1988. – 366 с.
6. Антоновский, А. Ю. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 26, № 4. – С. 101–118.
7. Лосев, А. Ф. Бытие. Имя. Космос / А. Ф. Лосев ; сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль. – 1993. – 958 с.

8. Микешина, Л. А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция : МПСИ : Флинта, 2005. – 464 с.
9. Лосев, А. Ф. Миф, число, сущность / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1994. – 919 с.
10. Грязнов, А. Ф. Аналитическая философия: становление и развитие : антология : пер с англ. и нем / А. Ф. Грязнов. – М. : Дом интеллектуал. кн. : Прогресс-Традиция, 1998. – 528 с.

REFERENCES

1. Losiev, A. F. Ellinistichieski-rimskaja estetika / A. F. Losiev ; sost., podg. tieksta, obsh. ried. A. A. Takho-Godi, V. P. Troickogo. – M. : Mysl', 2010. – 703 s.
2. Kuznecov, V. Yu. Jedinstvo mira v postnieklassichieskuju epokhu (k postanovkie problimy) / V. Yu. Kuznecov // Vopr. filosofii. – 2014. – № 12. – S. 150–160.
3. Kozhev, A. Giegiel', Marks i khristianstvo / A. Kozhev // Vopr. filosofii. – 2010. – № 10. – S. 128–143.
4. Losiev, A. F. V poiskakh postrojenija obshchiego jazykoznanija kak dialiektichieskoj sistemy / A. F. Losiev // Tiejorija i mietodologija jazykoznanija. Mietody issliedovanija jazyka / otv. ried. V. N. Yarceva. – M. : Nauka, 1989. – S. 5–92.
5. Losiev, A. F. Dierzanije dukha / A. F. Losiev. – M. : Politizdat, 1988. – 366 s.
6. Antonovskij, A. Yu. Siemantichieskij kontiektualizm i probliema niestandartnogo opriedielienija znanija / A. Yu. Antonovskij // Epistiemologija i filosofija nauki. – 2010. – T. 26, № 4. – S. 101–118.
7. Losiev, A. F. Bytije. Imia. Kosmos / A. F. Losiev ; sost. i ried. A. A. Takho-Godi. – M. : Mysl'. – 1993. – 958 s.
8. Mikieshina, L. A. Filosofija nauki. Sovriemiennaja epistiemologija. Nauchnoje znanije v dinamike kul'tury. Mietodologija nauchnogo issliedovanija : uchieb. posobije / L. A. Mikieshina. – M. : Progress-Tradicija : MPSI : Flinta, 2005. – 464 s.
9. Losiev, A. F. Mif, chislo, sushchnost' / A. F. Losiev. – M. : Mysl', 1994. – 919 s.
10. Griaznov, A. F. Analitichieskaja filosofija: stanovlienije i razvitije : antologija : pier s angl. i niem / A. F. Griaznov. – M. : Dom intielliektual. kn. : Progress-Tradicija, 1998. – 528 s.

Рукапіс настпіў у рэдакцыю 22.03.2023

УДК 796.032(091)

Уладзімер Паўлавіч Люкевіч*канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Uladzimir Lukievic***Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines and Methods of their Teaching
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: lucul@brsu.brest.by***П'ЕР ДЭ КУБЕРТЭН: АДРАДЖЭННЕ І ЗАНЯПАД АЛІМПІЙСКОЙ ІДЭА**

Сацыяльна-філасофская праблема ў спорце ў цяперашні час выклікае навялічаную зацікаўленасць у грамадстве ў сувязі з імклівым распаўсюджваннем глабалізацыйных працэсаў, якія ахапілі ўвесь свет. Перш за ўсё гэта адносіцца да сістэмы міжнародных топ-спартоў, такіх як Алімпійскія гульні, чэмпіянаты свету і Еўропы па футболе і інш. Змест падобнага роду турніраў базіруецца на паняцці алімпізму, сутнасцю якога з'яўляецца алімпійская ідэя, што бярэ свой пачатак у філасофіі Старажытнай Грэцыі. Сваё сучаснае ўвасабленне яна набыла дзякуючы актыўнай дзейнасці мыслення П'ера дэ Кубертэна, які па праву лічыцца заснавальнікам алімпійскага руху нашага часу.

Ключавыя словы: П'ер дэ Кубертэн, культура, філасофія, спорт, алімпізм, гісторыя, міжнародныя гульні.

Pierre de Coubertin: Renaissance and Decline of the Olympic Idea

Socio-philosophical problems in sports are currently attracting increased interest in society due to the rapid spread of globalization processes that have covered the whole world. First of all, it refers to the system of international top competitions, such as the Olympic Games, World and European football championships, etc. The content of this type of tournament is based on the concept of Olympism, the essence of which is the Olympic idea, which originates in the philosophy of Ancient Greece. It acquired its modern incarnation thanks to the active thinking of Pierre de Coubertin, who is rightfully considered the founder of the Olympic movement of our time.

Key words: Pierre de Coubertin, culture, philosophy, sport, Olympism, history, international games.

Уводзіны

Імя французскага спартыўнага і грамадскага дзеяча, філосафа і педагога, заснавальніка сучаснага алімпійскага руху барона П'ера дэ Кубертэна (Pierre de Coubertin) шырока вядомае ва ўсім свеце. Менавіта ён у 1887 г. ініцыяваў стварэнне Саюза французскіх таварыстваў бегу, пазней Саюза французскіх таварыстваў атлетычных відаў спорту, і Камітэта па прапагандзе фізічнага выхавання. Яго рэфарматарскія погляды на сістэму адукацыі знайшлі ўвасабленне ў дзвюх кнігах: «Выхаванне ў Англіі» (L'Éducation en Angleterre. Paris: Hachette, 1888) і «Англіскае выхаванне ў Францыі» (L'Éducation anglaise en France. Paris: Hachette, 1889).

Але сусветная яго слава звязана менавіта з алімпізмам. П'ер дэ Кубертэн вызначыўся нязвычайным арганізатарскім талентам у справе адраджэння старажытных Алімпійскіх гульняў. Ён змог прыцягнуць на свой бок шмат якіх еўрапейскіх палітыкаў і

грамадскіх дзеячаў, набыў прыхільнікаў і паслядоўнікаў у розных краінах. Таму, калі 16–23 чэрвеня 1894 г. у парыжскай Сарбоне на знакамітым Міжнародным атлетычным кангрэсе было прынятае гістарычнае рашэнне пра адраджэнне Алімпійскіх гульняў, роля Кубертэна ў гэтым працэсе была вызначальнай і вырашальнай. З 1896 па 1925 г. ён узначальваў Міжнародны алімпійскі камітэт, і такім чынам застаўся другім пасля Дэметрыюса Вікеласа (Demetrius Vikelas) прэзідэнтам МАК.

П'ер дэ Фрэдзі, барон дэ Кубертэн, нарадзіўся 1 студзеня 1863 г. у Парыжы ў арыстакратычнай сям'і з багатымі гістарычнымі традыцыямі. Гэта было чацвёртае дзіця барона Шарля Луі Фрэдзі, барона дэ Кубертэна (Charles Louis Frédy, Baron de Coubertin) і Мары-Марсель Жыго дэ Крысёнуа (Marie-Marcelle Gigault de Crisenoy). Базавую адукацыю атрымаў у езуіцкім калегіуме пад назвай Externat de la rue de Vienne, куды ў кастрычніку 1874 г. быў запісаны

сваімі бацькамі. Шмат хто з тагачасных наведвальнікаў прыходзіў туды толькі на дзённыя заняткі, у той час як Кубертэн жыў там пад наглядом святара-езуіта, які павінен быў даць яму ўзорны ўзровень маральнай і рэлігійнай адукацыі. Потым у 1880–1885 гг. ён вучыўся ў Школе палітычных навук, а таксама яшчэ спрабаваў свае сілы ў вывучэнні права, якое, праўда, кінуў праз год, і ў вайскавай школе ў Сен-Сір (Saint-Cyr), але практычна адразу пакінуў яе. Кубертэн не працягнуў сямейнай палітычнай традыцыі і шукаў іншыя спосабы ўключыцца ў грамадскае жыццё краіны. Трэба заўважыць, што, як прадстаўнік вышэйшых колаў грамадства, Кубертэн мог выбраць для сябе кар’еру вайскоўца ці палітыка. Але ён схіліўся да дзейнасці ў інтэлектуальным накірунку, а больш дакладна, яго цікавілі філасофія, адукацыя, гісторыя, літаратура і сацыялогія.

Напачатку сваёй дарослай кар’еры ён быў настолькі багаты, што яму не прыйшлося ўладкоўвацца на сталую працу: яго маёмасць ацэньвалася прыкладна ў 500 тысяч франкаў золатам. У 1895 г. ён ажаніўся з Мары Ратан (Marie Rothan), з якой у яго было двое дзяцей, але шлюб стаўся не вельмі ўдалым. Старэйшы сын Жак (Jacques Frédy de Coubertin) і малодшая дачка Рэні (Renée Frédy de Coubertin) былі схільны да псіхічных захворванняў. А Мары Ратан перажыла свайго мужа і дзяцей і памерла ва ўзросце 101 года.

Мэта работы заключаецца ў філасофскай рэфлексіі і пераасэнсаванні канцэпцыі алімпійскай ідэі П’ера дэ Кубертэна. Алімпізм як філасофія жыцця ўзнік напачатку XX ст., перажыў перыяд свайго росквіту, але ў 20-я гг. XXI ст. выявіў прыкметы свайго крызіснага стану. Алімпійская ідэя П’ера дэ Кубертэна, сфарміраваная на аснове яго рамантычных і сентыменталістычных поглядаў на ролю спорту ў сучасную эпоху, увайшла ў супярэчнасці з рэальнасцю цяперашняга часу.

Метады даследавання. Напісанне артыкула і ў сувязі з гэтым падбор матэрыялаў для гэтай публікацыі патрабавалі для выкарыстання шэраг такіх метадаў даследавання, як назіранне на падставе суб’ектыўнай перцэпцыі, апісанне, параўнанне, аналіз навуковых, публіцыстычных і дакументальных крыніц, вывучэнне адкрытай у доступе інтэрнэт-інфармацыі. Філасофія алімпізму ў

кубертэнаўскім яе ўяўленні патрабуе адпаведнай інтэрпрэтацыі, а таксама экстрапаляцыі яе прынцыпаў як на шырокія колы публічнасці, так і на цэлы спектр сацыякультурных феноменаў.

Вынікі і іх абмеркаванне

Нягледзячы на шырокую сферу зацікаўленасцяў П’ера дэ Кубертэна, адным з найбольш прывабных для яго прадметаў была філасофія адукацыі, і ў прыватнасці фізічнае выхаванне і спорт у школьным навучанні. Пасля наведвання ім у 1883 г. Англіі і знаёмства з праграмай, якую распрацаваў Томас Арнольд (Thomas Arnold), Кубертэн рабіў вялікія намаганні, каб адаптаваць убачанае ў Францыі, бо імкнуўся перавываваць нацыю, каб вярнуць ёй пачуццё годнасці, і лічыў, што ўвядзенне сістэмы школьнага і студэнцкага спорту, якая эфектыўна працуе у Брытаніі, умацуе французскае грамадства, а таксама падрыхтуе будучых абаронцаў краіны. Урэшце рэшт удалося дамагчыся таго, што школьныя спартыўныя спаборніцтвы пачалі адбывацца ў Парыжы.

Далей актыўная дзейнасць Кубертэна прывяла да стварэння ў 1888 г. Камісіі садейнічання фізічнаму выхаванню. У той час ён яшчэ таксама быў галоўным рэдактарам часопіса «Revue Athlétique», дзе прапагандаваў свае ідэі. Напачатку 1890-х гг. французскі ўрад даручыў яму правесці даследаванне гісторыі сусветнага спорту, што дапамагло ўсталяваць шматлікія міжнародныя кантакты і разглядаць спорт у якасці носьбіта міру і спакою [1].

Сістэма фізічнага выхавання і арганізаваны школьны спорт у Англіі разам з сабраным матэрыялам па гісторыі сусветнага спорту ў сацыякультурнай прасторы паступова прывялі да меркаванняў пра яго выключную ролю ў чалавечым грамадстве. П’ер дэ Кубертэн быў упэўнены, што спорт вядзе да духоўнага і інтэлектуальнага развіцця, вучыць дысцыпліне і забяспечвае гармонію духу і цела, якое становіцца прыгожым праз фізічныя практыкаванні. Ён таксама лічыў, што ў спорце няма месца хлусні і падману і сам атлет павінен быць высакароднай асобай і змагацца сумленна. Яго ідэя міру грунтавалася на падставе думкі пра тое, што маладыя людзі, якія прымаюць удзел у спаборніцтвах, знаёмяцца паміж сабой, адкрываюць для сябе новыя

культуры, што дапамагае зняць узровень узаемнай напружанасці і варожасці. Спорт, арганізаваны ў фармаце гульняў, на яго думку, выступае маральнай і сацыяльнай сілай, якая ўвасаблялася ў гарманічнай раўнавазе душы і цела. Такі падыход грунтаваўся на падставе старажытнагрэчаскай традыцыі: неабходна было толькі ўзнавіць яе ў сучасных сацыяльна-эканамічных рэаліях. Ідэалізаванае ўспрымання гульняў з далёкага мінулага падштурхнула яго да аднаўлення падобнай сістэмы спаборніцтваў на міжнародным узроўні, тым больш што гэта было важна з пункту гледжання практычных меркаванняў. Калі не браць пад увагу пытанне фізічнай загартоўкі, якое з'яўляецца аднолькава важным для чалавечай дзейнасці ў розных яе галінах, то дэмакратычныя вартасці спорту паўставалі як дастаткова сур'ёзны аргумент распаўсюджвання яго ў грамадстве. У выніку не зусім удалыя спробы Кубертэна ўключыць фізічную адукацыю ў французскія школы прымусілі яго сканцэнтравана на распрацоўцы ідэі адраджэння алімпізму ў фармаце міжнародных гульняў.

Нельга адназначна сцвярджаць, што намаганні аднавіць Алімпійскія гульні не прымаліся раней. Дастаткова назваць імёны доктара Вільяма Пэні Брукса (William Penny Brookes) з Вялікабрытаніі, а таксама Іааніса Факіянаса (Ioannis Phokianos) з Грэцыі. Апошні, дарэчы, дзякуючы вялікай фінансавай дапамозе стрыечных братоў-філантропаў Эвангеласа і Канстанцінаса Запасаў (Evangelos Zappas, Konstantinos Zappas) паспяхова праводзіў спаборніцтвы на тэрыторыі Грэцыі. П'ер дэ Кубертэн не толькі ведаў пра іх дзейнасць, але на пэўным этапе падрыхтоўкі да кангрэса 1894 г. супрацоўнічаў з імі. Праўда, гульні, якія праводзіліся раней, насілі лакальны характар.

Падрыхтоўка да кангрэса 1894 г. інспіравала філасофскае асэнсаванне алімпійскай ідэі. Адным з галоўных пытанняў заставалася канцэптuala ўвасабленне зместу спаборніцтваў паміж спартоўцамі-аматарамі. Сам П'ер дэ Кубертэн публічна не пагаджаўся з тым, што, напрыклад, са спаборніцтваў па веславанні выключаліся прадстаўнікі рабочага класа. Ён знаходзіўся на перакрываванні думак пра тое, што, з аднаго боку, спартоўцам не належала б плаціць за тое, што яны ўдзельнічаюць у спаборніц-

твах, а з другога – яны мелі права на кампенсцыю за страчаны прафесійны заробак. Тым не менш ён заставаўся непахісным прыхільнікам аматарства ў сістэме алімпійскага руху.

Калі Кубертэн публічна неаднаразова выказваўся за адраджэнне Алімпійскіх гульняў, то яго прапанова, як правіла, выклікала ўсеагульную эмацыяльную падтрымку зацікаўленых асоб, аднак, на жаль, далей справа не мела працягу. Гэта змусіла змяніць стратэгію і паспрабаваць зноў падняць пытанне падчас знакамітага кангрэса 1894 г. Там у працэсе працы ў дзвюх камісіях актыўна абмяркоўваліся праблемы аматарства і алімпізму. Калі абстрагавацца ад дэбатаў па першым накірунку, то другі застаўся ў гісторыі сучаснага спорту як вызначальны пункт у арганізацыі міжнародных гульняў па старажытнагрэчаскім узору. Дзякуючы бліскачаму выступленню па гэтай тэматыцы Дэметрыуса Вікеласа было прынята рашэнне аб аднаўленні Алімпіадаў.

Трэба заўважыць, што ў перыяд падрыхтоўкі першай Алімпіяды сучаснасці, якая адбылася ў Афінах, што сімвалізавала сувязь са старажытнымі гульнямі, сам дэ Кубертэн застаўся як бы на другім плане. Гэта, як заўважаюць даследчыкі гісторыі алімпізму прафесар Дэвід Янг (David Young) і гісторык Джон Лукас (John Lucas), было звязана з яго сямейнымі праблемамі. Галоўная роля ў арганізацыі належала абранаму на кангрэсе прэзідэнту створанага Міжнароднага алімпійскага камітэта Дэметрыусу Вікеласу [2].

Калі сканцэнтравана на ідэі алімпізму ў кубертэнаўскім успрыманні, то яна базіравалася на суб'ектыўнай інтэрпрэтацыі старажытнагрэчаскай культуры з яе спаборніцтвамі незаангажаваных атлетаў на аснове сумленнага высакароднага змагання. Святы мір у гэтым выпадку як мага лепш характарызаваў сутнасць гульняў, а экстрапаляцыя такога ўспрымання на сучасную гісторыю давала яшчэ большую прывабнасць адраджэнню. Роля Алімпійскіх гульняў сучаснасці, на думку П'ера дэ Кубертэна, павінна была садзейнічаць узаемаразуменню паміж культурамі, што рабіла б меншай рызыку ўзнікнення вайны. Філасофскае асэнсаванне спаборніцтваў выявілася ў яго падыходзе да сутнасці спаборніцтваў: барацьба за пераадоленне саперніка з'яўляецца больш важ-

най за перамогу, альбо, як ён сам выказаўся на гэты конт, галоўнае ў жыцці не трыумф, а барацьба; галоўнае не ў тым, каб атрымаць перамогу, а добра біцца [2].

Алімпіяды сучаснасці, зразумела, маюць шмат адметнасцяў у параўнанні з тымі спаборніцтвамі, якія праходзілі напрыканцы XIX ст. Яны адрозніваюцца не толькі па форме правядзення, але і па тым змесце, што складае іх унутраную сутнасць. Паняцце адной з самых старажытных глабальных ідэй чалавецтва – ідэі алімпізму – у XIX ст. пэўным чынам трансфарміравалася, а ў нашы дні перажывае адпаведную мадэрнізацыю. Можна дыскусіраваць адносна праблемы развіцця алімпізму адразу ў некалькіх накірунках, у тым ліку і наконт яго крызісу, але таксама немалаважна прасачыць некаторыя суадносіны пераўвасаблення алімпійскай ідэі ад часоў кубертэнаўскага рэнесансу да сённяшніх рэалій.

Алімпійская ідэя, якая фарміравалася на тэрыторыі Старажытнай Грэцыі, у самым агульным выглядзе можа характарызавацца як утварэнне з трох элементаў: ідэі аб гарманічным развіцці чалавечай асобы, ідэі свяшчэннага міру, ідэя fair play. У паэтызаванай форме дэ Кубертэн выказаўся пра гэта, за што і атрымаў залаты медаль на літаратурным конкурсе на V летніх Алімпійскіх гульнях 1912 г. у Стакгольме за паэму «Ода спорту», якую прадставіў журы ад імя французца Жоржа Арода і немца Марціна Эшбаха (Georges Hohrod and Martin Eschbach), прычым сапраўднае імя аўтара высветлілася толькі падчас цырымоніі ўзнагароджання. Выбар імёнаў аўтараў твора ўтойваў у сабе сімвалічнае значэнне – узаемапаразуменне паміж народамі.

Па-першае, П'ер дэ Кубертэн падкрэсліў імкненне да гармоніі ў спалучэнні ў чалавеку фізічных і духоўных якасцяў:

«О спорт! Ты – зодчий!

Ты помогаешь находить пропорции совершеннейшего творения природы – человека, торжествующего в победе и сокрушающегося в неудаче.

Ты – мастер гармонии.

Ты делаешь нас сильными, ловкими, статными, исправляешь недостатки, унаследованные нами от рождения.

Ты особенный, необычный зодчий. Твой строительный материал – человек в движении.

Ты доказал, что вечное движение – не мечта, не утопия. Оно существует.

Вечное движение – это спорт» [Цыт. па: 3, с. 179–180].

У больш шырокай інтэрпрэтацыі алімпійская ідэя, як яе сабе ўяўляў П'ер дэ Кубертэн, увасабляла развіццё міжнароднага спартыўнага руху на аснове гуманістычных традыцый, пераадоленне разнастайных сацыяльных супярэчнасцяў, фарміраванне ўнутранай эстэтычнай і этычнай сутнасці спорту, развіццё таварыскіх спартыўных кантактаў паміж народамі, аматарства ў спорце, а таксама спалучэнне міжнароднага спартыўнага руху з прагрэсіўнымі сіламі чалавецтва. Такі падыход у пэўным сэнсе базіраваўся на прынцыпах спартыўнай этыкі, і сам спорт вызначаўся не толькі як сродак фізічнага развіцця чалавечага цела, але і як метада выхавання сучаснага чалавека ў духу скіраванасці да мірнага ўзаемадзеяння.

Прафесар Юзэф Ліпец (Józef Lipiec) у сваёй кнізе «Філасофія алімпізму» адносна паняцця «алімпійская ідэя» падкрэслівае, што напісана пра яе настолькі шмат, што кожная новая спроба нейкага іншага яе прачытання з непазбежнасцю вядзе да банальнага паўтарэння. Існуе, аднак, магчымасць дыялектычнага суаднясення ў гістарычным успрыманні па меншай меры дзвюх пар узаемазвязаных велічынь. Першую ўтвараюць класічны старажытнагрэчаскі алімпізм, насычаны духам рэлігійнай і філасофскай калакагатыі, і сінкрэтычны і касмапалітычны алімпізм, характэрны для эпохі элінізму і рымскага імперыялізму. Другая пара складаецца з рамантычнага і аматарскага алімпізму эпохі Кубертэна і прагматычнага, прафесійнага, гіганцкага, камерцыйнага, медыяльнага, узброенага сродкамі аўтаномнай універсальнасці алімпізму эры Самаранча [4, с. 129]. Ю. Ліпец вельмі ўдала падкрэсліў сутнасць разумення алімпійскай ідэі праз П. дэ Кубертэна на аснове рамантызму і аматарства [4, с. 128–131], што дазваляла падвесці гэты феномен пад акрэсленне яго з боку эстэтычных і этычных складнікаў, такіх, напрыклад, як прыгажосць, справядлівасць, высакародства і інш.

Па-другое, паняцце алімпійскай ідэі непарыўна звязана з яшчэ адным старажытнагрэчаскім вынаходніцтвам – свяшчэнным мірам. За чатыры тыдні да пачатку Алімпійскіх гульняў, на час іх правядзення

і на чатыры тыдні па заканчэнні Алімпіяд павінны былі спыніцца ўсе войны на тэрыторыі Элады. Гэта палажэнне таксама знайшло свой адбітак у кубертэнаўскім падыходзе:

«О спорт! Ты – мир!

Ты устанавліваеш хорошие, добрые, дружественные отношения между народами.

Ты – согласие.

Ты сближаешь людей, жаждущих единства.

Ты учишь разноязыкую, разноплеменную молодежь уважать друг друга.

Ты – источник благородного, мирного, дружеского соревнования.

Ты собираешь молодость – наше будущее, нашу надежду – под свои мирные знамена.

О спорт!

Ты – мир!» [Цыт. па: 3, с. 182].

Чалавецтва ад пачатку свайго існавання заўсёды пакутавала ад войнаў. Спорт у сучасную эпоху стаў выконваць кампенсаваную функцыю, якая павінна спрыяць перамяшэнню вырашэнняў сацыяльных канфліктаў у іншую сферу. Спробы спыніць войны з дапамогай спорту рабіліся неаднойчы. Так, напярэдадні зімовых Алімпійскіх гульняў 1984 г. у Сараеве тагачасны прэзідэнт МАК маркіз Хуан Антоніа Самаранч заклікаў спыніць усе баявыя дзеянні на час правядзення Гульняў. На жаль, заклікі не заўсёды прымаліся да ведама.

Па-грэцка, пільную ўвагу трэба звярнуць на яшчэ адзін элемент спадчыны старажытнагрэчаскай даўнасці, а менавіта *arete*. Гэты тэрмін, які ў самым агульным сэнсе можа быць трактаваны як адвага, гонар, мужнасць, мае самыя непасрэдныя адносіны да сфарміраваных да сённяшняга дня прынцыпаў *fair play* [5, с. 128–131]. Менавіта так можа разглядацца першасны падыход да ўтварэння сучаснага разумення сумленнага і высакароднага змагання. Далей ён увасабляецца ў тым, што паўстае формула шляхетных паводзін (у тым ліку і на спаборніцтвах), у фарміраванні якой вялікае значэнне належала ўплыву культуры хрысціянскага Сярэднявечча, асабліва рыцарскай культуры з яе духам чыстага, без падману, з роўнасцю шанцаў адзінаборства. Нарэшце, згодна з трэцім падыходам, мяркуецца, што прынцыпы *fair play* спачатку ўзнікаюць у спорце, а потым ужо пачы-

наюць распаўсюджвацца на іншыя сферы жыцця [6, с. 63–67].

П’ер дэ Кубертэн з уласцівым яму імпэтам вызначае наступным чынам гэты аспект алімпійскай ідэі:

«О спорт! Ты – благородство!

Ты осеняешь лаврами лишь того, кто боролся за победу честно, открыто, бескорыстно.

Ты – безупречен.

Ты требуешь высокой нравственности, справедливости, моральной чистоты, неподкупности.

Ты провозглашаешь: если кто-нибудь достигнет цели, введя в заблуждение своих товарищей, достигнет славы при помощи низких, бесчестных приемов, подавив в себе чувство стыда, тот заслуживает позорного эпитета, который станет неразлучен с его именем.

Ты возводишь стадионы – театры без занавесей. Все свидетели всему.

Никакой закулисной борьбы.

Ты начертал на своих скрижалях: “Трижды сладостна победа, одержанная в честной благородной борьбе”» [Цыт. па: 3, с. 180–181].

Пазней, у 90-я гг. XX ст., быў распрацаваны шэраг дакументаў, якія ўдакладнялі і канкрэтызавалі базавыя палажэнні маральных аспектаў спорту. Адной з такіх крыніц з’яўляецца Спартыўны этычны кодэкс «*fair play* – шлях да перамогі». У ім найперш утрымліваюцца палажэнні, накіраваныя ў бок дзяцей і моладзі, а таксама маюць дачыненні да тых сацыяльных інстытутаў і фізічных асоб, што працуюць з вызначанай сацыяльнай групай [7, с. 77–83].

Глыбіня кубертэнаўскай думкі ў працоўцы алімпійскай ідэі дасягала інтэрпрэтацыі сутнасці паняцця спартыўнай дзейнасці, якая прызнавалася выключна як прафесійная, і таму найважнейшым вынікам яе было атрыманне самім атлетам пачуцця задавальнення, перш за ўсё маральнага і эстэтычнага. Згодна з такім падыходам П. дэ Кубертэн адмоўна ставіўся да баксёрскіх двубояў за грошы, размяжоўваў працу настаўніка фізічнага выхавання і прафесійнага выкладчыка – першы павінен быць аматарам, а таксама быў супраць усялякіх публічных спаборніцтваў для юніёраў ва ўзросце да 16 гадоў [8, с. 132]. Таму няма ніякай нечаканасці ў тым, як заснавальнік

сучасных Алімпіяд трактаваў адносіны спартсмена да гэтага віду дзейнасці: галоўнае не перамога, а ўдзел. Хоць, з іншага боку, з гістарычных крыніц вядома, што ў Старажытнай Грэцыі падчас правядзення Алімпійскіх, Нямейскіх, Піфійскіх, Істмійскіх і іншых гульняў існавалі грашовыя ўзнагароды для пераможцаў – ад 500 драхмаў на Алімпійскіх гульнях да 100 драхмаў на Істмійскіх [9, с. 3–7].

Праз некаторы час уяўленне пра сутнасць спорту пачне паступова мяняцца. Пад уплывам дамініканіна Анры Дзідона (Henri Didon), дырэктара адной са школ у прыгарадзе Парыжа, нарадзіўся славацкі дэвіз «Citius. Altius. Fortius» (Хутчэй. Вышэй. Мацней). А ўрэшце і сам П. дэ Кубертэн практычна паказвае шлях да прафесіяналізацыі спорту. У адным са сваіх тэкстаў, які пазней быў перакладзены на розныя мовы, ён сфармуляваў закон, які выглядае наступным чынам: на сто асоб, якія прысвячаюць сябе фізічнай культуры, пяцьдзясят павінна займацца спортам; каб гэтыя пяцьдзясят займаліся спортам, дваццаць павінны ў ім спецыялізавацца; каб дваццаць спецыялізавалася, пяцёра павінны быць здольнымі ў дасягненні дзівосных вынікаў [8, с. 134]. Прайшло зусім крыху часу, і пяцёра здольных у дасягненні дзівосных вынікаў ператварыліся ў прафесіяналаў. Рамантычная і поўная сантыментаў эра П'ера дэ Кубертэна практычна завяршылася.

Кубертэна таксама неаднаразова падвяргалі крытыцы за яго асабістую трактоўку Алімпійскіх гульняў, іх празмерную рамантызацыю і прафесіяналізацыю. Яго сцвярдзэнне, што Алімпіяды дапамагаюць захаванню міра, таксама сустракалася скептычна. Акрамя таго, лічылі, што ён перабольшваў сваю ролю ў вырашэнні рознага роду алімпійскіх пытанняў. У віну Кубертэну ставілася і тое, што ён актыўна супрацоўнічаў з гітлераўскім рэжымам падчас Берлінскай Алімпіяды 1936 г., а таксама меў намер перадаць правы на свае кнігі Трэціму рэйху. Акрамя таго, зрабіў яркую прамову на радыё, дзе гаварыў пра Адольфа Гітлера як пра аднаго з лепшых творчых духаў сваёй эпохі. А калі выступаў на закрыцці Алімпіяды 1936 г., то выказаў падтрымку нацысцкаму рэжыму. Ён жа заснаваў у Германіі Алімпійскі інстытут і

падтрымаў ідэю менавіта тут праводзіць Алімпійскія гульні [1].

Агульная сітуацыя, якая паўстала напачатку адраджэння, станаўлення і развіцця Алімпійскага руху, патрабавала, аднак, не толькі інтэлектуальных намаганняў, але і фінансавых сродкаў. Асабістыя матэрыяльныя страты ў сувязі з папулярызаваннем алімпійскай ідэі, а таксама біржавыя непрыемнасці пазбавілі П'ера дэ Кубертэна зберажэнняў і прымусілі яго ва ўзросце больш як за 70 гадоў шукаць сродкі для існавання. Гэта паўплывала на тое, што Кубертэн пакінуў дзейнасць у МАК. Яго сябар доктар Франсіс Месерлі (Francis Mes-serli), сакратар Алімпійскага камітэта Швейцарыі, спрабаваў неяк дапамагчы. Дзякуючы яго намаганням, у 1936 г. Кубертэн стаў кандыдатам на Нобелеўскую прэмію міру, якую, аднак, не атрымаў. Пасля гэтага Месерлі заснаваў Фонд П'ера дэ Кубертэна і звярнуўся да алімпійскіх камітэтаў усяго свету з просьбай ахвяраваць грошы. Сабраныя сродкі павінны былі быць перададзены ў распараджэнне Кубертэна з нагоды 50-годдзя яго дзейнасці па рэформе адукацыі. Больш за ўсё грошай, 10 тыс. марак, ахвяраваў Алімпійскі камітэт Германіі. Уся сабраная сума склала 50 тыс. швейцарскіх франкаў, якія барон перадаў у распараджэнне сваёй сям'і, каб забяспечыць ёй годныя ўмовы жыцця [1].

Асабістае ўспрыманне таго, што ўяўляе сабой алімпійская ідэя, неяк разыходзіцца з шэрагам эпізодаў уласнага жыцця П'ера дэ Кубертэна, асабліва тое, што датычыцца яго стасункаў з уладамі фашысцкай Германіі. На гэта звяртае ўвагу, напрыклад, Джордж Хіртлер (George Hirthler). У 1930 г. было прынята рашэнне аб правядзенні XI летніх Алімпійскіх гульняў у Берліне. Як прадстаўнікі гаспадароў будучых саборніцтваў, шмат намаганняў для рэалізацыі гэтага зрабілі Карл Дзім (Carl Diem) і Тэадор Левальд (Theodor Lewald), якія блізка супрацоўнічалі з Кубертэнам. Аднак калі ў 1933 г. да ўлады ў Германіі прыйшлі нацысты, шмат якія краіны планавалі байкатаваць Гульні. Нечакана П'ер дэ Кубертэн заклікаў не рабіць гэтага. Безумоўна, ён застаецца ў гісторыі алімпійскага руху як заснавальнік сучасных міжнародных спартыўных гульняў, але яго маральны выбар прымушае звярнуць увагу і на гэты вядомы факт яго

жыцця. Зразумела, што ён быў адным з першых, хто ўбачыў крэатыўныя магчымасці спорту ў сацыяльных і адукацыйных мэтах, у справе ўмацавання міру на ўсім свеце, але сацыяльная рэальнасць у гэтым выпадку была мацнейшая за духоўныя прынцыпы [10].

Філасофскія падставы алімпізму ва ўспрыманні Кубертэна абмяркоўваюцца да цяперашняга часу. Так, напрыклад, Дэвід Янг лічыць, што Кубертэн залішне ідэалізаваў старажытныя гульні, калі лічыў, што ўдзельнікі былі аматарамі. Але ёсць сведчанні, што атлеты спецыяльна рыхтаваліся да спаборніцтваў і нават атрымлівалі матэрыяльныя ўзнагароды [9, с. 3–7]. Таксама Янг раскрывае даволі цікавую думку адносна кіраўніцтва і кантролю над міжнароднымі спартыўнымі спаборніцтвамі [2]. Як вядома, П'ер дэ Кубертэн адносіўся да вышэйшых сацыяльных колаў грамадства і меў тытул барона. Адназначна нельга сцвярджаць, але гаворка можа ісці пра тое, каб даць вышэйшым класам большы кантроль над спартыўнымі спаборніцтвамі і, такім чынам, пазбавіць такой магчымасці прадстаўнікоў іншых сацыяльных колаў. Свядома рабілася гэта ці не, зараз вызначыць немагчыма. Дарэчы, калі прасачыць за тым, хто займаў і займае пасады вышэйшага кіраўніцтва МАК, то меркаванні падобнага роду не страцілі сваёй актуальнасці да цяперашняга часу.

Не будзе лішнім заўважыць, што Алімпійскія гульні маюць выключна еўрапейскае паходжанне. Гэта ідэя дасягае калыскі Еўропы, элінскай культуры, і гэтая еўрапейкасць тэрытарыяльна абмежаваная яе заходняй часткай. Ідэя глабальных гуляў мела шанцы на поспех, таму што яна дасягнула розных куткоў зямлі разам з еўрапейскай культурай, носьбітамі якой былі англійскія і французскія каланізатары. Да сярэдзіны XIX ст. існавала адна вялікая англійская каланіяльная дзяржава. Затым адразу за Вялікабрытаніяй у барацьбу за новыя сферы ўплыву ўключыліся іншыя краіны Старога кантынента. Неўзабаве ўся Афрыка, за выключэннем Ліберыі і Эфіопіі, засталася пад кантролем, а Азія з цяжкасцю супраціўлялася каланізацыі. Еўропа дамінавала над астатнім светам, і яе патэнцыял рухаў развіццё цывілізацыі. У барацьбе за культурнае сусветнае першыństwo лідзіра-

валі Англія і Францыя, і спорт быў неад'емнай часткай іх татальнай перавагі [11, с. 44].

Ва ўмовах крызісу адукацыйных каштоўнасцяў ідэя алімпізму разам з прынцыпам сумленнай гульні многімі прыхільнікамі ўспрымаецца як адна з найбольш эфектыўных форм выхавання, якая павінна заняць вядучае месца ў сучаснай філасофскай думцы. Алімпізм прадстаўляе гуманістычныя каштоўнасці, ён стаў падставай для фізічнай культуры і спорту, надаў ім высокі сацыяльны статус. Гэта ідэя спарэдзіла канцэпцыю алімпійскай адукацыі, якая рэалізуецца ў двух напрамках – па-першае, як падрыхтоўка да Алімпійскіх гуляў, па-другое, як элемент адукацыі і выхавання, што праяўляецца ў рэалізацыі шматлікіх праектаў, якія прапагандуюць змест і ідэалы агульначалавечых і гуманістычных каштоўнасцяў, перадача якіх у навучальныя сістэмы стварае магчымасць для трывалай сувязі паміж фізічнай культурай і сучаснай сістэмай адукацыі.

Ідэя алімпізму як гуманістычнай каштоўнасці сучаснай сусветнай алімпійскай думкі ў сілу свайго шматвяковага паходжання зведала нямала метамарфоз і змяніла свае культураўтваральныя і сацыяльныя функцыі ад пачатку Гуляў Старажытнай Грэцыі і праз кубертэнаўскі гуманістычны неаалімпізм да сучаснага ўніверсальнага і глабальнага алімпізму. Алімпійскі рух прадуладжваў пабудову лепшага свету, які выключае расавую, палітычную і сацыяльную дыскрымінацыю. Алімпізм стварыў гуманістычны светапогляд і стаў асновай фізічнай культуры і спорту, надаў ім высокі сацыяльны ранг. Негледзячы на шматлікія ўзрушэнні і пагрозы палітычнай сцэны падзеленага свету, кожныя чатыры гады працягваецца свята спорту і сяброўства моладзі ўсіх народаў у форме Алімпійскіх гуляў. Безумоўна, такое становішча звязана з няўхільным выкананнем алімпійскай канстытуцыі – Алімпійскай хартыі [12], якая вызначае асноўныя задачы алімпійскага руху.

Алімпізм – гэта філасофія жыцця, якая ўсхваляе і злучае ў збалансаванае цэлае якасць цела і волю розуму. Праз спалучэнне спорту з культурай і адукацыяй алімпізм імкнецца стварыць такі лад жыцця, які заснаваны на радасці намаганняў, адукацыйных каштоўнасцях добрага прыкладу і павазе да ўніверсальных асноўных этычных

прынцыпаў. Мэта алімпізму заключаецца ў тым, каб спорт служыў гарманічнаму развіццю чалавека з бачаннем развіцця міра-любівага грамадства і павагі да чалавечай годнасці. Занятак спортам – права чалавека. Кожны павінен мець магчымасць займацца спортам без якой-небудзь дыскрымінацыі і ў алімпійскім духу, які патрабуе ўзаема-разумення на аснове сяброўства, салідарнасці і сумленнай гульні. Любая форма дыскрымінацыі ў дачыненні да краіны або асобы па прыкмеце расы, рэлігіі, палітычных перакананняў, полу або любой іншай прыкмеце несумяшчальная з прыналежнасцю да алімпійскага руху. У дыскусіі і развагах аб алімпійскай адукацыі галоўным яе зместам з’яўляецца ідэя алімпізму разам з прынцыпам сумленнай гульні, а непасрэдным сродкам дыдактычнага і выхаваўчага ўздзеяння з’яўляецца спорт.

Гульні адноўленай Алімпіяды першачаткова былі змаганнямі спартсменаў-аматараў без спонсарскай падтрымкі дзяржавы ці буйной транснацыянальнай карпарацыі. Гэта былі сапраўды гульні спорту і здаровага спаборніцтва, дзе ў моладзі развіваўся дух спартыўнай барацьбы. З часам спартыўныя спаборніцтвы сталі арэнай саперніцтва паміж краінамі і буйнымі міжнароднымі карпарацыямі і, больш за тое, сталі падвяргацца палітычнаму ўплыву [13, с. 3].

Заклучэнне

Алімпізм сучаснай эпохі, адроджаны баронам П. дэ Кубертэнам, з самага пачатку свайго існавання павінен быў змагацца з шэрагам перашкод. Будучы ў задуме творцы сяброўскім рухам, ён быў апафеозам міру і індывідуальнага самаўдасканалення. У выніку за першыя сорак гадоў свайго існавання ён стаў гратэскам і месцам развіцця прыватных, часта палітычных, інтарэсаў. Відавочна, што, акрамя падобнай назвы і асобных сімвалаў, сучасны алімпізм мае мала агульнага са сваім грэчаскім прататыпам.

Алімпійскі інтэрнацыяналізм, на які П’ер дэ Кубертэн ускладаў вялікія спадзяванні, не змог атрымаць перамогі ў барацьбе з нацыяналізмам. У рэшце рэшт нельга выкрасліць з памяці тыя часы, калі Гульні замест таго, каб паменшыць міжнародную напружанасць, распальвалі канфлікты і прыводзілі да небяспечнай эскалацыі паміж народамі, як гэта было падчас Алімпійскіх

гульняў у Берліне, Маскве і Лос-Анжэлесе. Экехейрыя, ці святы мір, што браў свае пачаткі са старажытнагрэчаскай даўніны, па праўдзе так ніколі і не стаў дамінантай і прынцыпам кіравання Гульняў новага часу. Сумяшчальнасць сучасных ідэй з тымі, што былі сфармуляваныя старажытнымі грэкамі, адлюстроўваецца амаль выключна на дэкларатыўным узроўні. Галоўным носьбітам гэтых ідэй стаў П. дэ Кубертэн, але нават ён у канцы жыцця зразумеў, што сяброўства, мір, дабро і высакароднае спаборніцтва не здольныя стаць па-сапраўднаму важнейшымі прынцыпамі чалавечага грамадства. Алімпізм у новым фармаце быў дэкларатыўным, яго ідэйнае адзінства і асноўныя ісціны пад цяжарам сацыяльнай рэальнасці дэфарміраваліся.

Асабіста П’ер дэ Кубертэн звяртаў вялікую ўвагу на філасофскае асэнсаванне алімпізму. Але антычны сэнс, так глыбока ўкаранёны ў паняцце алімпійскай ідэі, зрабіў, быць можа, занадта моцны адбітак на яго трактоўку самога спартыўнага руху. Алімпіяда паўставала не толькі ў выглядзе непасрэдных спаборніцтваў, не толькі ў выглядзе свята спорту, але і як нешта іншае, больш значнае, больш каштоўнае. Гульні характарызаваліся як міжнародны фестываль моладзі, як свята вясны чалавечтва, дзе аб’ядноўваюцца ўсе формы фізічнай актыўнасці і ўсе народы свету. Маральны крытэрыў дамінаваў у сутнасці спартыўных змаганняў, падкрэсліваў важнасць самакантролю, братэрства, узаемапазумення і г. д. Усё разам гэта павінна было б спыніць гвалт і жорсткасць у спорце.

Трэба адзначыць, што творчы ўклад П. дэ Кубертэна ў станаўленне, развіццё, функцыянаванне і распаўсюджванне алімпізму знайшоў свой адбітак у далейшых сацыяльных працэсах. МАК нават усталяваў медаль П’ера дэ Кубертэна за праявы высакародства і вернасці духу «Fair play» падчас Алімпійскіх гульняў.

Алімпійская хартыя характарызуе алімпізм як філасофію жыцця, і спорт у гэтай інтэрпрэтацыі падаецца праз такія опцыі, як сацыяльная роўнасць у яе незалежнасці ад нацыянальнага паходжання, рэлігійнага веравызначэння, культуры, матэрыяльнага становішча. Усе яны звязваюцца паміж сабой праз правілы гульні. Спартыўныя спаборніцтвы ўлічваюць не толькі пе-

рамогу, але і сам працэс гульні, як сустрэчу людзей з усяго свету з мэтай змаганьняў на стадыёне. Спартоўцы павінны быць шчырымі і сумленнымі, і ўдзел у спаборніцтвах дае ім магчымасць прадэманстраваць свае самыя лепшыя якасці. Алімпізм у такім выпадку паўстае як своеасаблівы крытэры, як падстава, што дае магчымасць вызначыць атлета і яго атачэнне ў сістэме іерархіі духоўных каштоўнасцяў. Алімпійская клятва ў гэтым выпадку замацоўвае адносіны ўдзельніка спаборніцтваў не толькі да іншых суб'ектаў дзейнасці, але таксама і да самрга сябе [14, с. 36–37].

Адраджэнне алімпійскай ідэі і аднаўленне традыцыі правядзення Алімпійскіх гульняў у навейшай гісторыі сталася магчымым дзякуючы шматлікім асабістым тален-

там П. дэ Кубертэна. Яго інтэрпрэтацыя спадчыны культуры Старажытнай Грэцыі адносна феномену алімпізму спрыяла фарміраванню, развіццю, функцыянаванню і распаўсюджванню спорту па ўсім свеце і пакінула магчымасці для больш шырокай трактоўкі гэтай з'явы згодна са зменамі сацыяльна-эканамічнага развіцця грамадства на падставе тэндэнцыі глабалізацыі. Ідэі П'ера дэ Кубертэна апырэдзілі час. Яго романтизм і сентыменталізм, што былі навеяны ідэалізацыяй старажытнагрэчаскай культуры і феноменам народжаных ёю гульняў, разыходзіліся з новымі сацыяльна-эканамічнымі і палітычнымі рэаліямі, якія базіраваліся на капіталістычнай аснове развіцця грамадства.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Olimpizm jest stanem ducha [Electronic resource]. – Mode of access: <https://histmag.org/-Pierre-de-Coubertin-ojciec-nowozytnych-igrzysk-olimpijskich-6915>. – Date of access: 01.02.2023.
2. Pierre de Coubertin [Electronic resource]. – Mode of access: <https://timenote.info/en/Pierre-de-Coubertin>. – Date of access: 02.02.2023.
3. Кубертэн, де П. Ода спорту / П. де Кубертэн // Олимпийский огонь. Спорт в творчестве поэтов мира : сборник / сост. В. П. Бурч. – М. : Физкультура и спорт, 1980. – С. 179–182.
4. Lipiec, J. Filozofia olimpizmu / J. Lipiec. – Warszawa : SPRINT, 1999. – 234 s.
5. Люкевич, В. Романтизм і сентыменталізм Fair Play в прагматычным грамадстве / В. Люкевич // Олимпийское движение и социальные процессы : материалы конф. в рамках II Междунар. форума «Молодежь – Наука – Олимпизм», Москва, 15–18 июня 2002 г. – М. : Совет. спорт, 2002. – С. 128–131.
6. Люкевич, У. Спартоўныя з'явы : навуч. дапам. для студэнтаў фак. фіз. выхавання / У. Люкевіч. – Брэст : [б. в.], 2007. – 120 с.
7. Люкевіч, У. Fair play: тэорыя і практыка / У. Люкевіч. – Берасце : Выд-ва С. Лаўрова, 1998. – 188 с.
8. Coubertin, de P. Przemówienia. Pisma różne i listy. T. II / P. de Coubertin. – Warszawa : LEA Sp. z o.o., 1994. – 152 s.
9. Люкевіч, У. П. Гульні Старажытнай Элады / У. П. Люкевіч // Гульні і забавы ў культуры правядзення вольнага часу дзяцей і моладзі: традыцыі і навацыі : зб. навук. пр. – Брэст : Альтэрнатыва, 2014. – С. 3–7.
10. Hirthler, G. Celebrating Pierre de Coubertin: the French genius of sport who founded the modern Olympic Games [Electronic resource] / G. Hirthler. – Mode of access: <https://olympics.com/ioc/news/celebrating-pierre-de-coubertin-the-french-genius-of-sport-who-founded-the-modern-olympic-games>. – Date of access: 02.02.2023.
11. Firek, W. Filozofia olimpizmu Pierre'a de Coubertina / W. Firek. – Warszawa : FALL, 2016. – 188 s.
12. Olympic Charter (in force as from 8 August 2021) / International Olympic Committee. – Lausanne : International Olympic Committee, 2021. – 112 p.
13. Kurkiewicz, A. Idea olimpizmu / A. Kurkiewicz // Infos. – 2008. – Nr 14 (38). – S. 1–4.
14. Deberny, K. Błyszczący sterowiec. Pierre de Coubertin o sporcie i olimpizmie / K. Deberny, K. Płoszaj, W. Firek. – Warszawa : Polski Komitet Olimpijski, 2016. – 132 s.

REFERENCES

1. Olimpizm jest stanem ducha [Electronic resource]. – Mode of access: <https://histmag.org/-Pierre-de-Coubertin-ojciec-nowozytnych-igrzysk-olimpijskich-6915>. – Date of access: 01.02.2023.
2. Pierre de Coubertin [Electronic resource]. – Mode of access: <https://timenote.info/en/Pierre-de-Coubertin>. – Date of access: 02.02.2023.
3. Kuberten, de P. Oda sportu / P. de Kuberten // Olimpijskij ogon'. Sport v tvorchiestvie poetov mira : sbornik / sost. V. P. Burich. – M. : Fizkul'tura i sport, 1980. – S. 179–182.
4. Lipiec, J. Filozofia olimpizmu / J. Lipiec. – Warszawa : SPRINT, 1999. – 234 s.
5. Liukievich, V. Romantizm i sientimentalizm Fair Play v pragmatichieskom obshchiestvie / V. Liukievich // Olimpijskoje dvizenije i socyal'nyje processy : materialy konf. v ramkakh II Miedzunar. foruma «Molodiozh – Nauka – Olimpizm», Moskva, 15–18 ijunia 2002 g. – M. : Soviet. sport, 2002. – S. 128–131.
6. Liukievich, U. Spartyunaja etyka : navuch. dapam. dlia studentau fak. fiz. vykhavannia / U. Liukievich. – Brest : [b. v.], 2007. – 120 s.
7. Liukievich, U. Fair play: teoryja i praktyka / U. Liukievich. – Bierascie : Vyd-va S. Laurova, 1988. – 188 s.
8. Coubertin, de P. Przemówienia. Pisma różne i listy. T. II / P. de Coubertin. – Warszawa : LEA Sp. z o.o., 1994. – 152 s.
9. Liukievich, U. P. Hul'ni Starazytnaj Elady / U. P. Liukievich // Hul'ni i zabavy u kul'tury praviadziennia vol'naha casu dziacej i moladzi: tradycyji i navacyji : zb. navuk. pr. – Brest : Al'ternatyva, 2014. – S. 3–7.
10. Hirthler, G. Celebrating Pierre de Coubertin: the French genius of sport who founded the modern Olympic Games [Electronic resource] / G. Hirthler. – Mode of access: <https://olympics.com/ioc/news/celebrating-pierre-de-coubertin-the-french-genius-of-sport-who-founded-the-modern-olympic-games>. – Date of access: 02.02.2023.
11. Firek, W. Filozofia olimpizmu Pierre'a de Coubertina / W. Firek. – Warszawa : FALL, 2016. – 188 s.
12. Olympic Charter (in force as from 8 August 2021) / International Olympic Committee. – Lausanne : International Olympic Committee, 2021. – 112 p.
13. Kurkiewicz, A. Idea olimpizmu / A. Kurkiewicz // Infos. – 2008. – Nr 14 (38). – S. 1–4.
14. Deberny, K. Błyszczący sterowiec. Pierre de Coubertin o sporcie i olimpizmie / K. Deberny, K. Płoszaj, W. Firek. – Warszawa : Polski Komitet Olimpijski, 2016. – 132 s.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 20.03.2023

УДК 101.1

Дмитрий Иванович Наумов*канд. социол. наук, доц., ученый секретарь Белорусской государственной академии связи***Dmitry Naumov***Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Scientific Secretary of the Belarusian State Academy of Communications**e-mail: cedrus2014@mail.ru***«WOKE IDEOLOGY» КАК УГРОЗА КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

В рамках социально-философского исследования рассматриваются феномены «woke ideology» и «культуры отмены», оценивается влияние современной западной философской мысли на формирование идей «woke ideology», в контексте процессореляционной методологии выявляется и оценивается их деструктивное влияние на коллективную память современного социума.

Ключевые слова: «woke ideology», «культура отмены», коллективная память, социально-философский анализ.

«Woke Ideology» as a Threat to Collective Memory: a Socio-Philosophical Analysis

The article considers the phenomena of «woke ideology» and «cancel culture» within the framework of the socio-philosophical research, evaluates the influence of modern Western philosophical thought on the formation of the ideas of «woke ideology», reveals and evaluates their destructive impact on the collective memory of modern society in the context of the process-relational methodology.

Key words: «woke ideology», «cancel culture», collective memory, socio-philosophical analysis.

Введение

В настоящее время для современных белорусских реалий проблематика междисциплинарного исследования «woke ideology» является если не экстравагантной, то нетривиальной и слабо связанной с актуальными проблемами и тенденциями общественного развития. Ведь совокупность социальных практик, социокультурных и общественно-политических процессов, которые характеризует конструкт «woke ideology», является продуктом развития стран «первого мира». Социальной базой данного феномена является современное высокоурбанизированное, мультикультурное и экономически развитое общество, в котором он выполняет определенные функции, порождая при этом скрытые или явные социальные дисфункции.

Однако вполне вероятно, что в условиях интенсификации процессов глобализации «woke ideology» станет для современного белорусского общества модным культурным или политическим брендом, некритично воспринимаемым определенной его частью. Для политического, экономического и социокультурного развития страны это может стать определенной проблемой, т. к. объективно будет актуализирован как его

позитивный, так и деструктивный потенциал. Поэтому необходимо сформировать комплексную картину развития и функционирования «woke ideology» в современном обществе, выявить и охарактеризовать влияние этого феномена на социальные процессы. Таким образом, целью данной статьи является определение и характеристика возможного деструктивного потенциала «woke ideology» и родственных социальных феноменов для коллективной памяти социума, рассматриваемой в качестве одного из значимых нормативных регуляторов социальных процессов. Это определяет актуальность изучения заявленного проблемного поля, реализованного в рамках социально-философского исследования.

Проблематизация «woke ideology» в контексте влияния на коллективную память сообщества требует экспликации теоретико-методологических оснований исследования, что актуализирует обращение к теоретическим идеям современного американского исследователя Джеффри Олика по поводу коллективной памяти. Для него коллективная память имплицитно выступает как разнородный и слабо структурируемый социокультурный феномен, состоящий из пред-

ставлений об историческом прошлом политически организованного сообщества, межпоколенческая трансляция которых обеспечивается посредством устной и неформальной передачи информации. Коллективная память формируется посредством взаимодействия индивидуальных воспоминаний о пережитых событиях, эмоционально значимых для человека, с официальными историческими нарративами и групповыми стереотипами. В совокупности они образуют профанное смысловое пространство, необходимое для формирования коллективной идентичности и поддержания непрерывности историко-культурного развития народа.

Джеффри Олик рассматривает коллективную память как совокупность «индивидуальных воспоминаний, официальных коммемораций, коллективных представлений и отдельных свойств, определяющих коллективную идентичность» [1, с. 27]. В современном обществе функционально она репрезентирует успешный опыт социальной адаптации как отдельных сообществ, так и социума в целом, обеспечивает социокультурную легитимацию политических институтов, обуславливает параметры развития национальной политической культуры, а также влияет на формирование и актуализацию общественного мнения.

Дискурсивная и процессуальная природа коллективной памяти обуславливает оптику исследования данного феномена, в фокусе которого «должно быть понимание фигураций памяти, т. е. меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы» [2, с. 46]. Следует отметить, что формирование и аккумуляция коллективных воспоминаний осуществляется в определенном историческом контексте, который предоставляет смысловую и ценностную основу процессам конструирования коллективных культурных интерпретаций, «нарративам и образам прошлого, говорящим во имя коллективности» [1, с. 41]. Он представляет собой совокупность событий и процессов различной природы и характера, которые между собой существенно различаются по критериям их ординарности, нормативности и функциональности. Такая исследовательская фокусировка позволяет вы-

явить и оценить как зоны напряженности при формировании коллективной памяти, так и вызывающие их факторы и социокультурные механизмы.

Основная часть

В современном медиа дискурсе термин «woke ideology» (от англ. woke – проснулся) используется для обозначения сторонников разнородного и слабо структурированного общественного движения за восстановление справедливости в отношении ранее угнетаемых сообществ (расовых, этнических, гендерных, субкультурных и т. д.), фактически паразитирующего на антидискриминационной тематике под прикрытием политкорректности. Как пишет Майкл Линд, возникшее в американском обществе в межвоенный период как побочный продукт формирования афроамериканского политического самосознания, в дальнейшем оно было культурно апроприировано американским демократическим истеблишментом для формирования внутривнутриполитической повестки и благодаря медиатизации современной политики вышло на глобальный уровень [3]. Как представляется, в настоящее время в большей степени это движение в развитых странах мира представлено в медиасфере и интернет-коммуникациях, чем в реальной социальной жизни. Восстановление или достижение оптимального уровня социальной справедливости сторонниками «woke ideology» рассматривается в контексте ликвидации механизмов структурного насилия по отношению к угнетаемым группам в современном обществе. Однако в качестве основных средств для этого рассматриваются осуществление компенсационных выплат их представителям и установление по отношению к ним режима позитивной дискриминации. На практике это означает, что представители якобы дискриминируемых сообществ фактически выводятся из-под действия механизма конкуренции при приеме на работу или поступлении в университет посредством введения при сомнительных правовых основаниях определенных льгот, привилегий, квот и т. д.

В историко-философском аспекте можно говорить о связи «woke ideology» с рядом идей, возникших в интеллектуальном пространстве современной западной фило-

софской мысли. В несколько гипертрофированном виде данная проблематика рассматривается в работе современных американских исследователей Хелен Плакроуз и Джеймса Линдси [4], фактически выполненной в логике традиции «культурных войн». В своей работе они попытались выявить аксиологические и нормативные основания современного социального активизма, под которым авторы понимают достаточно широкий круг социальных феноменов – от общественных движений за гражданские права женщин, расовых и сексуальных меньшинств до «культуры отмены». Одновременно они анализируют логику и процесс интеллектуальной рефлексии борьбы за социальную справедливость в формате постколониальной теории, квинтеории, критической расовой теории, гендерных исследований, эйблизма и т. д. Однако специфичный фокус исследовательского анализа, помещающий постмодернистскую философскую традицию в качестве эпистемологической основы современных «Теорий Социальной Справедливости», выводит постмодернизм за рамки исследования сферы культуры современного общества. В результате происходит подмена эпистемологической проблематики социальной, в результате которой постмодернизм редуцируется к аксиоматичным утверждениям о несуществовании объективной истины, социальном конституировании знания и системном (структурном) угнетении как атрибуте современного общества, посредством языка и знания обеспечивающем культурную нормализацию и институционализацию подавления и дискриминации социальных сообществ по различным признакам. Это позволяет Плакроуз и Линдси откровенно гипертрофированно трактовать как современный социальный активизм, так и его нормативно-аксиологическое и теоретико-методологическое основание в качестве основного источника угрозы цивилизационного развития.

В свою очередь, современный немецкий исследователь Энтони Мюллер усматривает идейную и теоретическую взаимосвязь социальных практик, относящихся к «woke ideology» (но сам термин не использует), с культурным марксизмом как интеллектуальной доминантой американской ака-

демической среды и медиасферы [5]. В качестве его теоретического источника он рассматривает работы Антонио Грамши и некоторых представителей Франкфуртской школы (как представляется, это Макс Хоркхаймер и Герберт Маркузе). Практически в конспирологическом ключе он приписывает сторонникам культурного марксизма стремление к тотальному разрушению христианской культуры и морали, рассматриваемых в качестве конституирующих основ западной цивилизации. Мюллер полагает, что этот шаг необходим для интеллектуальной и нравственной дезориентации индивидов, которые в силу утраты культурных регуляторов быстро превратятся в доступный объект для политического манипулирования со стороны марксистских интеллектуалов. Стратегия установления контроля над сферой культуры посредством морального разложения людей, как считает немецкий исследователь, вытекает из идеологических положений культурного марксизма и является компонентом политической стратегии, направленной на завоевание и удержание власти. С точки зрения Мюллера, в современных условиях медиатизация политики позволяет сторонникам культурного марксизма эффективно манипулировать общественным мнением путем постоянного спекулирования проблематикой социальной справедливости, апелляцией к необходимости защиты жертв системного угнетения. Для этого они имплицитно абсолютизируют принцип политкорректности, тем самым резко сужая пространство для публичной критики, и вводят режим нетолерантного отношения к господствующим институциональным формам политики и идеологии при одновременном распространении принципа толерантности на маргинальные политические практики и идеологические установки [6]. При этом стратегии виктимизации и самовиктимизации фактически превращаются в инструменты конституирования групповых идентичностей, основным критерием существования которых в структуре современного общества является социальная помощь и опека. В современном обществе идентификация индивида в качестве жертвы системного угнетения, по мнению Мюллера, ведет к обретению социального статуса, инклюзии и получению на постоянной основе

социальных благ и финансовых ресурсов в качестве компенсации за реальное или мнимое угнетение. Однако оборотной стороной медали является увеличение объема общественных расходов, непродуктивная социальная политика, кризис идентичностей и моральное разложение общества.

Безусловно, строго в научном смысле «woke ideology» сложно рассматривать как структурированную и целостную идеологическую доктрину, генетически связанную с классическими идеологическими системами (консерватизм, либерализм, коммунизм), с одной стороны, ввиду несистематизированности, смысловой многозначности и противоречивости, декларируемых сторонниками данного движения идей и ценностей, с другой – из-за конспирологического характера основных теорий, проясняющих по мнению сторонников «woke ideology», природу и механизмы социального угнетения меньшинств. Например, феминистские теории зачастую трактуют сексизм и расизм в качестве имманентной характеристики маскулинной версии цивилизации, исторически являющейся продуктом социальной деятельности белых мужчин.

В качестве примера можно привести работы Чанеки Уокер-Барнс, которая специфичным образом смешивает в них примордиалистские трактовки этничности, расово ориентированные феминистские схемы и протестантские теологические построения. В контексте борьбы с расовой и гендерной дискриминацией она разработала конструкт «сильная черная женщина», характеризующий имманентно присущие афроамериканкам в качестве базовых атрибутов личности эмоциональную силу, заботу и независимость [7]. Однако она не только рассматривает эти субъективные характеристики в качестве источника коллективной женской афроамериканской идентичности, но и определяет в качестве как источника проблем в плане физического и эмоционального здоровья, так и основной причины дискриминации их носительниц в американском обществе как в прошлом, так и на современном этапе развития страны. Следует отметить, что в смысловом и логическом плане оппонировавшие этой теории идеологические концепции, как, например, достаточно популярная на Западе национа-

листическая ультраправая теория заговора «великого замещения», формируют не менее причудливые картины исторического процесса и жизнедеятельности современного общества.

Вероятно, «woke ideology» представляет собой агрессивную идеологизированную субкультуру «левого» толка, основанную на своеобразных нормах, ценностях и мировоззренческих установках, носители которой достаточно четко выделяются в обществе благодаря специфическому стилю жизни, культурным маркерам и социальному поведению. В политико-дискурсивном аспекте она абсолютизирует индивидуальные права и свободы, релятивизирует коммуитаристские ценности и мировоззренческие установки, фактически редуцирует проблему социального угнетения к невозможности свободного выбора индивидом стиля жизни. Как представляется, на «woke ideology» можно возложить значительную часть ответственности за такие формы «войн памяти» в современном обществе, как переписывание или откровенная фальсификация истории, демонтаж памятников и изменение топонимики (в первую очередь, названий городов, площадей, улиц и т. д.).

Стилистически и аксиологически «woke ideology» связана с т. н. «культурой отмены», которая характеризует общественное явление, когда люди, публично нарушающие моральные нормы, подвергаются общественной критике и остракизму в социальных сетях, медиа и публичных местах со стороны общественности [8]. Содержательно «культура отмены» характеризует совокупность социальных практик, посредством которых на человека, группу, сообщество или организацию со стороны общества или его части оказывается социальное давление с целью их вытеснения из публичного пространства, сферы профессиональной или бизнес-деятельности. Основанием для бойкота или остракизма медийных людей и компаний служат их реальные или мнимые проступки социального характера, которые получили известность посредством Интернета, социальных сетей или медиа, а не совершенные ими преступления, зафиксированные и установленные в качестве таковых в легальном правовом порядке.

В современном западном социально-гуманитарном дискурсе «культура отмены» рассматривается в разных теоретических рамках, которые определяются больше научными интересами и политическими пристрастиями конкретных авторов, чем требованиями научной объективности и методологической корректности. С точки зрения выявления специфики и содержания соответствующих социальных практик наибольший интерес представляют конфликтологическая и политико-дискурсивная трактовки «культуры отмены», выявляющие характерные особенности их реализации в современной социальной действительности.

В рамках конфликтологической трактовки «культуры отмены» акцент сделан на борьбе акторов за материальные и нематериальные ресурсы, которая преимущественно разворачивается в неправовых рамках и нелегальных формах. В утрированном виде типичным в данном случае является утверждение, что современное общество конституировано патриархатными институтами и нормами, находится в постоянной борьбе за власть, ресурсы и возможности между белыми мужчинами-угнетателями и маргинализированными группами (к которым, в первую очередь, относятся женщины). Как выявила Ева Нг, «культура отмены» может быть реализована на практике как снизу (через онлайн-фандомы или социальные сети и социальные медиа), так и сверху, когда она используется политиками для продвижения в обществе определенной идеи или для выражения политической позиции посредством крупных СМИ. Китайский опыт показывает, что в условиях медиатизации политики и урбанизированного общества «культура отмены» используется в качестве действенного инструмента имплицитной политической мобилизации населения. Она рассматривает данный феномен как совокупность практик экономического поведения, которыми официальные власти Китая косвенно управляют через социальные сети и медиа, фактически направляя социальное или политическое недовольство населения против иностранных брендов, производителей или государств [9, с. 101–36].

Следует отметить, что в мировом шоу-бизнесе получила распространение практика целенаправленного распростране-

ния рекламными или арт-агентствами компрометирующей информации об актерах или музыкальных исполнителях, связанных с ними договорными обязательствами. Предполагается, что подобного рода манипуляции позволяют агентствам минимизировать свои финансовые издержки и обеспечивают контроль поведения контрагентов. Однако для экономических и трудовых отношений «культура отмены» представляет серьезную опасность в силу своего значительного деструктивного потенциала. Именно по этой причине сегодня становится актуальной идея о праве частных собственников на создание организационных структур, корпоративного пространства, сфер образовательной, деловой и иной профессиональной деятельности, принципиально свободных от проявлений «культуры отмены». Неудивительно, что речь идет о защите от негативных проявлений и последствий «культуры отмены» не столько работников организаций частной формы собственности, сколько их владельцев [10].

Политико-дискурсивная трактовка «культуры отмены» рассматривает данный феномен с точки зрения культурного сопротивления маргинальных групп структурному насилию, когда проблематично призвать к ответственности представителей элитных групп в силу их привилегированного положения в обществе и больших ресурсных возможностей. Для угнетенных и маргиналов практики «культуры отмены» представляют собой форму асимметричного социального ответа в виде конструирования морализированной новостной повестки дня. С точки зрения Евы Нг, такой ответ стал возможным только благодаря интенсивному развитию информационно-коммуникационных технологий и медиатизации политики в современном мире. Современные ИКТ и медиатехнологии позволяют привлечь внимание общественного мнения к ситуации социальной несправедливости, разрешение которой проблематично правовыми средствами, но возможно политическими инструментами и методами в случае ее перемещения в фокус общественного обсуждения [9, с. 13–37].

Американский политолог Пиппа Норрис предлагает свое понимание «культуры отмены», трактуя этот феномен как инст-

румент идеологической поляризации общества, которое сторонники данной политизированной субкультуры считают имманентно несправедливым и подлежащим принудительному переустройству путем деконструкции поддерживающих угнетение социальных институтов (от семьи до государства). Именно поэтому «культура отмены» является деструктивным фактором, благодаря которому происходит фактическая радикализация политического процесса, а не достижение консенсуса в отношении актуальных социальных проблем и путей их решения [11]. В современном обществе практики «культуры отмены», конституируемые на основе идей цифрового активизма и расширения прав и свобод меньшинств, на некоторое ограниченное время создают ситуацию реконфигурации власти в обществе. Однако консьюмеристский и реактивный характер подобных практик, их персонифицированная направленность на конкретных акторов, гипертрофированная антиколониальная направленность, зависимость от Интернета и медиа позволяют поставить под сомнение их эффективность в плане решения реальных социальных проблем.

В контексте выявления и характеристики потенциального деструктивного потенциала как «woke ideology», так и родственной данному феномену «культуры отмены» для коллективной памяти можно отметить следующие основные моменты.

Во-первых, следует отметить нормативную размытость и определенную спекулятивность практик «woke ideology» и «культуры отмены», посредством артикуляции претендующих на создание современной трактовки моральных норм и нравственных императивов. Они претендуют на нормативное регулирование индивидуального и коллективного поведения, но безотносительно к культурно-исторической детерминации социального поведения, что фактически элиминирует народ как носителя определенной культуры в качестве субъекта из исторического процесса. В социокультурном аспекте можно рассматривать «woke ideology» и «культуру отмены» как инструменты конструирования постмодернистского псевдорелигиозного культа со своими догматическими установками, про- роками и ритуалами. Он находит свое во-

площение в определенном стиле жизни на основе достаточно агрессивного мировоззрения, которое посредством медиа и социальных сетей навязывается меньшинствами остальному человечеству. При этом его сторонники, организованные в достаточно гомогенные группы по критериям общих ценностных ориентаций и стиля жизни, выстраивают такой формат общения онлайн и оффлайн, который строится на логике исключения. С одной стороны, подобная группа устанавливает содержание и границы новой нормы, навязываемой обществу посредством публичного дискурса и коммеморативных практик. С другой стороны, такое сообщество номинирует себя на статус эксклюзивного носителя и защитника этой нормы, в результате чего все остальные по умолчанию становятся нарушителями нового нормативного порядка и общественного спокойствия. Однако в отношении коллективной памяти эпатажный и агрессивный характер «woke ideology» и «культуры отмены» обуславливает их деструктивность, т. к. волюнтаристская нормативная модернизация ставит под сомнение общие воспоминания и коллективные представления, лежащие в основании традиционных моральных норм и определяющие коллективную идентичность.

Во-вторых, социальной базой «woke ideology» и «культуры отмены» в первую очередь являются различные меньшинства, которые посредством реконфигурации пытаются повысить свой социокультурный статус, легитимировать свой стиль жизни и фактически придать ему общепризнанное значение посредством социальных медиа и публичных коммемораций. Зачастую эти публичные коммеморации в формате шествий, карнавалов, так называемых «парадов гордости», фестивалей посредством медиа под видом развлекательных мероприятий навязываются обществу в качестве событий, структурирующих культурную жизнь и репрезентирующих историю народа. Естественно, что их перформативный и эпатажный характер, особенно если они касаются чувствительных для современного общества гендерных, расовых и этнических случаев нарушения прав человека, позволяет привлечь общественное внимание к проблеме. Однако это никак не разрушает реаль-

ные социально-экономические механизмы, которые порождают и устойчиво воспроизводят системное угнетение, но и устойчиво создает аберрации коллективной памяти.

В-третьих, представляет интерес практика создания сторонниками «woke ideology» и «культуры отмены» устойчивой сети межличностных отношений, конструируемой на основе общности нормативно-ценностных регулятивов деятельности и самооценности эмоционального отношения к ней. Эта сеть может быть создана как в реальном мире, так и в социальных сетях и медиа. Для достижения определенной степени однородности формируемого сообщества используется селективный механизм, с помощью которого идеологически, политически и психологически чуждые сообществу индивиды дискриминируются и не допускаются в его социальные границы и коммуникативные сети. В политическом аспекте подобная коммуникативная сеть сторонников «woke ideology» и «культуры отмены», в которой циркулируют значимые для них культурные смыслы, групповые стереотипы и специфичные коллективные воспоминания, формирует социокультурное основание для коллективной идентичности. Последнюю посредством гражданских инициатив, деятельности общественных движений, электоральных механизмов и процедур постоянно пытаются конвертировать в компонент общенациональной политической повестки или даже непосредственно в политическую власть.

Однако необходимо признать, что следствием экспансии «woke ideology» и «культуры отмены» в экономическую, политическую и культурную сферы современного общества становится инициирование опасных для его развития процессов. Во-первых, трансформируется сфера публичной коммуникации от открытого пространства, в котором априори возможно комплексное и критическое обсуждение проблемных процессов и явлений, в сторону установления иерархических отношений между акторами. В результате они формируют закрытое коммуникативное пространство, где проблематичным становится выявление и адекватная оценка социальных проблем, а политическая коммуникация приобретает императивный, догматический и манипуля-

тивный характер. Во-вторых, формируется механизм редуцирования, благодаря которому на авансцену выводятся специфичные коллективные установки и стереотипы сторонников «woke ideology» и «культуры отмены», социетальная значимость которых базируется только на коллективных воспоминаниях и оценках приверженцев этих субкультур. В результате представления в общественном мнении о сложных социально-политических и экономических процессах существенно упрощаются, а оценка параметров и результатов данных процессов переводится исключительно в моральную плоскость. В итоге нравственная позиция индивида и моральное обоснование его социальной деятельности становятся важнее организации и результатов этой деятельности в экономическом, политическом или культурном аспектах. В-третьих, стигматизация публичных акторов создает социальное давление не только на конкретных творческих деятелей, представителей сферы медиа или бизнеса, но и на элитные группы в целом. В результате элита с целью защиты собственных корпоративных позиций и интересов мобилизует ресурсы, которые направляются на решение конъюнктурных ситуаций общественного развития, а не реальных социальных проблем.

Заключение

Итак, «woke ideology» представляет собой сложный феномен, который в аспекте интеллектуального генезиса связан с определенными направлениями современной западной философской мысли, а в социальном ракурсе является продуктом глобализации. Социальные практики и дискурсы «woke ideology» в современном обществе оказывают негативное влияние на коллективную память, хаотизируя отношения между прошлым и настоящим, делая их конфликтными и идеологически ангажированными. В результате вместо борьбы с реальными причинами и факторами социального угнетения и достижения социальной эмансипации для представителей дискриминируемых сообществ, что в качестве политического приоритета декларируется адептами «woke ideology», а в социальном пространстве создаются новые идеологические основания и механизмы дискриминации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олик, Д. К. Коллективная память: две культуры / Д. К. Олик // *Ист. экспертиза*. – 2018. – № 4 (17). – С. 22–49.
2. Олик, Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Д. Олик // *Социол. обозрение*. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 40–74.
3. Линд, М. Вторая «эра Джаза» в США [Электронный ресурс] / М. Линд // *Fitzroy Magazine*. – 2021. – Режим доступа: <https://fitzroy.com/obshchestvo/woke-inc/>. – Дата доступа: 21.08.2022.
4. Плакроуз, Х. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / Х. Плакроуз, Д. Линдси ; пер. с англ. Д. Виноградова. – М. : Individuum, 2021. – 384 с.
5. Mueller, A. P. Is Cultural Marxism America's New Mainline Ideology? [Electronic resource] / A. P. Mueller // *Mises Institute*. – Mode of access: <https://mises.org/wire/cultural-marxism-americas-new-mainline-ideology>. – Date of access: 15.08.2022.
6. Wolff, R. P. A Critique of Pure Tolerance / R. P. Wolff, B. Moore Jr., H. Marcuse. – Boston : Beacon Press, 1965. – 117 p.
7. Walker-Barnes, Ch. Too Heavy a Yoke: Black Women and the Burden of Strength / Ch. Walker-Barnes. – Eugene : Wipf and Stock Publishers, 2014. – 234 p.
8. Saint-Louis, H. Understanding cancel culture: Normative and unequal sanctioning [Electronic resource] / H. Saint-Louis // *First Monday*. – 2021. – Vol. 26. – Mode of access: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/10891/10177>. – Date of access: 05.08.2022.
9. Ng, E. Cancel Culture. A Critical Analysis / E. Ng. – London : Palgrave Macmillan, 2022. – 153 p.
10. Bagus, P. Cancel Culture, Safe Spaces, and Academic Freedom: A Private Property Rights Perspective [Electronic resource] / P. Bagus, F. Daumann, F. Follert // *SSRN Electronic Journal*. – 2022. – July 4. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/362009420_Cancel_Culture_Safe_Spaces_and_Academic_Freedom_A_Private_Property_Rights_Perspective. – Date of access: 15.07.2022.
11. Norris, P. Cancel Culture: Myth or Reality? [Electronic resource] / P. Norris // *Political Studies*. – 2021. – August 11. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/003232-17211037023>. – Date of access: 19.07.2022.

REFERENCES

1. Olik, D. K. Kolliektivnaja pamiat': dvie kultury / D. K. Olik // *Ist. ekspiertiza*. – 2018. – № 4 (17). – S. 22–49.
2. Olik, D. Figuracii pamiatii: processo-rieliacionnaja mietodologija, illiustracii na primierie Giermanii / D. Olik // *Sociol. obozrienije*. – 2012. – Т. 11, № 1. – S. 40–74.
3. Lind, M. Vtoraja «era Dzhaza» v SShA [Eliiektronnyj riesurs] / M. Lind // *Fitzroy Magazine*. – 2021. – Riezhim dostupa: <https://fitzroy.com/obshchestvo/woke-inc/>. – Data dostupa: 21.08.2022.
4. Plakrouz, H. Synichnyje teoriii. Kak vsie stali sporit' o rasie, gienderie i identichnosti i chto v etom plokhogo / H. Plakrouz, D. Linds ; pier. s angl. D. Vinogradova. – M. : Individuum, 2021. – 384 s.
5. Mueller, A. P. Is Cultural Marxism America's New Mainline Ideology? [Electronic resource] / A. P. Mueller // *Mises Institute*. – Mode of access: <https://mises.org/wire/cultural-marxism-americas-new-mainline-ideology>. – Date of access: 15.08.2022.
6. Wolff, R. P. A Critique of Pure Tolerance / R. P. Wolff, B. Moore Jr., H. Marcuse. – Boston : Beacon Press, 1965. – 117 p.
7. Walker-Barnes, Ch. Too Heavy a Yoke: Black Women and the Burden of Strength / Ch. Walker-Barnes. – Eugene : Wipf and Stock Publishers, 2014. – 234 p.
8. Saint-Louis, H. Understanding cancel culture: Normative and unequal sanctioning [Electronic resource] / H. Saint-Louis // *First Monday*. – 2021. – Vol. 26. – Mode of access: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/10891/10177>. – Date of access: 05.08.2022.
9. Ng, E. Cancel Culture. A Critical Analysis / E. Ng. – London : Palgrave Macmillan, 2022. – 153 p.

10. Bagus, P. Cancel Culture, Safe Spaces, and Academic Freedom: A Private Property Rights Perspective [Electronic resource] / P. Bagus, F. Daumann, F. Follert // SSRN Electronic Journal. – 2022. – July 4. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/362009420_Cancel_Culture_Safe_Spaces_and_Academic_Freedom_A_Private_Property_Rights_Perspective. – Date of access: 15.07.2022.

11. Norris, P. Cancel Culture: Myth or Reality? [Electronic resource] / P. Norris // Political Studies. – 2021. – August 11. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/003232-17211037023>. – Date of access: 19.07.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.02.2023

УДК 179.3

Виктория Валерьевна Павлова
аспирант 1-го года обучения каф. философии культуры
Белорусского государственного университета

Viktoriya Pavlova
1-nd Year Post-Graduate Student of the Department of Philosophy of Culture
of Belarusian State University
e-mail: pvs.pavlovaVV2@bsu.by

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕОРИИ ПРАВ ЖИВОТНЫХ

Анализируется проблема реализации теории прав животных в конкретных областях человеческой жизнедеятельности и выявляется ее этическая недостаточность. На примере содержания домашних животных, животноводческих хозяйств, охоты, индустрии развлечения и экспериментальных исследований на животных рассмотрена применимость теории прав животных на практике. Этическая оценка реализации показала, что теория прав животных не применима в полной мере в выделенных областях, вступает в конфликт с этическими подходами во взаимодействии человека и животного и не представляет собой особой инструментальной ценности в регулировании этики отношения к животным.

Ключевые слова: этика отношения к животным, теория прав животных, области реализации прав животных.

Ethical Aspects of the Implementation of Animal Rights Theory

The article is devoted to the problem of the implementation of animal rights theory in specific areas of human activity and the identification of their ethical insufficiency. The applicability of the theory of animal rights in practice is considered on the example of keeping pets, livestock farms, hunting, entertainment industry and experimental studies on animals. The ethical analysis of the implementation shows that the theory of animal rights is not fully applicable in the selected areas. The article is devoted to the problem of the implementation of animal rights theories in specific areas of human activity and the identification of their ethical insufficiency. The applicability of the theory of animal rights in practice is considered on the example of keeping pets, livestock farms, hunting, entertainment industry and experimental studies on animals. The ethical analysis of the implementation shows that the theory of animal rights is not fully applicable in the selected areas, conflicts with ethical approaches in the interaction of humans and animals, and does not represent a special instrumental value in animal ethics.

Key words: animal ethics, animal rights theory, realization of animal rights.

Введение

Этика отношения к животным как знание о нравственном отношении и обращении человека и общества с животными в значительной мере опирается на теорию прав животных. На их основе животные наделяются моральным статусом, набором прав и соответствующими этим правам нормами обращения. Этот подход имеет ряд преимуществ. Во-первых, определяется место животного в правовой системе координат (положение относительно человека, природы, других животных, искусственного интеллекта). Это позволяет ориентироваться в ценности животного для людей и окружающей среды. Во-вторых, теория прав жи-

вотных имеет веское философско-методологическое основание, за счет чего становится возможным сформулировать правила регулирования взаимодействия человека и животного и определить границы их применения. В-третьих, правовой подход можно назвать универсальным, понятным и доступным теоретическим базисом, который может использоваться в равной степени в этико-философских и междисциплинарных исследованиях, в юридической и медицинской практике, в политической, социальной и культурной сферах.

Однако теория прав животных имеет свои недостатки и ограничения. В первую очередь это исключительно антропоцентричный подход к изучению животных. Философские исследования в этом случае сразу приобретают мировоззренческий уклон в сторону интересов человека. Этические же

Научный руководитель – Елена Валериевна Беляева, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

исследования хоть и предоставляют градуированный диапазон соотношения интересов человека и животных, природы и животных, в конечном счете приходят к тому, что теория прав чужеродна для самих животных и служит лишь способом нашего представления о них. Учитывая инструментальную полезность теорий прав, можно было бы активно использовать этот функционал в прикладной области. Однако теория прав животных оказывается недостаточно приемлемой с этической точки зрения как в силу внутренних противоречий, так и по условиям их реализации. Рассмотрение объективных проблем реализации теорий прав животных в конкретных областях человеческой жизнедеятельности и выявление их этической недостаточности является целью этой работы.

Актуальность темы тесно связана с нарастающей плотностью контактов людей с животными и значительным расширением как количества, так и качества этих контактов. В настоящее время проблемы этики отношения к животным включают в себя проблемы экспериментов над животными, животноводства, трансплантации, создания гибридов (химер), употребления мяса, использования других животных продуктов, легитимности зоопарков и цирков, проблемы использования животных для отдыха и охоты. Теория прав частично справлялась с этими вызовами, однако даже в случае обоснованного признания частичной правоспособности животных им не доставало практико-применительного потенциала. Немаловажными также являются возможные философские, культурологические и мировоззренческие последствия утверждения прав животных, способные в перспективе существенным образом изменить классические антропоцентрические представления.

Основоположниками идей о правовой защите животных были такие философы, как Джон Локк, Джереми Бентам и Жан-Жак Руссо. К классикам в этой области относятся Ричард Райдер [1], Питер Сингер [2], Генри Сиджвик [3]. В области прав животных одним из самых известных философов в США является Генри Спира [4]. Отдельно следует упомянуть американского философа Тома Регана [5], внесшего большой вклад в теорию прав человека и животных.

Основная часть

Права животных как самостоятельная область рассматривались в рамках трех основных направлений: медицинская этика, этика отношения к животным, экологическая этика. Каждое направление имеет свои особенности, однако зачастую многие вопросы, этические подходы и концепции повторяются. Несмотря на различные, часто противоречивые теоретические позиции, большинство исследователей сходятся в том, что существуют общие нормы приемлемого и неприемлемого отношения к животным.

В теории прав животных признается следующий перечень моральных прав, которыми могут обладать животные: «право на жизнь; право на свободу от человеческого вмешательства; право на защиту от ненужного страдания; право на продолжение жизни (репродукцию, воспроизводство); право на здоровую среду обитания; право на стремление к счастью (на процветание, на самореализацию); право на реализацию эволюционного потенциала» [6, с. 3]. Стратегия их реализации заключается в том, что они соблюдаются до тех пор, пока не вступают в конфликт с жизненно важными правами человека. Здесь большинство философов сходятся на том, чтобы предпочтение отдавалось человеку.

Тем не менее на практике и в обыденной жизни наблюдается несколько иная ситуация. Согласно первичным интуитивным представлениям, люди склонны делить животных на группы: животное может считаться диким, домашним, рабочим, декоративным, спортивным, лабораторным и т. д. Более того, одно и то же животное может одновременно иметь различные области реализации своих прав, искажая и усложняя практическое отношение к нему. Например, любая крупная хищная птица одновременно может являться исчезающим видом, который законодательно защищается государством; диким вредителем, похищающим мелкую птицу с домашнего подворья; ценным питомцем в вольере зоопарка; ловчей птицей охотников; «сотрудником» (служебным спецсредством) в аэропортах, обеспечивающим орнитологическую безопасность и т. д. Рассмотрение ситуации в разном ракурсе заставляет по-разному относиться к одному и тому же животному. Одно и то же живот-

ное может одновременно иметь различные области реализации своих прав, искажая и усложняя практическое отношение к нему. Этическая позиция кардинально отличается от случая к случаю, в результате чего диапазон практического отношения к животному может колебаться от полной защиты до полного истребления. Независимо от постулируемых прав животных каждая конкретная ситуация будет диктовать свое «правильное» отношение к конкретному животному, при этом нормы этики будут носить преимущественно рекомендационный характер.

Применимость теории прав животных уже подвергается критике. Исследователь С. А. Гарчичко [7] предоставил ее развернутую критику с точки зрения основных принципов права и показал несостоятельность ряда аргументов, традиционно выдвигаемых в пользу данной концепции. Профессор права из Гарварда Кристин Стилт [8] подробно проанализировала сложности и противоречия правовой концепции животных с практической стороны при разборе судебных процессов. Зоопсихолог Казимера Кордецкая со своей позиции рассуждает о недопустимости распространения прав на животных на том основании, что отношения внутри вида сложно приравнять к межвидовым [9].

Содержание домашних животных многими считается естественным или даже необходимым. Традиционно живущие с человеком кошки и собаки приносят своим хозяевам не только радость, но часто также и практическую пользу. Их полезное поведение не требует особых усилий и не приносит животному прямого вреда. Зачастую теория прав выделяет домашних животных в особую привилегированную категорию и ставит их в статусной иерархии выше других животных, при этом рассматривая в качестве домашних питомцев в первую очередь высших млекопитающих привычного нам региона, игнорируя другие виды. По отношению к таким животным аморальным и неприемлемым будет считаться отказ от животного, недостаточная забота о нем, жестокое обращение. С другой стороны, на человека возлагаются дополнительные моральные обязанности: помимо непосредственной заботы о благополучии животного, необходимо обеспечивать безопасность

для других людей или животных. Точкой отсчета в такого рода отношениях является право собственности человека (владельца) на животное, закрепленное законом. Это же право собственности является и камнем преткновения в рамках теории прав животных, где существуют представления о моральном равенстве людей и животных. Подобное положение позволяет легально эксплуатировать домашних питомцев и нарушает их естественное право на свободу.

Ситуация с домашними животными двойка. С одной стороны, человек ущемляет права животных на свободу от человеческого вмешательства; с другой стороны, без человека многие домашние животные не выжили бы вовсе. Даже позиция наиболее гуманного отношения к животным не позволяет с этической и законодательной точки зрения утвердить ответственность животных за свое поведение: любые инциденты в таком случае остается классифицировать как несчастный случай. В результате этика вынуждена мириться с таким положением, когда, согласно теории прав, домашнее животное рассматривается как эмоционально ценный объект авторитарной заботы человека. Ситуация постепенно стремится к тому, что выстраиваются не партнерские отношения с сожителяющим животным, а отношения, обесценивающие питомца как самостоятельного и независимого носителя морального статуса. Реализация теории прав животных как юридического конструкта в описываемой практике утверждает тождество между гуманизмом (человеческим принципом) и заботой об интересах домашнего животного, чем подменяет этическую составляющую этих отношений – понимание животного как партнера по моральному взаимодействию и коммуникации.

Животноводческие хозяйства являются чуть ли не главным катализатором общественных дискуссий на тему этичного обращения с животными. Практика разведения животных ради мяса подвергается критике, используются аргументы о недопустимости самого употребления мяса в пищу, о негуманности умерщвления животных на скотобойнях, о жестокое обращение с животными на фермах и ненадлежащих условиях их содержания. Главным аргументом для такого рода критики выступает способность животных ощущать боль и ис-

пытываць страданне. В качестве возражения зачастую приводится аргумент о естественности и необходимости употребления мяса человеком, также в качестве компромисса уже сейчас создаются экофермы по производству молока и яиц, где животные содержатся в максимально комфортных для них условиях. Во многом аналогична ситуация для фермерских хозяйств, производящих шерсть. Особенно остро стоит вопрос разведения животных ради меха. По мнению зоозащитников, на данный момент нет совершенно никаких оснований для разведения пушных зверей, т. к. современные искусственные материалы способны полностью заменить натуральный мех.

Вопросы также вызывает племенное разведение животных. Принудительная селекция также рассматривается как нарушение прав животных, но самое главное, на что обращают внимание зоозащитники, – нередко результат селекции приводит к серьезным нарушениям здоровья, что также подпадает под категорию защиты животных от необоснованного причинения вреда. Это справедливо для пород, используемых для разведения ради достижения лучших рабочих или экстерьерных качеств. Нельзя также упускать из виду питомники – специализированные фермы по разведению определенных пород или видов животных не с целью их забоя, а, как правило, ради разведения и увеличения численности их популяции. Целью разведения животных может быть получение прибыли от их продажи (не всегда законной), но также и сохранение определенного вида или селекция в целях улучшения породы, не ведущая к деформации.

Несмотря на то что животноводческие хозяйства вызывают у представителей зоозащиты и сторонников теории прав животных негативную реакцию, утилитарная необходимость в животных продуктах все еще является главным фактором, утверждающим правовую допустимость подобной практики. Вероятнее всего, фермерство останется таковым по крайней мере до тех пор, пока не будет найдена полноценная альтернатива мясу и другим продуктам животноводства.

С точки зрения теории прав животных животноводческая деятельность нарушает практически все их права: человек ли-

бо ставит свои интересы и права выше прав животных, либо права человека рассматриваются как приоритетные. Эти рассуждения принимают во внимание положение, что пропитание является базовой потребностью человека, однако предполагают, что человек способен удовлетворить эти потребности, не прибегая к массовому забою животных. С точки зрения этики животных животноводство может являться как «необходимым злом», служащим на благо человека и в его интересах, так и «абсолютным злом», представляемым как предельный случай негуманного обращения с животными и эксплуатации, не оправдывающий той выгоды, которую это приносит человеку.

В этой области реализации прав животных взгляд этики и права в целом совпадает: разведение животных как ресурса признается негативным явлением. Разные подходы в рамках этики и теории прав могут лишь варьировать свою оценку степени аморальности этой практики. Однако именно в этой схожести взглядов и кроется слабость теории прав животных: доходя до практического осуществления ее положений, животноводство как наиболее крупная и спорная область реализации оказывается за рамками выполнимых прикладных рекомендаций, в то время как с осуждением и теоретическим обоснованием аморальности этого вида деятельности успешно справляется любой этико-философский подход.

Охота на сегодняшний день относится к досуговому занятию и за малым исключением повсеместно рассматривается как хобби, а не как необходимость. С точки зрения теории прав животных охота является крайне аморальной как из-за убийства ради развлечения, так и из-за использования одних животных для охоты на других. Возражения направлены против убийства животных и практики затравливания диких животных в ходе подготовки и натаскивания будущих охотничьих собак. В основе критики также лежит представление о естественном праве любого животного на жизнь и недопустимости причинения ему необоснованного страдания.

Однако в противовес существует точка зрения, утверждающая, что охота с собаками является морально оправданной. В этом случае приводятся аргументы об естественности процесса для хищников, а так-

же говорится, что охотничьи животные обеспечивают быструю и более безболезненную смерть жертвы и не оставляют раненых. Есть также весомый аргумент в пользу охоты как практики в целом: это гуманный способ защиты сельского хозяйства и окружающей среды от животных-вредителей или от избыточного роста популяции определенного вида.

Уже на разделении способов охоты прослеживаются противоречия теории прав животных и этики. Категоричность правового подхода не делает исключений и не отказывает в праве на жизнь и реализации своего потенциала ни одному из живых существ. И хотя законы дикой природы исключаются из этико-правового поля, права охотничьих птиц и собак на реализацию своих жизненных интересов и поведение сообразно их инстинктам так или иначе вступают в конфликт с интересами жертвы. Источником этого конфликта становится человек, регулирующий процесс охоты и создавший саму ситуацию. С этической точки зрения можно условно разделить охоту на морально оправданную и неоправданную: к первой категории относится санитарная охота, необходимая зачастую для экосистемы не меньше, чем для человека; ко второй относится охота промысловая, трофейная и охота ради развлечения. Другими словами, там, где теория прав животных не может четко разрешить ситуацию в рамках практики ведения охоты, эту роль на себя берет этика отношения к животным или, чаще, экологическая этика.

Именно благодаря экологической этике, а не теории прав животных правовые аспекты охоты на данный момент разработаны не меньше, чем моральные. Закон однозначно и в соответствии с актуальной ситуацией регулирует охоту как практику с учетом интересов людей и природоохранных организаций. При этом личностная моральная сторона вопроса остается на совести самих охотников: например, в процессе охоты никак не регулируется гуманность умерщвления животного. В этой сфере теория прав животных реализуется косвенно, через перенос прав с отдельного животного на иной субъект – экосистему.

В индустрии развлечения и спорта наблюдается явная эксплуатация животных в целях удовлетворения небазовых потреб-

ностей людей. Такие практики, как родео, аджилити, дистанционные пробеги и т. п. базируются на однозначном представлении о приоритете прав и интересов человека и бесправности животных. В эту практическую область попадают добросовестно и недобросовестно ведущие бизнес зоопарки, дельфинарии, океанариумы и т. п. Хотя сам факт пребывания животного в искусственно созданной среде зоопарка не доказывает, что животное испытывает страдание, тем не менее для приверженцев теории равенства прав содержание животных в неволе – само по себе серьезнейшее моральное преступление. Поэтому, согласно теории прав животных, индустрия развлечения и досуга для людей за счет использования животных по степени аморальности практик можно приравнять к сфере охоты – это практика, которая должна быть искоренена, при этом единственным способом достижения этой цели остается полное и безальтернативное прекращение аморальной деятельности по отношению к имеющим права животным.

Здесь также наблюдается расхождение теории прав с этическим взглядом на эту практику. Можно морально оправдать эксплуатацию животного как для развлечения, так и для получения прибыли, если животное при этом не испытывает никаких страданий и не понимает того факта, что им пользуются. В отдельных случаях востребованность животного как объекта социального и культурного интереса может стать выходом для его спасения либо повышения качества жизни, особенно если речь идет не о сохранении вида либо популяции, а отдельного конкретного животного. Соответственно, любая деятельность, направленная на достижение этой цели, является морально оправданной. Характерно, что закон в такой ситуации также подчиняется этическим (не правовым) нормам и никак не защищает права животных, ограничиваясь запретами на жестокость по отношению к ним.

Особое положение занимает область экспериментальных исследований на животных. Фактически это узаконенное целенаправленное причинение страдания, основанное на убеждении, что цель оправдывает средства, если только не существует замены животных в эксперименте на искусственно выращенные ткани или компьютерные модели. В настоящий момент не ставится во-

прос о запрете проведения экспериментов над животными, темой для обсуждения является вопрос о методах их проведения. Теория прав животных, очевидно, выступает категорически против подобных практик, проводимых исключительно в собственных интересах человека и не приносящих пользу самим животным. С этико-правовой позиции не существует обоснования причинению страданий животным ради пользы человека. Тем не менее подобная практика продолжается. Стоит отметить, что несколько утопичная позиция правовой теории все же имеет эффект: благодаря общественному интересу к теме идея наделения животных правами в ряде стран имела значительные последствия, повлиявшие на разработку или расширение законодательной базы именно в области лабораторных экспериментов над животными.

Согласно нормам этики науки, интересы людей должны ставиться превыше интересов животных ради блага человека и прогресса знания. Люди также подвергаются экспериментальным медицинским и другим научным воздействиям, однако ключевая разница состоит в том, что животные остаются бесправными, не могут дать добровольное согласие на участие. Поэтому максимум, что можно и требуется сделать в этом случае, это минимизировать их страдания и причиненный дискомфорт. Практика лабораторных опытов над животными формально и фактически считается легальной и утилитаристски морально оправданной. Проработанная этика медицинских экспериментов является на данный момент наиболее рабочей этической концепцией, по крайней мере до тех пор, пока не будут найдены полные альтернативы экспериментам над животными.

Заключение

1. Практики взаимоотношения человека и животных чрезвычайно разнообразны и ситуативны, несмотря на попытки эти практики концептуально и категориально оформить. Они во многом зависят от общекультурных норм и традиций, от индивидуальных ценностей человека, от статуса и роли самого животного в различных областях деятельности. В условиях подобного многообразия способов поведения очевидна необходимость однозначных требований

взаимодействия животных и человека, выстроенных на основе обоснованных этических и правовых положений. Однако в каждой выделенной практической области реализации наблюдается конфликт между теорией прав животных и этическими подходами во взаимодействии человека и животного. Это свидетельствует не только об ограниченности концепции прав животных, но и об их слабости как прикладной этики.

2. В ряде современных сфер деятельности человека теория прав животных абсолютно нерелевантна практическим ситуациям, в которых достижение правовых норм является утопичным при текущем уровне экономического и социального развития. Позиция приверженцев наделения животных правами либо будет иметь внутренний теоретический конфликт, если права будут даны только некоторым определенным животным, либо ригоризм их соблюдения натолкнется на практические противоречия и столкновения разнозначных интересов субъектов прав. В то же время эти практические области не лишены этического анализа и нормативного сопровождения. Как правило, биоэтика и профессиональные этики закрывают эти ниши, обеспечивая более точечное и детальное рассмотрение каждого анализируемого случая. В противном случае этичность практик остается на совести конкретного человека в конкретный момент.

3. Польза разработки теории прав животных пока больше видится в долгосрочном стратегическом планировании выстраивания взаимоотношений человека с животными. Следует отметить, что развитие правового регулирования в этой области уже началось. Процессы выработки национальных правовых подходов и международных стандартов происходят под влиянием современных наработок биоэтики и с учетом мощного давления общественных движений в защиту животных. Признание за животными прав кардинально изменит их моральный статус и как минимум ужесточит требования обращения с ними и степень порицания (наказания – в случае юридического закрепления прав) за неисполнение этих требований. На данный момент из всех представленных областей реализации только частное владение и вопрос собственности может входить в практическое поле

теории прав животных. В прочих ситуациях обнаруживается расхождение поведения,

признаваемого этически, с нормами правового подхода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Райдер, Р. История этики защиты животных и ее современный этап / Р. Райдер ; пер. В. Ф. Лысова. – СПб. : Амфора, 2010. – С. 121–125.
2. Сингер, П. Освобождение животных / П. Сингер. – К. : Киев. экол.-культ. центр, 2002. – 136 с.
3. Sidgwick, H. The Methods of Ethics / H. Sidgwick. – Indianapolis ; Cambridge, 1981. – 256 p.
4. Spira, H. In Defense of Animals / H. Spira ; P. Singer (ed). – New York : Basil Blackwell, 1985. – P. 194–208.
5. Реган, Т. В защиту прав животных / Т. Реган. – К. : Киев. экол.-культ. центр. – 2004. – 104 с.
6. Борейко, В. Е. Родерик Нэш и моральные права природы / В. Борейко. – К. : Киев. экол.-культ. центр, 2001. – 102 с.
7. Гарчичко, С. А. Концепция прав животных: критика идеи [Электронный ресурс] // Белорус. цифровая б-ка LIBRARY.BY. – 18 июня 2020. – Режим доступа: https://library.by/portalus/modules/theoryoflaw/readme.php?subaction=showfull&id=1592478742&archive=&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 16.01.2023.
8. Stilt, K. Rights of Nature, Rights of Animals / K. Stilt // Harvard Law Review Forum. – 2021. – Vol. 134:276. – P. 276–285.
9. Кордецкая, К. Права человека и свободы животных. Чем защита зверей отличается от защиты людей [Электронный ресурс] / К. Кордецкая. – Режим доступа: <https://knife.media/animal-liberties/>. – Дата доступа: 06.01.2023.

REFERENCES

1. Rajder, R. Istorija etiki zashchity zhyvotnykh i jejo sovriemiennyj etap / R. Rajder ; pier. V. F. Lysova. – SPb. : Amfora. – 2010. – S. 121–125.
2. Singier, P. Osvobozhdenije zhyvotnykh / P. Singier. – K. : Kijev. ekol.-kult'. centr, 2002. – 136 s.
3. Sidgwick, H. The Methods of Ethics / H. Sidgwick. – Indianapolis ; Cambridge, 1981. – 256 p.
4. Spira, H. In Defense of Animals / H. Spira ; P. Singer (ed). – New York : Basil Blackwell, 1985. – P. 194–208.
5. Regan, T. V zashchitu prav zhyvotnykh / T. Regan. – K. : Kijev. ekol.-kul't. centr, 2004. – 104 s.
6. Boriejko, V. Ye. Roderik Nesh i moral'nyje prava prirody / V. Boriejko. – K. : Kijev. ekol.-kul't. centr, 2001. – 102 s.
7. Garchichko, S. A. Konceptija prav zhyvotnykh: kritika idei [Eliكتروнный ресурс] // Bielorus. cifrovaja b-ka LIBRARY.BY. – 18 ijunia 2020. – Riezhim dostupa: https://library.by/portalus/modules/theoryoflaw/readme.php?subaction=showfull&id=1592478742&archive=&start_from=&ucat=&. – Data dostupa: 16.01.2023.
8. Stilt, K. Rights of Nature, Rights of Animals / K. Stilt // Harvard Law Review Forum. – 2021. – Vol. 134:276. – P. 276–285.
9. Kordieckaja, K. Prava chielovieka i svobody zhyvotnykh. Chiem zashchita zvieriej otlichajetsia ot zashchity liudiej [Eliكتروнный ресурс] / K. Kordieckaja. – Riezhim dostupa: <https://knife.media/animal-liberties/>. – Data dostupa: 06.01.2023.

Рукапіс наступію у редакцію 21.02.2023

УДК 17.023.33

Андрей Александрович Тетёркин*аспирант-соискатель 3-го года обучения каф. философии культуры
Белорусского государственного университета***Andrei Tsiatserkin***3-nd Year Post-Graduate Student of the Department of Philosophy of Culture
of Belarusian State University**e-mail: andrei.tsiatserkin@gmail.com***СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА УВАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
И ПРИНЦИПА ЗАБОТЫ В БИОЭТИКЕ**

Подвергается критике подход, при котором принцип уважения человеческого достоинства обосновывается через этику заботы. Благодаря современному пониманию этических идей Канта и Гегеля демонстрируется, что уважение к достоинству и забота – это самостоятельные принципы для разных моральных взаимодействий. Достоинство человека должно играть роль фундамента для обеспечения прав человека, его уважение в рамках биомедицинской практики должно означать отказ от насилия, дискриминации и принуждения. Необходимость оказания наиболее эффективного медицинского ухода (в т. ч. на основе индивидуального подхода и холистической заботы о физическом и психологическом состоянии пациента) должна быть выражена на языке высококачественной заботы, а не уважения к достоинству человека.

Ключевые слова: *уважение человеческого достоинства, забота, признание, медицинский уход, биоэтика.*

***The Relationship of the Principle of Respect for Human Dignity
and the Principle of Care in Bioethics***

The article criticizes the approach which justifies the principle of respect for human dignity through the ethics of care. Using a contemporary understanding of the ethical ideas of Kant and Hegel, the author demonstrates that respect for dignity and care are independent principles for different moral interactions. Human dignity should play the role of the foundation for ensuring human rights and respect for dignity in biomedical practice should mean the rejection of violence, discrimination, and coercion. The need to provide the most effective nursing (including nursing on the basis of patient-centered care and holistic care for the physical and psychological state of the patient) should be expressed only in the language of high-quality care, and not respect for human dignity.

Key words: *respect for human dignity, care, recognition, nursing, bioethics.*

Введение

Для современной биоэтики одним из вызовов стало сомнение в целесообразности использования принципа уважения к человеческому достоинству в медицинской практике. По мнению одних специалистов, у этого понятия нет своего содержания, поскольку его применение является отсылкой к другим принципам (например, к уважению автономии пациента) [1]. Другие эксперты отмечают, что уважения к правам человека и его достоинству недостаточно, чтобы выразить всю ценность индивидуального существования или сделать удовлетворительным весь спектр человеческих от-

ношений. Поэтому в теории морали стала актуальной этика заботы, которая возникла как дополняющая альтернатива к этике всеобщей справедливости и автономии [2], возникли мысли об отказе от использования принципа человеческого достоинства в биоэтике и медицинской практике.

Однако с учетом важнейшей роли, которое понятие человеческого достоинства сыграло для обоснования базовых прав человека, имеет смысл предпринять усилия по сохранению этой категории для этического дискурса [3; 4]. Одной из таких возможностей стала разработка нового стандарта медицинского ухода Dignity in Care (*достоинство в заботе*), в котором уважение к достоинству отождествляется с практикой индивидуализированной и сострадательной заботы [5]. В этом контексте целью данной

Научный руководитель – Елена Валериевна Беляева, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

статьи является критика подхода, при котором принцип уважения человеческого достоинства обосновывается через этику заботы, и доказательство самостоятельности данного принципа в биоэтике. Для достижения этой цели используется современное понимание кантовской концепции уважения к достоинству человека и гегелевской идеи о трех типах признания человеческой ценности. Такой методологический прием позволит увидеть два различных типа моральных взаимоотношений и определяющих их принципов, которые не могут быть сведены друг к другу.

Основная часть

Сегодня, как отмечает швейцарский профессор Р. Андорно, концепция уважения человеческого достоинства стала главным стандартом по индивидуализированному медицинскому уходу за больными и престарелыми людьми [6, р. 8–9]. Согласно данному кодексу деятельность медицинского работника не должна ограничиваться лечением физического организма, грамотным отношением к клиенту и уважением его автономии и личного пространства. Главной целью медицинского ухода является *dignified care* (*забота*, развивающая чувство собственного достоинства у пациента). Поддержка достоинства в такой ситуации предполагает проявление деликатности, участливости, сострадания, а также личную коммуникацию, вовлеченность пациента в организацию своего лечения, использование холистического (*holistic*) и индивидуального подхода к пациенту (*patient-centered care*), в рамках которого уделяют большое внимание личной жизни человека и его психологическому благополучию. Подчеркивается, что понимание достоинства, основанное на персонализации и поддержании высокой самооценки, отвечает пожеланиям самих пациентов, для которых чувство достоинства связано с признанием их в качестве ценных индивидов [7].

При этом у человека можно констатировать наличие нескольких видов достоинства. Во-первых, достоинство является абсолютной внутренней (*intrinsic*) ценностью каждого человека, которая выражается в автономии, самоуважении (*self-esteem*), ответственности и духовности. Во-вторых, отмечается наличие относительного (внеш-

него и присвоенного) достоинства человека, которое возникает в случае уважительного удовлетворения потребностей индивида со стороны других лиц. Помимо этого, некоторые эксперты выделяют такие виды достоинства, как достоинство личной идентичности, которое включает в себя чувство гордости и позитивную оценку собственной личности, а также «процветающий» (*inflorrescent*) тип достоинства, связанный с возможностью индивида жить в соответствии с внутренне присущей (*inherent*) ценностью человека. Необеспечение же чувства собственного достоинства осуждается, как и практики заботы, не поддерживающие осознание ценности жизни клиента (*unworthy care*), примерами которой являются унижение и насилие, так и деперсонализация и применение механических методов при оказании медицинского ухода [8, р. 247–250]. Такое понимание принципа уважения человеческого достоинства в биомедицинской этике мотивирует глобальные философские рассуждения о том, что уважение к достоинству человека наилучшим образом реализуется через отношения заботы, так как забота представляет собой антитезу дегуманизирующего опыта унижения. Именно наша интересубъективная взаимосвязанность в отношениях заботы обеспечивает наличие у каждого субъекта «универсального человеческого достоинства» [9, р. 3].

Что касается оценки подобного стандарта уважения достоинства человека, то, с одной стороны, можно только одобрить появление новых способов высококачественной заботы (*high-quality care*). С другой стороны, если сомнения в эффективности понятия человеческого достоинства стали возникать из-за его пересечения с понятием автономии, то ситуация никак не улучшается, если уважение достоинства начинает ассоциироваться с индивидуализированной заботой.

Поэтому сегодня в зарубежном биомедицинском сообществе одна его часть не поддерживает понятийный аппарат проекта *Dignity in Care* и связывает практику уважения достоинства с обеспечением базовых прав человека. Так, в руководстве по правам человека для сотрудников центров по социальной заботе отмечается, что уважение к правам человека основано на пяти главных принципах группы FREDА: Fair-

ness (честность), Respect (уважение), Equality (равенство), Dignity (достоинство), Autonomy (автономия).

Согласно этому документу, уважение достоинства связывается с обеспечением безопасности, физического, психологического и финансового благополучия пациента. Уважение достоинства в таком случае предполагает не использование индивидуального подхода или создание дружеских отношений с пациентом, а обеспечение защиты пациента от преднамеренного или непреднамеренного физического, медицинского и сексуального насилия (abuse), защиты от финансовых злоупотреблений и неуважительного обращения, обеспечение уважения к религии и культурной идентичности другого человека и обеспечение свободы распоряжаться своей собственностью. Что касается простого «уважения» человека, то в данном руководстве оно связано с обеспечением уважения к частной жизни (privacy): с проявлением деликатности при обсуждении личной информации или реализации гигиенических потребностей, сохранением конфиденциальности по поводу личных данных [10, p. 5, 13].

Другая часть медицинского сообщества убеждена в полной бесполезности понятия о достоинстве человека и предлагает рассматривать современную биомедицинскую этику как undignified bioethics (биоэтику без уважения человеческого достоинства) [11, p. 201]. В этом случае за основу берется такое направление в биоэтике, как принципализм Т. Бичампа и Дж. Чилдресса, для которых базовыми принципами биоэтики являются только автономия, справедливость, непричинение вреда и благодеяние. Защиту базовых прав человека в биомедицинской сфере можно выразить посредством первых трех принципов, тогда как идеал индивидуального холистического подхода и сострадательной заботы – посредством принципа благодеяния. В результате создаются многочисленные практические пособия и образовательные программы для медицинских специалистов, в которых нет ни одного упоминания о человеческом достоинстве [12]. В итоге вновь и вновь артикулируется вывод о том, что в силу самых различных определений данный принцип рискует утратить практическую силу в работе медицинского персонала [8, p. 250].

Поэтому сегодня необходимо четкое определение самостоятельной значимости этого морального принципа.

Для начала отметим, что в домодерную эпоху достоинство человека определялось в двух разных контекстах. В повседневной ситуации латинское слово dignitas использовалось для обозначения социального статуса человека и его власти, в поддержании которых и заключалась практика уважения. В отличие от этой иерархической практики в философском и религиозном дискурсе (стоицизма и христианства) изначально признавалось наличие достоинства у каждого человека на основе его разума или богоподобия. Правда, понятие достоинство человека (dignitas humana/hominis) использовали прежде всего для обозначения более высокого онтологического статуса человека по сравнению с животными, а не равноправия всех людей [13, p. 34–41]. В отличие от традиционного мировоззрения современное понимание уважения достоинства эгалитарно: оно указывает на признание универсальной ценности каждого человека независимо от его социального статуса и индивидуальных достижений.

Огромный вклад в развитие такого понимания достоинства внес И. Кант, идеи которого остаются актуальными и для современной биоэтики. Для реализации эгалитарного поворота в понимании человеческого достоинства в этике Кант провел различие между «ценой» и «достоинством». Если цена связана с внешней ценностью человека, основанной на социальной пользе для других, то «достоинство» обозначает внутреннюю (абсолютную, одинаковую и неизменную) значимость человека как разумного существа. Согласно немецкому мыслителю, такое одинаковое достоинство есть у каждого человека, поскольку каждый обладает автономией, разумом, а также уникальностью личности, которую нельзя заменить другим человеком как эквивалентом. Поэтому наличие достоинства у каждого человека требует от него исполнения общих и одинаковых действий. По замыслу Канта принципы таких действий отражены в трех формулировках категорического императива, которые требуют соблюдения принципов всеобщей справедливости, автономии и запрета на использование человека исключительно в качестве средства. Эти

идеи кантовской этики в полной мере реализовались в современной культуре прав человека. Поэтому уважение человеческого достоинства сегодня связано с обеспечением базисных прав и свобод человека, описанных в международных декларациях о правах человека и закрепленных в законодательствах демократических государств.

Правда, спорный момент возникает в связи с тем, что ни в кантовской этике, ни в современных декларациях о правах человека не было сформулировано требование уважать индивидуальность человека, хотя наличие человеческого достоинства связано с уникальностью личности. Именно поэтому предлагается расширить понимание уважения достоинства в сторону использования индивидуального подхода и участливой заботы по отношению к другому человеку. Однако с позиции И. Канта такое не представляется возможным, поскольку для него уважение и забота являются противоположными по сути действиями. Приведем в этой связи его рассуждения о дружбе и любви.

«Дружба... это союз двух людей, основанный на взаимной любви и уважении. – Нетрудно заметить, что она идеал участливости и заинтересованности (*Mitteilung*) в благо каждого из двух, объединенных морально доброй волей... Любовь можно рассматривать как притяжение, а уважение – как отталкивание, и если принцип любви предписывает сближение, то принцип уважения требует, чтобы обе [стороны] держались на почтительном отдалении друг от друга; это ограничение доверчивости, выраженное правилом: “Даже лучшие друзья не должны допускать бесцеремонной фамильярности”» [14, с. 412–413].

Поэтому если проявление интереса к индивидуальности и забота требуют сближения, а уважение равноценности людей требует соблюдения дистанции или воздержания от неприемлемых действий, то нет необходимости понимать уважение достоинства через заботу. В таком случае можно следующим образом определить смысл использования фактора уникальности человека в дебатах о человеческом достоинстве: акцент на уникальности предполагает нахождение более широких критериев наличия достоинства для того, чтобы присвоить высокий моральный статус максимальному количеству людей (включая

человеческие эмбрионы или пациентов со смертью мозга). Уникальность человека выглядит более приемлемым критерием для такого инклюзивного включения, нежели способность к автономии или разумному мышлению. Именно для этой цели уникальность полагается как основание достоинства, даже если не удастся обосновать отдельное право на признание ценности своей индивидуальности со стороны каждого субъекта.

Важная идея Канта о том, что разные человеческие отношения должны регулироваться на основе различных принципов, в дальнейшем была развита в философии Гегеля. С точки зрения современного философа А. Хоннета, значение гегелевской философии заключалось в обосновании трех различных способов обеспечения ценности человека. Это любовь, право и солидарность (сотрудничество), в рамках которых значимость человека подтверждается в качестве или любимого индивида, или всеобщего правового лица, или ценного коллеги и члена сообщества [15, р. 92–130]. В таком дискурсе уважение к достоинству связано только с присвоением человеку статуса «полноправного лица гражданского общества», несоблюдение которого происходит, например, в ситуации дискриминирующего лишения прав на основе той или иной групповой принадлежности [16, с. 298–299]. При этом правовое признание не предполагает позитивную оценку индивидуальности личности, так как признание ценности Другого основано на абстрагировании от индивидуальных особенностей. В этом отношении, отмечал Гегель, «значение человека в том, что он человек, а не в том, что он еврей, католик, протестант, немец, итальянец и т. д.» [16, с. 246]. При этом особенностью правового признания является его всепроницающий характер, благодаря которому ни в какой момент времени человек не теряет статус правового лица. Именно поэтому все близкие отношения, как это видно из рассуждения Канта о дружбе или идеи Гегеля о браке как о «правовой нравственной любви» [16, с. 210], регулируются не только идеалами участливости и заботы, но и уважением к достоинству человека.

Обоснование различных типов моральных отношений в классической философии получило свое развитие в современ-

ной этической мысли. С одной стороны, отмечается, что эгалитарно-универсалистское содержание морали реализуется сегодня в культуре прав человека, которая нацелена на обеспечение принципов всеобщей справедливости, равенства и уважения достоинства каждого индивида [17, с. 185–186]. В самом же дискурсе о правах человека понятие человеческого достоинства играет одну важнейшую функцию: роль нормативного истока базовых прав человека и главного мотива для их уважения. Обеспечение равноправного статуса каждого лица путем воздержания от насилия, принуждения и дискриминации мотивировано таким важным аргументом, что каждый человек обладает достоинством. Такое положение дел характерно и для биоэтики, как это видно по такому значимому международному документу, как «Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека» (2005). Уважение человеческого достоинства является нормативным фундаментом для уважения базовых прав человека, которые могут быть нарушены в ходе аморальных медицинских экспериментов на людях или в рамках дискриминирующего отказа во врачебной помощи на основе той или иной групповой принадлежности [18].

С другой стороны, сторонникам универсалистской морали всеобщей справедливости и равноправия не удалось доказать, что культуре прав человека удастся «снять» или полностью заменить этику межличностных отношений [17, с. 190]. Благодаря работам К. Гиллиган, Дж. Тронто и другим представителям этики заботы удалось показать своеобразие морального опыта заботы о благе конкретного Другого. Если уважение к универсальной ценности человека как всеобщего лица выражается в четких и однозначных формулировках, осуждающих неуважение к правам человека, то заботливое отношение – в вариативном, ситуативном, условном знании об индивидуальных потребностях другого человека [2, с. 198].

Поскольку это разные типы отношений и действий, то нет необходимости понимать принцип уважения достоинства че-

рез принцип заботы и наоборот. Для биоэтики это означает, что медицинский уход за больным не может быть ограничен только уважением к достоинству пациента путем воздержания от нарушения его базовых прав и свобод. Врачебная помощь предполагает заботливое отношение по восстановлению физического и психологического благополучия пациента не на основе абстрактных юридических формулировок, а на основе многочисленных жизненных историй и проявления творческого подхода в определении потребностей и интересов конкретного пациента.

Заключение

Таким образом, мнимая бесполезность понятия «достоинство человека» в биоэтике связана с его некорректным использованием, попытками обозначить с его помощью разнородные моральные отношения. Для решения этой проблемы рекомендуется отказаться от слишком широкого понимания принципа уважения достоинства человека и ограничить его использование в проверенной классической роли фундамента для ключевых принципов гуманистической биоэтики (автономия, равноправие, непричинение вреда) и базовых прав человека. Уважение человеческого достоинства рекомендуется понимать только как отказ от аморальных действий, основанных на насилии, дискриминации и принуждении.

В биомедицинской сфере уважение достоинства пациента должно быть обеспечено таким же способом, как и в любой другой сфере, – путем уважения базовых прав человека. Конечно, медицинский уход предполагает следование принципу заботы, помощь в восстановлении благополучия пациента. Понимание того, что наиболее эффективный медицинский уход ассоциируется сегодня с применением индивидуального подхода и холистической заботы о физическом и психологическом состоянии пациента, должен быть отражен только на языке высококачественной заботы, а не уважения достоинства человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Macklin, R. Dignity is a useless concept: it means no more than respect for persons or their autonomy / R. Macklin // *British Medical Journal*. – 2003. – Vol. 327, nr 7429. – P. 1419–1420.

2. Артемьева, О. В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии / О. В. Артемьева // *Этическая мысль*. – 2000. – № 1. – С. 195–216.
3. *Логика достоинства и свободы личности : сб. науч. ст., посвящ. 85-летию Ин-та философии НАН Беларуси / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов*. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 577 с.
4. *Human dignity and bioethics: essays commissioned by the President's Council on bioethics / The President's Council on bioethics*. – Washington : D. C., 2008. – 555 p.
5. *Dignity in care [Electronic resource] // Social Care Institute for Excellence*. – Mode of access: <https://www.scie.org.uk/dignity/care>. – Date of access: 18.02.2023.
6. Andorno, R. *Human dignity [Electronic resource] / R. Andorno, A. Pele // ResearchGate*. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/302397311_Human_Dignity. – Date of access: 18.02.2023.
7. *The meaning and importance of dignified care: findings from a survey of health and social care professionals [Electronic resource] / D. Cairns [et al.] // BMC Geriatrics – 2013*. – Mode of access: <https://bmcgeriatr.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2318-13-28>. – Date of access: 18.02.2023.
8. Simões, Â. *The concept of dignity in nursing care: a theoretical analysis of the ethics of care [Electronic resource] / Â. Simões, P. Sapeta // SciELO Brazil*. – 2019. – Mode of access: <https://www.scielo.br/j/bioet/a/HTPhyJcwKYNDmygFFxDKVVM/?format=pdf&lang=en>. – Date of access: 18.02.2023.
9. Watson, J. A. *Universal human dignity: Its nature, ground and limits [Electronic resource] / J. A. Watson // Academia. edu*. – 2016. – Mode of access: https://www.academia.edu/35088551/A_Universal_Human_Dignity_Its_Nature_Ground_and_Limits?email_work_card=title. – Date of access: 18.02.2023.
10. *Guidance on human rights for commissioners of home care [Electronic resource] // Equality and human rights commission*. – Mode of access: https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/guidance_on_human_rights_for_commissioners_of_home_care.pdf. – Date of access: 18.02.2023.
11. Baertschi, B. *Human dignity as a component of a long-lasting and widespread conceptual construct [Electronic resource] / B. Baertschi // SpringerLink*. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11673-014-9512-9>. – Date of access: 18.02.2023.
12. Amdur, R. *Institutional review board: member handbook / R. Amdur, E. A. Bankert*. – Sudbury : Jones and Barlett publishers, 2011. – 215 p.
13. Steinmann, R. *The legal significance of human dignity [Electronic resource] / R. Steinmann // Academia. edu*. – Mode of access: https://www.academia.edu/37227259/The_Legal_Significance_of_Human_Dignity/. – Date of access: 18.02.2023.
14. Кант, И. *Метафизика нравов / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 107–437*.
15. Honneth, A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflict / A. Honneth*. – Cambridge : Polity, 1995. – 215 p.
16. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права / Г. В. Ф. Гегель*. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
17. Хабермас, Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас*. – СПб. : Наука, 2001. – С. 173–286.
18. Andorno, R. *Human dignity and human rights as a common ground for a global bioethics / R. Andorno // Journal of Medicine and Philosophy*. – 2009. – Vol. 34, nr 3. – P. 223–240.

REFERENCES

1. Macklin, R. *Dignity is a useless concept: it means no more than respect for persons or their autonomy / R. Macklin // British Medical Journal*. – 2003. – Vol. 327, nr 7429. – P. 1419–1420.
2. *Artiem'jeva, O. V. Etika zaboty: fieministskaja al'ternativa klassichieskoj filosofii / O. V. Artiem'jeva // Etichieskaja mysl'*. – 2000. – № 1. – S. 195–216.
3. *Logika dostoinstva i svobody lichnosti : sb. nauch. st., posviashch. 85-lietiju In-ta filosofii NAN Bielarusi / sost. i nauch. ried. L. F. Yevmienov*. – Minsk : Bielarus. navuka, 2016. – 577 s.
4. *Human dignity and bioethics: essays commissioned by the President's Council on bioethics / The President's Council on bioethics*. – Washington : D. C., 2008. – 555 p.

5. Dignity in care [Electronic resource] // Social Care Institute for Excellence. – Mode of access: <https://www.scie.org.uk/dignity/care>. – Date of access: 18.02.2023.

6. Andorno, R. Human dignity [Electronic resource] / R. Andorno, A. Pele // ResearchGate. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/302397311_Human_Dignity. – Date of access: 18.02.2023.

7. The meaning and importance of dignified care: findings from a survey of health and social care professionals [Electronic resource] / D. Cairns [et al.] // BMC Geriatrics – 2013. – Mode of access: <https://bmcgeriatr.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2318-13-28>. – Date of access: 18.02.2023.

8. Simões, Â. The concept of dignity in nursing care: a theoretical analysis of the ethics of care [Electronic resource] / Â. Simões, P. Sapeta // SciELO Brazil. – 2019. – Mode of access: <https://www.scielo.br/j/bioet/a/HTPhyJcwKYNDmygFFxDKVVM/?format=pdf&lang=en>. – Date of access: 18.02.2023.

9. Watson, J. A. Universal human dignity: Its nature, ground and limits [Electronic resource] / J. A. Watson // Academia. edu. – 2016. – Mode of access: https://www.academia.edu/35088551/A_-_Universal_Human_Dignity_Its_Nature_Ground_and_Limits?email_work_card=title. – Date of access: 18.02.2023.

10. Guidance on human rights for commissioners of home care [Electronic resource] // Equality and human rights commission. – Mode of access: https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/guidance_on_human_rights_for_commissioners_of_home_care.pdf. – Date of access: 18.02.2023.

11. Baertschi, B. Human dignity as a component of a long-lasting and widespread conceptual construct [Electronic resource] / B. Baertschi // SpringerLink. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11673-014-9512-9>. – Date of access: 18.02.2023.

12. Amdur, R. Institutional review board: member handbook / R. Amdur, E. A. Bankert. – Sudbury : Jones and Barlett publishers, 2011. – 215 p.

13. Steinmann, R. The legal significance of human dignity [Electronic resource] / R. Steinmann // Academia. edu. – Mode of access: https://www.academia.edu/37227259/The_Legal_Significance_of_Human_Dignity/. – Date of access: 18.02.2023.

14. Kant, I. *Mietafizika nravov* / I. Kant // *Sochinienija* : v 6 t. – M. : Mysl', 1965. – T. 4, ch. 2. – S. 107–437.

15. Honneth, A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflict* / A. Honneth. – Cambridge : Polity, 1995. – 215 p.

16. Giegel', G. W. F. *Filosofija prava* / G. W. F. Giegel'. – M. : Mysl', 1990. – 524 s.

17. Khabermas, Yu. *Moral'noje soznanije i komunikativnoje diejstvije* / Yu. Khabermas. – SPb. : Nauka, 2001. – S. 173–286.

18. Andorno, R. Human dignity and human rights as a common ground for a global bioethics / R. Andorno // *Journal of Medicine and Philosophy*. – 2009. – Vol. 34, nr 3. – P. 223–240.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.03.2023

УДК 327.7(4)+342(476)

Игорь Михайлович Авласенко

*канд. ист. наук, доц., доц. каф. международных отношений
Белорусского государственного университета*

Ihar Aulasenka

*PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department
of International Relations of Belarusian State University*

e-mail: AvlasenkIM@bsu.by

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В НАЧАЛЕ 2020-х гг.: ЗНАЧЕНИЕ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ*

Раскрыты новейшие тенденции и основные направления трансформации общей политики безопасности и обороны Европейского союза в начале 2020-х гг. с учетом протекающих конфликтных процессов в Восточной Европе. Проанализированы основные документы ЕС в области ОПБО. Раскрыто значение и обозначены ключевые вызовы этого процесса для национальной безопасности Республики Беларусь в экономической, технологической, военной сферах.

Ключевые слова: *Европейский союз, общая политика безопасности и обороны ЕС, Республика Беларусь, национальная безопасность.*

Transformation of the European Union Common Security and Defense Policy in the Early 2020s: Significance and Challenges for the Republic of Belarus

The article reveals the latest trends and main directions for the transformation of the Common security and defense policy of the EU in the early 2020s. taking into account the ongoing conflict processes in Eastern Europe. The main documents of the EU in the field of the CSDP are analyzed. The significance and key challenges of this process for the national security of the Republic of Belarus in the economic, technological, and military spheres are revealed.

Key words: *European Union, Common Security and Defense Policy of the EU, Republic of Belarus, national security.*

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к существенному ослаблению и даже разрыву связей, которые выстраивались десятилетиями между Европейским союзом, с одной стороны, и Союзным государством Беларуси и России – с другой. Данный процесс затрагивает не только политические аспекты, но и экономические, энергетические, социогуманитарные. Это представляет вызов для Республики Беларусь, поскольку возникает задача адаптироваться к новым условиям взаимодействия с западными соседями. Трансформация общей по-

литики безопасности и обороны ЕС (ОПБО ЕС) является индикативным процессом, который позволяет определить стратегические приоритеты объединения во внутреннем развитии и во внешних сношениях, а также на основе этого определить перспективы выстраивания отношений Минска с Брюсселем в различных сферах.

В русскоязычной литературе эта тема рассматривается в трудах исследователей из Института Европы Российской академии наук, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации, где предпринимаются попытки осмыслить изменения как в общей внешней политике и политике безопасности Евросоюза в целом, так и в его отдельных государствах, например, в Германии, Дании [1–3]. Среди белорусских исследователей вопросы европейской безопасности и трансформации ОПБО

---

*Статья подготовлена в рамках НИР «Республика Беларусь в трансформирующейся системе международных отношений: анализ внешних рисков, вызовов и угроз для национальной безопасности» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» № ГР 20212172.

ЕС, а также развитие отношений Минска и Брюсселя рассматривались в работах А. В. Русаковича, С. А. Кизимы, И. С. Кузнецовой и др. [4–6]. Тем не менее эти статьи и монографии вышли в более ранний период, некоторые из них – во время потепления политических отношений между Минском и Брюсселем (2016–2020 гг.). Последние же события (кризис в отношениях Республики Беларусь и Европейского союза, начавшийся в 2020 г., а также начало Москвой специальной военной операции в отношении Украины в феврале 2022 г.) существенно изменили региональную среду и характер двусторонних отношений между Минском и Брюсселем, а также отдельными европейскими столицами.

Таким образом, целью данного исследования является характеристика и выявление перспективных направлений трансформации ОПБО ЕС на современном этапе, а также оценка этого процесса для национальной безопасности Республики Беларусь. Представляется продуктивным рассматривать понятие «безопасность» в широком контексте, не ограничиваясь только военно-политической сферой, но также уделяя особое внимание другим областям, в частности экономической и научно-технологической.

Основная часть

История выработки общей политики ЕС в области безопасности и обороны берет свое начало еще в период зарождения европейской интеграции во второй половине XX в. Ее юридическое и институциональное оформление относится к началу 1990-х гг., когда был принят Маастрихтский договор о Европейском союзе. Однако этот процесс происходил достаточно медленно из-за параллельного существования НАТО, а также дискуссий между сторонниками более плотной европейской интеграции и атлантистами – сторонниками поддержания тесных связей с США. Новый этап активизации ОПБО стартовал еще в предыдущем десятилетии. Ее подстегнули такие события второй половины 2010-х гг., как теракты во Франции в 2015 г., итоги референдума в Великобритании по выходу из Европейского союза (2016), а также избрание Д. Трампа президентом США (2016). Во второй половине 2010-х гг. в Евросоюзе были выдвиг-

нуты и стали реализовываться такие инициативы в области политики безопасности и обороны, как создание Постоянного структурированного сотрудничества (Permanent Structured Cooperation, PESCO), Европейского оборонного фонда (European Defence Fund, EDF), практика Скоординированных ежегодных обзоров по обороне (Coordinated Annual Review on Defence; CARD). Значимую роль сыграла пандемия COVID-19, которая поставила перед Евросоюзом вопрос о способности реагировать на подобные чрезвычайные ситуации. Кроме того, внешними факторами, которые оказывали влияние на политику безопасности и обороны ЕС, стали «четвертая промышленная революция», которая в настоящий момент привела к острой конкуренции среди разработчиков в сфере искусственного интеллекта, и рост влияния Китайской Народной Республики, как экономического, так и научно-технологического. Последние два указанных фактора усилили тренд на комплексный подход Евросоюза к вопросам безопасности, подразумевающий акцент не только на чисто военной составляющей, но также и на научной, технологической, информационной и проч.

В июле 2020 г. Европейская комиссия презентовала новую Стратегию Союза безопасности (ССБ). Ее характер выделялся комплексным подходом к вопросам безопасности, охватывая не только традиционные внешние угрозы, но и внутренние: терроризм, пандемию, киберпреступность, гибридные вызовы [7]. Этот документ свидетельствовал о том, что Брюссель стремится выработать стратегическую автономию в различных сферах безопасности, отмежеваться от тех государств, которые он считает не совпадающими в ценностных вопросах (Россия, Китай, Республика Беларусь), но при этом сохранить тесную связь с партнерами коллективного Запада (США, Канада, Великобритания, Норвегия, Швейцария, Австралия и др.). В Стратегии кибербезопасности ЕС, принятой в конце 2020 г., прямо упомянут термин «технологический суверенитет и лидерство» («technological sovereignty and leadership») [8, p. 5].

Вместе с тем следует отметить существенное отличие этого процесса в 2020-х гг. от процесса десятилетиями ранее. Если в 2000-е и в 2010-е гг. Европейский союз от-

межевался от более тесного сотрудничества с Россией, Республикой Беларусь, КНР, руководствуясь, скорее, ценностными установками, чем прагматическими соображениями, то в начале текущего десятилетия усилились позиции того крыла европейских политических элит, которое отстаивает точку зрения, что тесная кооперация и зависимость от российских и китайских товаров (и в особенности технологий) способна стать угрозой безопасности для всего ЕС. Невозможность оказать ощутимое давление на Москву на протяжении 2022 г. и медленное согласование санкционных пакетов вследствие зависимости от нее стало фактором, который усилил позиции сторонников жесткой линии. Таким образом, внешние причины (как вооруженный конфликт 2022 г., ускоряющаяся научно-технологическая конкуренция между крупнейшими экономиками мира) ставят европейских чиновников перед необходимостью выработки концепции научно-технологического суверенитета, собственно говоря, именно того, к чему сейчас стремятся Республика Беларусь и Российская Федерация. С одной оговоркой: у Евросоюза этот суверенитет предполагает отмежевание от незападных государств, но сохранение тесных связей с другими странами коллективного Запада, прежде всего, США.

В мае 2021 г. на Совете ЕС было принято решение разработать новый политический документ – общую стратегию ЕС в области безопасности и обороны под названием «Стратегический компас» [9]. Окончательная редакция этого документа была принята на Совете ЕС в марте 2022 г. В нем ставились такие цели, как:

1) создание сил быстрого реагирования ЕС численностью до 5 000 военнослужащих;

2) способность ЕС в течение 30 дней в кризисных зонах любой степени сложности развернуть миссии численностью до 200 экспертов;

3) регулярное проведение учений на суше и море [10, р. 30–31].

В документе также предусматривалось создание механизмов борьбы с гибридными угрозами, дезинформацией, кибератаками и кибершпионажем [10, р. 39–40].

Вооруженный конфликт России и Украины, начавшийся в феврале 2022 г., при-

вел к ускорению процесса реформ Евросоюза в оборонной сфере. Евросоюз впервые в истории стал выделять средства напрямую одной из сторон вооруженного конфликта – Украине, преодолев негласное правило не делать этого. Кроме того, впервые был зафиксирован отход Германии от политики нейтралитета и невмешательства в другие вооруженные конфликты: Берлин также стал напрямую поставлять оружие Киеву. Специальная военная операция Российской Федерации повлияла на стратегические приоритеты внешней политики Дании: в июне 2022 г. состоялся референдум, на котором большинство граждан высказались за отмену исключения для страны в сфере общей политики безопасности и обороны Евросоюза – условия, при котором Копенгаген в 1992 г. согласился ратифицировать Маастрихтский договор [1]. Помимо этого, в середине октября 2022 г. канцлер ФРГ О. Шольц призвал ускорить реформы Евросоюза в оборонной сфере: создать силы быстрого реагирования к 2025 г. и штаб-квартиру для европейских вооруженных сил [11].

Тем не менее, несмотря на периодически возникающие тезисы о необходимости создания «единой европейской армии», указанные реформы пока не означают превращения Евросоюза в полноценный военно-политический блок, независимый от Соединенных Штатов. Связь многих государств ЕС с НАТО продолжает оставаться прочной. Более того, наращивание контингентов вооруженных сил в восточноевропейских странах, соседних с Российской Федерацией и Республикой Беларусь, проведение ими совместных военных учений происходят в рамках активности именно Североатлантического альянса, а не Евросоюза. Фактически своеобразное «разделение труда» между Евросоюзом и НАТО в военной сфере продолжает действовать: альянс отвечает главным образом за коллективную оборону и отражение прямых внешних угроз, а Евросоюз – за организацию военных и гражданских миссий в близлежащих конфликтных зонах, чтобы не допустить их разрастания до уровня серьезных вызовов объединению. Фактически Евросоюз пока продолжает действовать в русле тех принципов, которые еще в конце 1998 г. на заседании Североатлантического совета сформулировала

госсекретарь США М. Олбрайт: «*Всякая инициатива должна избегать поспешного принятия решений, которые приведут к обособлению ОПБО от НАТО, избегать дублирования существующих усилий и избегать дискриминации в отношении стран, не входящих в ЕС*» [12].

События 2022 г. активизировали дискуссии об отмене принципа единогласия при принятии решений в области внешней политики и политики безопасности. В настоящее время принцип единогласия в данной сфере закреплён в ст. 42 Договора о Европейском союзе [13]. Он стал ограничивающим фактором в санкционной политике Евросоюза. Несмотря на то что в ЕС был принят целый ряд пакетов таких мер в отношении России и Беларуси, отдельные ограничения стали предметом длительных дискуссий, а некоторые и вовсе не были приняты. Наиболее упорным противником новых пакетов санкций стала Венгрия, которая заблокировала ограничительные меры в отношении российской атомной энергетики, а также длительное время не давала согласие на установление нефтяного эмбарго. Частичное упразднение принципа единогласия при принятии решений о санкциях обсуждалось в конце сентября 2022 г. на заседании Совета министров иностранных дел ЕС, однако завершилось без конкретных договорённостей [14].

29 августа 2022 г., выступая в Карловом университете в Праге, О. Шольц поддержал дальнейшее расширение Евросоюза, в том числе будущее членство балканских государств, Украины и Молдовы. Однако он также указал на то, что по мере расширения будут расти различия в части политических интересов, экономического влияния и систем социального обеспечения. «Поэтому я предложил постепенный переход к голосованию большинством в общей внешней политике, а также в других областях, таких как налоговая политика, прекрасно осознавая, что это также будет иметь последствия для Германии», – отметил канцлер ФРГ [15]. Следует отметить, что Германия является не единственным членом ЕС, выступающим за отмену данного принципа. В Евросоюзе такая группа насчитывает около 10 государств, в т. ч. и таких крупных, как Испания. 9 мая 2023 г., выступая с речью в Евро-

парламенте, О. Шольц вновь призвал к устранению принципа единогласия [16].

В своих выступлениях канцлер ФРГ не указывал, каким он видит механизм принятия решений в сфере ОПБО в случае отказа от принципа консенсуса, однако наиболее вероятным представляется переход к принципу двойного квалифицированного большинства, который уже применяется при решении ряда вопросов, согласно поправкам к Договору о Европейском союзе, вступившим в силу в 2014 г. Он предусматривает, что для принятия решения, инициированного Европейской комиссией, необходимо, чтобы за него проголосовали не менее 55 % членов ЕС, представляющих 65 % населения Евросоюза, а в случае, если решение инициировано одним из государств-членов – соответственно 72 и 65 %. При этом четыре и более члена Совета ЕС могут заблокировать решение, если они будут представлять не менее 35 % населения ЕС и проголосуют против [17, р. 18]. Однако малые и средние европейские государства пока не поддерживают инициативу по реформе голосования в сфере ОПБО, опасаясь потери влияния при принятии важных решений в Евросоюзе. В частности, против высказался премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в интервью газете *Budapester Zeitung* [18]. Точно так же против данной инициативы высказался К. Нехаммер, канцлер Австрии. Поэтому реформа принятия решений в ЕС будет процессом небыстрым.

На первый взгляд, перспектива реформы принципа голосования в Евросоюзе при принятии решений в области внешней политики и политики безопасности не отвечает интересам Республики Беларусь, поскольку создаёт возможности для принятия гораздо более жестких пакетов санкций в контексте обостряющейся ныне напряженности. Тем не менее разумным было бы рассмотреть этот вопрос в более широком контексте и в долгосрочной перспективе. Рано или поздно встанет вопрос о механизмах контроля эскалации, и негативную повестку дня сменят поиски конструктивных решений. В этой связи, напротив, уже сам принцип консенсуса станет сдерживающим фактором, скорее играющим на руку «ястребам», которые выступают за максимально жесткий курс. В качестве примера можно вспомнить, как в конце 2010-х гг. Литва

блокировала подписание со стороны Евросоюза документа «Приоритеты партнерства», который должен был стать первым на пути к новому рамочному соглашению Минска и Брюсселя. Отмена принципа консенсуса поможет снизить влияние таких членов ЕС.

Следует, правда, сразу же сделать оговорку, что это, скорее, среднесрочная либо долгосрочная перспектива. Наиболее вероятно, что первые шаги по нормализации отношений Евросоюза с Республикой Беларусь и Российской Федерацией будут сделаны во второй половине (либо даже в конце) текущего десятилетия. Вместе с тем примерно такой же отрезок времени необходим для того, чтобы в самом Европейском союзе были осуществлены практические шаги по переходу к новой системе принятия решений в области ОВПБО. Поэтому не исключено, что процесс оформления системы принятия решений квалифицированным большинством по времени совпадет с попытками преодоления регионального кризиса 2020-х гг.

На какие аспекты национальной безопасности Республики Беларусь могут повлиять рассмотренные тенденции? Прежде всего, речь идет об уроне в экономической и научно-технологической областях. Заморозка и разрыв совместных экономических проектов, недопущение белорусских компаний к участию в тендерах на территории ЕС само по себе наносит ущерб белорусской экономике, т. к. ранее около трети товарооборота Республики Беларусь приходилось именно на Евросоюз. Помимо этого, разрыв экономических связей и дополнительные ограничения влияют на закрытие транзитного коридора для экспортных белорусских товаров через сопредельные государства к Балтийскому морю, которое является выходом к Мировому океану. Альтернативные маршруты (через Ленинградскую, Мурманскую области России) увеличивают логистическое плечо, транспортные издержки и в конечном итоге приводят к росту себестоимости белорусской продукции, снижению ее конкурентоспособности.

Стремление Евросоюза к технологическому суверенитету, отмежевание от сотрудничества с государственными органами и организациями Республики Беларусь и Российской Федерации, санкционная поли-

тика в отношении белорусских и российских предприятий обостряют угрозы, которые сформулированы в п. 42 проекта новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: «Ограничение доступа отечественных научных работников и субъектов хозяйствования к результатам исследований и разработкам мирового уровня; устранение субъектов Республики Беларусь из цепочек создания наукоемкой и высокотехнологичной продукции» [19]. В этой связи Республике Беларусь приходится опираться на сотрудничество с другими партнерами, помимо России, обладающими достаточно высоким научно-технологическим потенциалом, – например, на Китайскую Народную Республику.

Что касается угроз в военной сфере, то они главным образом связаны с активностью западных стран в рамках Североатлантического альянса, чем напрямую с трансформацией сферы ОПБО Евросоюза, поскольку именно в рамках НАТО могут быть созданы потенциально опасные ударно-наступательные группировки, размещенные на сопредельных территориях. Напряженность со стороны Евросоюза косвенным путем может создавать рост экспорта вооружений, производимых государствами ЕС, в зону российско-украинского вооруженного конфликта, которые затем могут попасть в руки организаций, активность которых представляет прямую угрозу для национальной безопасности Республики Беларусь.

Заключение

Таким образом, процесс трансформации ОПБО ЕС значительно активизировался после февраля 2022 г., хотя нельзя сказать, что эта активизация стала внезапной и резкой. Рассмотренные процессы вызревали на протяжении длительного времени, как минимум – предшествующего десятилетия. События 2022 г. подтолкнули к их скорейшему практическому оформлению.

Европейский союз стремится выработать комплексный подход к собственной безопасности. Продолжая отдавать приоритет НАТО в вопросах коллективного ответа на военно-политические угрозы, в рамках ЕС сделан упор на противодействие широкому спектру вызовов в иных сферах – ин-

формационной, научно-технологической, экономической, демографической. Неоднократно подчеркивается их смешанный, «гибридный» характер. Как отмечено в преамбуле «Стратегического компаса» 2022 г., «Европа должна превратить свое геополитическое пробуждение в постоянный стратегический статус» [10, р. 4], стать лидером в научной сфере и выработать «технологический суверенитет». Указанный подход находит отражение и в других документах последнего времени: Стратегии Союза безопасности и Стратегии кибербезопасности ЕС. При этом подчеркивается, что Евросоюз будет обеспечивать свою безопасность в тесном сотрудничестве с ближайшими партнерами, прежде всего, с США.

Республике Беларусь необходимо учитывать особенности этой трансформации. Это означает сложности в донесении своей информационной повестки до обществ и политических элит государств ЕС, трудности в выстраивании экономических связей, в создании совместных предприятий. Помимо этого, важнейшей проблемой является отказ государств Европейского союза включать белорусских партнеров в совместные высокотехнологические разработки с целью не допустить передачи секретов Российской Федерации и Китаю. Указанные аспекты представляют вызов для национальной безопасности Республики Бела-

рус в экономической, научно-технологической сферах.

Тем не менее и в Европейском союзе есть крупные государства, которые готовы вести диалог и не делают ставку на игру с «нулевой суммой», а в будущем не видят альтернативы диалогу с Россией и Беларусью по вопросам европейской безопасности. Крупнейшим из подобных государств является Франция. В конце февраля 2022 г. ее лидер Э. Макрон, несмотря на длительное отсутствие политических контактов с официальным Минском, сам инициировал телефонный звонок к А. Г. Лукашенко [20]. Позднее, оценивая перспективы урегулирования российско-украинского вооруженного конфликта в конце года, он высказывался за то, чтобы «защитить союзников и одновременно дать РФ гарантии ее собственной безопасности в тот момент, когда состоится возвращение за стол переговоров» [21]. Это дает основания рассчитывать в будущем на более благоприятные условия для нормализации отношений, для выработки новых договоренностей в сфере общеевропейской безопасности, которые придут на смену хельсинкской системе, фактически разрушенной событиями 2010-х – начала 2020-х гг. и которые будут учитывать белорусские и российские предложения, в т. ч. принцип «неделимости безопасности».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабынина, Л. О. Референдум об отмене исключений в сфере обороны ЕС в Дании / Л. О. Бабынина // Аналит. зап. Ин-та Европы РАН. – 2022. – № 19 (286). – С. 73–79.
2. Потемкина, О. Ю. Новая стратегия Союза Безопасности ЕС / О. Ю. Потемкина // Аналит. зап. Ин-та Европы РАН. – 2020. – № 32 (220). – С. 1–8.
3. Соколов, А. П. Изменение через отдаление: правительство Олафа Шольца и российско-германские отношения : аналит. докл. / А. П. Соколов, В. В. Воротников, А. Д. Давыдов ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исслед. – М. : МГИМО-Университет, 2023. – 39 с.
4. Русакович, А. В. Беларусь и Европейский союз: основные параметры взаимодействия на современном этапе / А. В. Русакович // *Wschodnioznawstwo*. – Wrocław, 2010. – S. 37–52.
5. Авласенко, И. М. Становление политики Европейского союза в отношении региональных конфликтов: основные этапы и тенденции / И. М. Авласенко // *Журн. междунар. права и междунар. отношений*. – 2014. – № 3. – С. 51–57.
6. Кизима, С. А. ЕС и Беларусь: проблемы безопасности / С. А. Кизима, И. С. Кузнецова ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. – 140 с.
7. About the European Security Union [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/european-security-union_en. – Date of access: 10.05.2023.

8. Joint Communication: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/-document/72164>. – Date of access: 10.05.2023.
9. Security and defence: EU to move forward on common security and defence [Electronic resource] // Council of the EU, Press release (10 May 2021). – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/05/10/security-and-defence-eu-to-move-forward-on-common-security-and-defence/>. – Date of access: 10.05.2023.
10. A Strategic Compass for Security and Defence, 21 March 2022 [Electronic resource] // Council of the European Union. – Mode of access: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf>. – Date of access: 10.05.2023.
11. Шольц выступил за отмену принципа единогласия при принятии решений ЕС [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/15/10/2022/634ad1989a79472eac249503>. – Дата доступа: 10.05.2023.
12. Secretary of State Madeleine K. Albright Statement to the North Atlantic Council Brussels, Belgium, December 8, 1998 [Electronic resource] // U.S. Department of State Archive. 1997–2001. – Mode of access: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/981208.html>. – Date of access: 10.05.2023.
13. Consolidated version of the Treaty on European Union [Electronic resource] // EUR-LEX. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd7182-6e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF. – Date of access: 10.05.2023.
14. ЕС обсудит отмену права вето на антиросийские санкции [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/20/09/2022/6329540b9a7947082c735198?ysclid=19a54b4w6p203409722>. – Дата доступа: 10.05.2023.
15. EU needs majority voting in foreign, tax policy – Scholz [Electronic resource] // Reuters. – Mode of access: <https://www.reuters.com/world/europe/eu-needs-majority-voting-foreign-tax-policy-scholz-2022-08-29/>. – Date of access: 10.05.2023.
16. Rede von Bundeskanzler Scholz im Rahmen der Diskussionsreihe «This is Europe» im Europäischen Parlament am 9. Mai 2023 in Straßburg [Electronic resource] // Die Bundesregierung. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-im-rahmen-der-diskussionsreihe-this-is-europe-im-europaeischen-parlament-am-9-mai-2023-in-strassburg-2189408>. – Date of access: 10.05.2023.
17. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – Mode of access: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/373495>. – Date of access: 10.05.2023.
18. Орбан: Венгрия выступает против предложенной Шольцем отмены принципа единогласия в ЕС [Электронный ресурс] // Russia Today. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/1065462-vengriya-edinoglasie-es-germaniya>. – Дата доступа: 10.05.2023.
19. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 10.05.2023.
20. Телефонный разговор с Президентом Франции Эммануэлем Макроном [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь – официальный интернет-портал. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/telefonnyy-razgovor-s-prezidentom-francii-emmanuelem-makronom>. – Дата доступа: 10.05.2023.
21. Макрон заявил, что архитектура безопасности в Европе должна включать гарантии для России [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16493515>. – Дата доступа: 10.05.2023.

REFERENCES

1. Babynina, L. O. Riefieriendum ob otmienie iskluchienij v sfierie oborony YeS v Danii / L. O. Babynina // Analit. zap. In-ta Jevropy RAN. – 2022. – № 19 (286). – S. 73–79.

2. Potiomkina, O. Yu. Novaja strategija Sojuza Biezopasnosti YeS / O. Yu. Potiomkina // Analit. zap. In-ta Jevropy RAN. – 2020. – № 32 (220). – S. 1–8.

3. Sokolov, A. P. Izmenienije chieriez otalienenije: pravitiel'stvo Olafa Shol'ca i rossijsko-giermanskiye otnoshenija : analit. dokl. / A. P. Sokolov, V. V. Vorotnikov, A. D. Davydov ; Mosk. gos. in-t miezhdunar. otnoshenij (univiersitet) M-va inostr. diel Ros. Fiedieracii, In-t miezhdunar. isslied. – M. : MGIMO-Univiersitet, 2023. – 39 s.

4. Rusakovich, A. V. Bielarus' i Jevropiejskij sojuz: osnovnyje parametry vzaimodiejstvija na sovriemiennom etapie / A. V. Rusakovich // Wschodnioznawstwo. – Wrocław, 2010. – S. 37–52.

5. Avlasienko, I. M. Stanovlienije politiki Jevropiejskogo sojuza v otnoshenii riegiional'nykh konfliktov: osnovnyje etapy i tendencii / I. M. Avlasienko // Zhurn. miezhdunar. prava i miezhdunar. otnoshenij. – 2014. – № 3. – S. 51–57.

6. Kizima, S. A. YeS i Bielarus': problemi bezopasnosti / S. A. Kizima, I. S. Kuzniecova ; Akad upr. pri Priezidientie Riesz. Bielarus'. – Minsk : Akad. upr. pri Priezidientie Riesz. Bielarus', 2017. – 140 s.

7. About the European Security Union [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/european-security-union_en. – Date of access: 10.05.2023.

8. Joint Communication: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/-document/72164>. – Date of access: 10.05.2023.

9. Security and defence: EU to move forward on common security and defence [Electronic resource] // Council of the EU, Press release (10 May 2021). – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/05/10/security-and-defence-eu-to-move-forward-on-common-security-and-defence/>. – Date of access: 10.05.2023.

10. A Strategic Compass for Security and Defence, 21 March 2022 [Electronic resource] // Council of the European Union. – Mode of access: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf>. – Date of access: 10.05.2023.

11. Shol'c vystupil za otmieniu principa jedinoglasija pri priniatii rieshenij YeS [Elektronnyj riesurs] // RBK. – Riezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/politics/15/10/2022/634ad1989a79472eac=-249503>. – Data dostupa: 10.05.2023.

12. Secretary of State Madeleine K. Albright Statement to the North Atlantic Council Brussels, Belgium, December 8, 1998 [Electronic resource] // U.S. Department of State Archive. 1997–2001. – Mode of access: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/981208.html>. – Date of access: 10.05.2023.

13. Consolidated version of the Treaty on European Union [Electronic resource] // EUR-LEX. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd7182-6e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF. – Date of access: 10.05.2023.

14. YeS obsudit otmieniu prava vieto na antirossijskije sankcii [Elektronnyj riesurs] // RBK. – Riezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/politics/20/09/2022/6329540b9a7947082c735198?ysclid=I9a-54b4w6p203409722>. – Data dostupa: 10.05.2023.

15. EU needs majority voting in foreign, tax policy – Scholz [Electronic resource] // Reuters. – Mode of access: <https://www.reuters.com/world/europe/eu-needs-majority-voting-foreign-tax-policy-scholz-2022-08-29/>. – Date of access: 10.05.2023.

16. Rede von Bundeskanzler Scholz im Rahmen der Diskussionsreihe «This is Europe» im Europäischen Parlament am 9. Mai 2023 in Straßburg [Electronic resource] // Die Bundesregierung. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-im-rahmen-der-diskussionsreihe-this-is-europe-im-europaeischen-parlament-am-9-mai-2023-in-strassburg-2189408>. – Date of access: 10.05.2023.

17. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – Mode of access: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/373495>. – Date of access: 10.05.2023.

18. Orban: Viengrija vystupajet protiv priedlozhennoj Shol'cem otmieny principa jedinoglasija v YeS [Elektronnyj riesurs] // Russia Today. – Riezhim dostupa: <https://russian.rt.com/world/news/-1065462-venngriya-edinoglasie-es-germaniya>. – Data dostupa: 10.05.2023.

19. O rassmotrienii projekta novoj Konceptii nacional'noj biezopasnosti Rieszpubliki Bielarus' : postanovlienije Sovieta Biezopasnosti Rieszp. Bielarus', 6 marta 2023 g., № 1 // Nacional'nyj pravovoy Internet-portal Rieszpubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Data dostupa: 10.05.2023.

20. Tieliefonnyj razgovor s Priezidientom Francii Emmanueliem Makronom [Eliektronnyj riesurs] // Priezidient Rieszpubliki Bielarus' – oficial'nyj internet-portal. – Riezhim dostupa: <https://president.gov.by/ru/events/telefonnyy-razgovor-s-prezidentom-francii-emmanuelem-makronom>. – Data dostupa: 10.05.2023.

21. Makron zajavil, chto arkhitektura biezopasnosti v Jevropie dolzhna vkluchat' garantii dlia Rossii [Eliektronnyj riesurs] // TASS. – Riezhim dostupa: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/-16493515>. – Data dostupa: 10.05.2023.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 14.05.2023

УДК 32.321.01

Валерия Эдуардовна Василевская*аспирант 1-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Valeria Vasilevskaya***1st Year Postgraduate Student of the Department of International Relations
of Belarusian State University*e-mail: vasilevskaya.v.e@mail.ru**КОНСОЛИДАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ**

Рассматриваются особенности консолидации политической власти в проекции ценностной системы китайской культуры. Внимание концентрируется на специфике методов и способов познания мира, ценностных ориентациях, функционировании общественно-экономических и политических структур. Раскрывается сущность мифологического начала феномена политической власти в древнекитайской культуре. Анализируется китайская модель политической культуры посредством таких показателей, как мировоззрение (феномен «даосизма», определяющий путь к космической гармонии и энергии), установки (древнекитайская конфуцианская философия, определяющая общественные нормы и политическую систему), отношение к власти (идеи социального порядка, определяющие взаимоотношения правителей и граждан) и статус законов (верность традициям и коллективизм, определяющие законодательную основу).

Ключевые слова: альтруизм, восточный деспотизм, дао, конфуцианство, легизм, увэй.

Consolidation of Political Power in the Context of China's Cultural Values

This article discusses the features of the consolidation of political power in the projection of the value system of Eastern culture. Attention is focused on the specifics of methods and ways of knowing the world, value orientations, the functioning of socio-economic and political structures. The essence of the mythological beginning of the phenomenon of political power in ancient Chinese culture is revealed. The Chinese model of political culture is analyzed through indicators: worldview (the phenomenon of «Taoism» that determines the path to cosmic harmony and energy), attitudes (ancient Chinese Confucian philosophy that determines social norms and the political system), attitude to power (ideas of social order that determine the relationship between rulers and citizens) and the status of laws (loyalty to tradition and collectivism, which determine the legislative framework).

Key words: altruism, oriental despotism, tao, Confucianism, legalism, wuwei.

Введение

Современный этап человеческого развития характеризуется тесной взаимосвязью культурных и политических процессов, что отражается на социальной деятельности людей. Если рассматривать культуру как своего рода хранилище ценностей, то политику можно определить как культурный институт, эксплуатирующий их. Строительство любого государства основывается на ценностном фундаменте, который определяет консолидацию власти. Механизм консолидации власти фактически проявляется в так называемой функции «охраны» неравенства, когда политическая элита, являясь источником социальной стратификации

и пользуясь ее плодами, заинтересована в стабилизации неравного распределения общественных благ. Наделенная функцией власти, правящая элита осуществляет контроль над большинством общественных благ, что и формирует «отгороженный каркас» элиты от масс.

Стоит отметить, что в научном пространстве бытуют мнения о том, что механизм консолидации элиты – дело сугубо «верхушечное» и никакого отношения к народу не имеет. Однако исследования, объектом которых является массовое сознание, констатируют прямую зависимость социализации человека и сплоченности элиты. Поскольку раскол, или отсутствие консолидации, в первую очередь продуцированы кризисом ценностей, маргинализацией асоциальных и экстремистских элементов, что непосредственно формирует «правила со-

---

Научный руководитель – Наталья Ивановна Дрозд, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

циальной игры» и общественного устройства. Можно даже сказать, что консолидация элиты в какой-то степени способствует консолидации общества, нормированию социальной коммуникации, упорядочению хаоса. Более того, зависимость общей договоренности элиты и функционирования социального организма основывается на общественном договоре, так сказать «закулисной сделке» о распределении власти и ответственности. Это не только легитимность институализации интересов элиты, но и стратегия учета интересов общества, решение его потребностей.

Власть как символ упорядочения хаоса имеет разную интерпретацию в многообразии культур, что позволяет отметить разное восприятие действительности и как следствие выявить специфику политической идеологии в том или ином культурном пространстве. В настоящей работе будет проанализирована специфика консолидации политической власти в культурном пространстве Китая. С этой целью будет рассмотрена сущность явления власти в контексте мифологического осмысления, как самой ранней формы образования властных отношений, а также выявлены отличительные цивилизационные факторы в системе власти, обусловленные ценностными ориентациями.

Непосредственно анализ китайской политической культуры основан на четырех показателях: мировоззрение, установки, отношение к власти и статус законов.

Мифологическое начало феномена власти

Явление власти присутствует абсолютно в любой культуре, начиная с мифологической эпохи и до наших дней. Представление о власти как символе упорядочения общественного хаоса является столь же древним, как и само человечество. При этом сами представления о власти трансформируются в унисон с представлениями о культуре, иначе говоря, если меняется власть, то меняется и культура. Одной из культурных констант, обуславливающих феномен политической власти, является мифологическое начало.

Миф – это самая ранняя форма образования властных культур в архаических обществах. Особенностью мифологической

антропологии власти является специфичная природа мифа, в котором отсутствует материальный облик. Любой предмет или явление содержат священный образ, т. е. являются одушевленными. Источник одушевления (происхождения) единый, что порождает равное положение людей и окружающих их предметов и явлений. И это вовсе не означает равных социальных возможностей, а, скорее, проявляется в равноправии по отношению к миропорядку, когда каждый член общества должен подчиняться космическим законам. Нарушение следования этим законам инициирует образование космогонического хаоса и дестабилизацию общественного устройства. Более того, ценность человека, согласно мифологическим представлениям, определяется его отношением к Космосу, стремлением сохранить космический континуум, а попытки сопротивления строго подавлялись. Таким образом, в мифологической культуре человек существует в фатальности бытия, предначертанной космическим архэ. Свобода выбора человека строго ограничивается принципами космического мира [1, с. 90].

Идеи всемирного упорядочения хаоса прослеживаются в древнекитайской культуре, где в конфуцианских текстах подчеркивается весомость и необходимость наведения порядка: «управлять – значит упорядочить» (Конфуций). Подавление общественного хаоса является сверхзадачей культурного развития и возлагается на управляющее лицо – правителя. Здесь важно отметить, что в древнекитайской культуре фиксируется эволюция мировоззренческих концепций обустройства мира, когда статус правителя (императора) предопределяет бытие граждан, подобно священному Космосу в мифологическом сознании. При этом в китайской доктрине власти император должен не только обеспечить общественную стабильность, но и гармонизировать природные и материальные явления посредством выполнения определенных сакральных ритуалов. Считалось, что император воплощает идею мироздания, а в его личности аккумулируются силы природы: «Небо рождает людей, но без повелителя они затевают смуту. Небо рождает им правителя, чтобы навести порядок» [2, с. 120].

Древнекитайская структура государственной власти осмысливалась как про-

должение воплощения первообразцов космических закономерностей. Граждане как объекты власти, в свою очередь, также должны были стать идеальными «элементами» космического порядка и выполнять сакральные ритуалы («ли») для его поддержания. Культура («вэнь») определялась как форма идеального гражданина, выполняющего подобные ритуалы: преодоление себя и обращение к «ли» составляет гуманность. Обогащая свою культуру «вэнь» и соблюдая «ли», как утверждал Конфуций, можно избежать нарушений.

Явление власти в восточной культуре

Взаимодействие культуры и политики может осуществляться на различных уровнях: цивилизационном, страноведческом, региональном. Традиционное деление культуры на Западную и Восточную имеет многовековую традицию, обусловленную различными методами и способами познания мира, ценностными ориентациями, функционированием общественно-экономических и политических структур. Например, в восточных обществах превалирует политический, можно даже сказать, «нерушимый» патримониалистский фактор, а в западных, напротив, в системе власти доминируют экономический и рациональный факторы.

В контексте контрастной отличительной специфики цивилизаций марксистская теория даже выделяет отдельный тип общественного производства. В труде Маркса «К критике политической экономии» (1859) впервые теоретизируется понятие «азиатского способа производства», под которым в первую очередь стоит понимать государственный деспотизм. В таких обществах государство является хозяином природы, единственным собственником земли, абсолютной властью над материальными и духовными предметами. В своем стремлении к овладению государство прибегает к силе или угрозе силой и достигает согласия по религиозным или иным причинам. Основные положения европейского концепта восточного деспотизма следующие:

- 1) земля есть государственная собственность;
- 2) равное положение граждан определяется законами государства;
- 3) каноны религии доминируют над гражданскими законами;

4) земледелие доминирует над промышленным производством и, как следствие, порождает цивилизационный застой в развитии;

5) степень обладания властью и богатством зависит от степени причастности к государству [3, с. 4].

Последователь марксистской теории осмысления восточного (азиатского) деспотизма, германо-американский социолог К. А. Виттфогель, первоначально специализировавшийся на истории Китая, в своем труде «Экономика и общество Китая (1931)» отмечает специфику азиатского строя, основывающуюся на классово-эксплуататорской общественной системе, кардинально отличающейся от античного феодализма. Виттфогель создает институциональную концепцию исторического развития обществ Востока на основе «географического детерминизма», обусловленного климатическими условиями стран Востока. Географический детерминизм, по его мнению, является истоком генезиса «восточного деспотизма», когда крупномасштабные работы, такие, например, как гидравлические сооружения, являются необходимым условием централизованного управления в восточном мире. В третьей главе своего фундаментального труда «Восточный деспотизм» Виттфогель заявляет, что «восточное государство сильнее общества», а власть в таком государстве моноцентрична и является антитезой полицентричной системе управления в странах Запада.

Политическая культура Китая

Специфика политической власти Востока коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур. Яркой характеристикой власти являются политические обязательства, которые существенно отличаются от западной модели. Для сравнительного анализа восточной модели политического порядка рассмотрим китайский культурный ареал. В структуру сравнительного анализа включим несколько показателей: мировоззрение, установки, отношение к власти и статус законов.

Китай – одно из самых крупных в мире по территории и экономическим показателям государств в Восточной Азии. Политическая культура Китая одна из немногих сумела сохранить «традиционную» идеоло-

гию в условиях современного мира. В настоящее время она представляет собой своеобразный синтез китаизированного марксизма и парадоксально устоявшегося модернизированно-традиционного конфуцианства [4, с. 121].

Для исследования политической культуры Китая необходимо рассмотреть его антропологическое измерение, воспроизвести духовный базис культуры, сформированный традиционной системой китайского мировоззрения (мироощущения).

Мировоззрение. Китайское культурное наследие является одним из старейших в мире: начало правления китайских династий относят ко II тысячелетию до н. э. (правление императора Яо). На рубеже эпох Чун-цю (VIII–V вв. до н. э.) и Чжанью (V–III вв. до н. э.), в период правления династии Чжоу, зарождается философская мысль Древнего Китая. Именно тогда появляется знаменитое конфуцианское пятикнижие (У-Цзин) – основа мировоззрения Древнего Китая (таблица).

Таблица – Основные положения древнекитайского пятикнижия «У-цзин»

Название книги	Философская мысль
«И-цзин» (книга перемен)	В книге отражена идея всеобщей изменчивости, постоянной смены событий (Солнце и Луна сменяют друг друга, четыре времени года уступают друг другу место и др.); именно в этой книге представлена двоичная система «янь» (женское начало) и «инь» (мужское начало).
«Ши-цзин» (книга песен)	Книга поэтических произведений, источник информации о языке, идеологии, этике и традициях различных регионов Древнего Китая; также в ней упоминается пять начал мира: вода, огонь, дерево, металл и земля.
«Шу-цзин» (книга преданий)	В книге представлены рассуждения на тему об идеальной системе управления государством, содержатся документы по древнейшей истории Китая.
«Ли-цзин» (книга церемоний)	В книге описывается идеальная конфуцианская модель социального механизма – от основ политической администрации до норм взаимоотношений в рамках семьи и ритуалов в основных жизненных ситуациях.
«Чунь-цю» (летопись «весны и осени»)	Летопись древнекитайского государства Лу, в которой кратко перечислены важнейшие события за период с 722 по 481 г. до н. э.

В контексте рассмотрения китайской философской идеологии необходимо отметить феномен даосизма. Понятие «дао» представляет собой символ вечного, неизменного начала, определяющего путь к космической гармонии и энергии. Это нематериальное явление, рождавшее мир вещей, которые, в свою очередь, находятся в постоянном круговороте бытия; достигая предельной точки своей реализации, они возвращаются к первоначалу («дао») и вновь рождаются. Феномен «дао» является центром древнекитайских учений, возникших на рубеже VI–III вв. до н. э. (Лао-цзы, Кун-цзы, Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы) [5, с. 11].

Основоположник школы даосизма древнекитайский философ Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.) в знаменитом трактате «Дао Дэ

Цзин» обращает внимание на политический аспект бытия, отмечая губительную природу «беспредельной» власти, стремления к богатству: «совершенномудрый избегает роскоши и излишеств».

Интересно также отметить разработанную Лао-цзы философскую систему построения вселенной, отражающую сущность правления (власти). Центром системы является принцип «увэй», т. е. пребывание в постоянном недеянии: мир вещей находится в неизменном беспорядке, упорядочить который искусственным образом не представляется возможным. Отсюда следует, что основная задача власти – следовать вселенскому ритму, не привнося ничего суетного: «Лучшим правителем является тот, кто себя ничем не проявляет» (рисунок 1).

Рисунок 1 – Визуальная интерпретация древнекитайского философского учения «даосизм» [6, с. 23]

Установки. Учение о «дао» наложило свой отпечаток на основные установки древнекитайской философии, в т. ч. конфуцианские. Следует отметить, что конфуцианство является центром общественных норм, продолжающих действовать в условиях современного Китая. Основные положения этого философского учения сводятся к познанию взаимоотношений между людьми, их воспитанию. Согласно конфуцианской системе человеколюбия («жэнь»), воспитание должно быть основано на уважении к старшему, верности долгу и преданном служении правителю.

Необходимо отметить, что китайская модель политического порядка характеризуется прочным взаимодействием социального и политического укладов, установлением социальной гармонии. В свою очередь, социальная гармония является философской категорией в учениях Конфуция, который был ярким приверженцем традиций. Еще в VIII в. до н. э. в Китае сложился традиционный «семейный» порядок правящих структур, к которому и стремился вернуться Конфуций.

Сформулированная им идея политического порядка основывается на социальном контроле соблюдения обычаев и исключает индивидуализацию действий. Таким образом, политическая система Китая, согласно воззрениям конфуцианского течения, не предусматривает индивидуальной рациональности – она направлена на альтруизм. Основным звеном политической сис-

темы является социальный порядок, к которому должны стремиться люди, а примером идеального субъекта социума является правитель. В данном случае мы замечаем проявление элитизма, т. е. отождествления правящего класса и политической элиты.

Также особенностью китайской политической модели является влияние *религиозных течений*, к которым относят буддизм и даосизм, дестабилизирующие традиционный политический уклад, вследствие чего возникли идеи легизма, расцвет которого пришелся на III в. до н. э. [7, с. 81].

Отношение к власти. Продолжая анализ влияния идей конфуцианства на отношение к власти, стоит отметить специфику политической доктрины идеального государства, где власть в первую очередь стремится к достижению гармонии во взаимоотношениях правителей и граждан. Цель идеального государства – социальный порядок как результат урегулирования противоречий между объектом и субъектом власти.

Конфуций развивал идею «кровной» связи внутри государства, которое он трактовал как большую семью, где во главе находится отец (император). При этом в большой семье превалирует принцип неравенства: простолюдины (младшие) должны подчиняться благородным мужам (старшим). Под благородным мужем Конфуций понимал достойного гражданина, могущего служить идеалом для других членов общества (рисунок 2) [8, с. 85].

Рисунок 2 – Патерналистская концепция государства в политической доктрине конфуцианства [9, с. 17]

Политическая власть должна строить взаимоотношения с подданными на началах добродетели, нравственности, гуманности, однако это далеко не единственное условие обеспечения социального порядка. Немаловажным является нормирование общественной деятельности в соответствии со строгим правопорядком, в котором каждому отведено определенное место, обязанность и степень обладания тем или иным капиталом. Конфуций обращает внимание на необходимость устранения социальной стратификации, поляризации богатства и бедности, а социальное равенство и есть путь к достижению порядка. Таким образом, можно заключить, что основу политической этики Китая составляет «китаизированный марксизм», действующий на принципах традиционного конфуцианства.

Статус законов. Отличительной особенностью национального характера китайцев является верность традициям и коллективизм, т. е. групповая ответственность в системе социальных преобразований. Превалирование традиций над формальными установками государства характеризует

сущность законодательной основы Китая. И со стороны власти здесь важным является не стремление к приоритету законов, а, скорее, сглаживание противоречий между нравственными и законодательными установками. И если в целом законодательный процесс основан на принципах демократичности, открытости, децентрализации властных полномочий, то в Китае действуют свои принципы.

Стоит отметить, что в современном Китае центральное место в политической системе занимает Коммунистическая партия, в КНР нет традиционного разделения на исполнительную, законодательную и судебную власть. Правящая партия Китая является своего рода «собирательным» символом власти, она контролирует абсолютно все сферы деятельности. Отсюда проявление характерного для Китая тоталитарного режима [10, с. 74].

Итак, выделяют две философско-политические школы: конфуцианство и легизм. Конфуций полагал, что законы лишь усложняют жизнь людей: «Если руководить народом посредством законов, народ не бу-

дет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели, народ будет знать стыд».

Основатель легистской школы Шан Ян, напротив, главным методом управления считал закон. Критикуя образ гуманного правителя с ярким качеством человеколюбия в воззрениях Конфуция, Шан Ян полагал, что «човеколюбивый может быть человеколюбивым к другим людям, но он не может заставить людей быть человеколюбивыми; справедливый может любить других людей, но он не может заставить людей любить друг друга». Таким образом, в процессе эффективного управления нельзя полагаться только на человеколюбие и справедливость. Основные положения концепции закона Шан Яна сводятся к наделению правителя неограниченной властью (монархией). Будучи творцом законов, правитель является «неприкосновенным» источником власти, а его действия не подлежат обсуждению, как и не подлежат всякой критике выработанные им законы [11, с. 17].

Заключение

Подводя итог анализа консолидации политической власти в странах Восточного

мира на примере Китая, следует отметить единство властной системы в контексте культуры. Отметим, что характерной особенностью единства китайского культурного ареала является сохранение естественной связи с природным миром. Отсюда следует, что власть в Китае в первую очередь является гарантией поддержания порядка и стабильности. Базисным критерием, объединяющим установки восточного мира, является беспрекословное следование культурным традициям, основанным на религиозных канонах. В Китае такие установки направлены на соблюдение принципов конфуцианской школы (човеколюбие, альтруизм). Власть в таких обществах не стремится продуцировать «свои» общественные нормы, а, напротив, следует устоявшимся нравственным законам. В восточном мире отношение к власти имеет общий характер, выраженный в почитании единственного правителя, определенного «семейной иерархией» или сакрализацией. Соблюдение законов в странах Востока является признаком общественного порядка, здесь нет места «западной демократии», ибо Восток построен на традициях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рязанов, И. В. Власть мифа и миф о власти / И. В. Рязанов, С. В. Рязанова // Дискурс-Пи : науч.-практ. альм. – 2003. – Вып. 3. – С. 89–91.
2. Белая, И. В. Личность императора как воплощение космического порядка в официальной идеологии и даосской традиции / И. В. Белая // Науч. ведомости. – 2009. – № 10 (65). – С. 118–124.
3. Годелье, М. Азиатский способ производства: стимулирующий концепт с ограниченным аналитическим значением / М. Годелье // Общество, среда, развитие. – 2007. – № 1 (2). – С. 3–18.
4. Воскресенский, А. Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» / А. Д. Воскресенский // Сравнит. политика. – 2014. – № 1 (14). – С. 120–138.
5. Белокурский, В. М. Становление и развитие философии : пособие для студентов / В. М. Белокурский. – Минск : Бел. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – 94 с.
6. Желтов, В. В. Сравнительная политология: политическая власть и политическое выражение : учеб. пособие / В. В. Желтов, В. М. Желтов. – Кемерово : Кемер. гос. ун-т., 2014. – 548 с.
7. Мельников, А. П. Политическая культура Китая / А. П. Мельников // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2012. – № 1. – С. 80–88.
8. Исаев, Б. А. Становление и функционирование партийно-политической системы Китая. Часть 2. Функционирование партийно-политической системы современного Китая / Б. А. Исаев // Theories and Problems of Political Studies. – 2014. – № 3. – С. 68–97.
9. Пивоваров, Н. Д. Источники древнекитайского права / Н. Д. Пивоваров // Актуал. проблемы рос. права. – 2015. – № 3 (52). – С. 15–23.

REFERENCES

1. Riazanov, I. V. Vlast' mifa i mif o vlasti / I. V. Riazanov, S. V. Riazanov // Diskurs-Pi : nauch.-prakt. al'm. – 2003. – Vyp. 3. – S. 89–91.
2. Bielaja, I. V. Lichnost' impieratora kak voploshchienie kosmichieskogo poriadka v oficial'noj idieologii i daosskoj tradicii / I. V. Bielaja // Nauch. vedomosti. – 2009. – № 10 (65). – S. 118–124.
3. Godel'je, M. Aziatskij sposob proizvodstva: stimulirujushchij koncept s ogranichenym analitichieskim znachienijem / M. Godel'je // Obschiestvo, srieda, razvitije. – 2007. – № 1 (2). – S. 3–18.
4. Voskriesienskij, A. D. Evoliucija politichieskoj sistiemy i politichieskaja modernizacija KNR: problemi i priemushchiestva «kitajskoj modeli» / A. D. Voskriesienskij // Sravnit. politika. – 2014. – № 1 (14). – S. 120–138.
5. Bielokurskij, V. M. Stanovlienije i razvitije filosofii : posobije dlja studentov / V. M. Bielokurskij. – Minsk : Biel. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2010. – 94 s.
6. Zheltov, V. V. Sravnitel'naja politologija: politichieskaja vlast' i politichieskoje vyrazhenije : uchieb. posobije / V. V. Zheltov, V. M. Zheltov. – Kiemierovo : Kiemier. gos. un-t, 2014. – 548 s.
7. Miel'nikov, A. P. Politichieskaja kul'tura Kitaja / A. P. Miel'nikov // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2012. – № 1. – S. 80–88.
8. Isajev, B. A. Stanovlienije i funkcionirovanije partijno-politichieskoj sistiemy Kitaja. Chast' 2. Funkcionirovanije partijno-politichieskoj sistiemy Kitaja / B. A. Isajev // Theories and Problems of Political Studies. – 2014. – № 3. – S. 68–97.
9. Pivovarov, N. D. Istochniki drevniekitajskogo prava / N. D. Pivovarov // Aktual. problemi ros. prava. – 2015. – № 3 (52). – S. 15–23.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.04.2023

УДК 327 (510+540)

Ли Цзинин*соискатель каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Li Jingying***Applicant of the Department of International Relations
of the Belarusian State University**e-mail: 2179351079@qq.com***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И ИНДИИ В XXI В.:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Исследуются политико-правовые аспекты китайско-индийского взаимодействия с 2003 г. по настоящее время. Раскрыта нормативная правовая основа сотрудничества Китая и Индии. Рассмотрены основные вехи политического взаимодействия двух стран от восстановления отношений в начале нынешнего столетия, развертывания конфликтного противостояния в 2017 и 2020 гг. до потепления отношений в настоящее время.

Ключевые слова: *Китай, Индия, индийско-китайские отношения, правовая база, конфликт, регионализация.*

China-India Interaction in the XXIst Century: Political and Legal Aspects

The article deals with the political and legal aspects of Sino-Indian cooperation since 2003 up to now. The normative legal basis of China-India cooperation is disclosed. The main milestones of political interaction between the two countries from the restoration of relations at the beginning of this century, the unfolding of the conflict confrontation in 2017 and 2020 to the warming of relations at the present time are considered.

Key words: *China, India, Indian-Chinese relations, legal framework, conflict, regionalization.*

Введение

Для современных международных отношений характерна высокая степень регионализации и интеграционного взаимодействия государств. Исследователи характеризуют этот феномен как глобальную регионализацию, специфической чертой которой «является то, что она не только связана с межгосударственным экономическим сотрудничеством или экономической интеграцией близлежащих стран, но и носит комплексный характер» [1, с. 62]. Усиление влияния региональных факторов происходит в политической, экономической, социальной, культурно-цивилизационной и информационной жизни государств. Особенно ярко тенденции регионализации проявляются в странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Взаимодействие Китая и Индии в XXI в. отчетливо демонстрирует взаимозависимость двух государств, несмотря на их политические и территориальные разногла-

сия. Взаимопонимание и сотрудничество двух крупнейших государств Азии является залогом региональной стабильности.

Напряженность в отношениях двух стран, отсутствие регулярного взаимодействия в течение достаточно длительного времени повлияли на изучение китайско-индийских отношений. Тем не менее соседство двух ключевых стран, играющих определяющую роль в региональной безопасности и стабильности, их экономические связи вызывают необходимость анализа различных аспектов взаимодействия Китая и Индии. Так, китайско-индийские отношения в контексте политических процессов в Южной Азии и Африке рассматривают китайские ученые Линь Минван, Ли Тао, Лю Цзунь, Жень Цзя.

Историческим аспектам китайско-индийского взаимодействия посвящены работы профессора Китайской академии общественных наук Мэн Цинлуна, профессора Пекинского университета Линь Чэнцзе.

Анализ стратегического положения Индии, китайско-индийских отношений и южноазиатских стратегий крупных держав представлен в работах научного сотрудника

Научный руководитель – Людмила Владимировна Слуцкая, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

Китайского института современных международных отношений Ма Цзяли, а также индийских исследователей: профессора Университета Джавахралара Неру в Нью Дели Раджеша Раджогалана и основателя Фонда Карнеги в Индии, директора Института исследований Южной Азии Национального университета Сингапура Раджа Мохан.

Важный вклад в исследование китайско-индийских дипломатических отношений внес профессор Пекинского технологического университета Чэнь Цзунхай. Однако политико-правовые аспекты взаимодействия Китая и Индии в XXI в. не получили достаточного и полного освещения в научной литературе.

Цель статьи – раскрыть политико-правовые аспекты китайско-индийского сотрудничества с момента возобновления отношений в 2003 г. до настоящего времени.

Нормативно-правовая база китайско-индийского сотрудничества

После провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. Индия стала первой несоциалистической страной, официально установившей дипломатические отношения с Китаем. С этого времени прошло более 70 лет, которые были ознаменованы как интенсивным развитием многостороннего сотрудничества, так и конфликтным противостоянием. Возобновление в 2003 г. китайско-индийских отношений после территориальных конфликтов XX в. способствовало укреплению фундамента двустороннего сотрудничества посредством соглашений, меморандумов, совместных деклараций и других официальных документов. Обе стороны стремились таким образом наладить конструктивный диалог, направленный на взаимовыгодное сотрудничество.

В исследованиях по данной проблематике существуют различные подходы к выделению периодов в развитии китайско-индийских отношений. Так, в коллективной монографии «История и будущее современных китайско-индийских отношений» предложено четыре этапа их развития:

- 1) «медовый месяц» (1950–1959 гг.);
- 2) конфронтация (1959–1976 гг.);
- 3) нормализация отношений (1976–2000 гг.);

4) полноценное развитие отношений (2000 г. – настоящее время) [2, с. 31].

В исследовании «Краткая история отношений Индии с Китайской Народной Республикой» была предложена следующая периодизация китайско-индийских отношений. Первая фаза квалифицируется как «умеренная и дружественная» (1949–1959 гг.), вторая определена как «конфликтная» (1960–1989 гг.), третья – «осторожная» (1990 г. – настоящее время) [3].

На наш взгляд, следует дополнить данную периодизацию, выделив еще один этап – «всестороннее развитие», – который следует отсчитывать с 2003 г. Точкой отсчета этого нового этапа стал визит президента Индии в Китай в 2000 г. и ответный визит премьер-министра КНР Чжу Жунцзи в 2002 г., а официальный визит премьер-министра Индии Бихари Ваджапай в Китай в 2003 г. можно рассматривать как важный шаг на пути к дальнейшему всестороннему развитию отношений между двумя странами. После возобновления отношений были подписаны соглашения, меморандумы, декларации и другие документы о сотрудничестве, сформировавшие правовую основу китайско-индийских отношений. Только за 2003 г. страны подписали десять документов о сотрудничестве, включая «Декларацию о принципах отношений и всестороннего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия» и «Китайско-индийский Меморандум о взаимопонимании по расширению приграничной торговли» [2, с. 46].

Подписание Меморандума о взаимопонимании подразумевало изменение отношения Китая к Сиккиму (штат на северо-востоке Индии). В Декларации о всестороннем сотрудничестве страны выразили готовность выстраивать дружественные отношения, демонстрируя, что взаимные интересы перевешивают разногласия. Страны не представляют угрозы друг для друга, они настроены решать все вопросы мирными средствами и консультациями на равноправной основе. Обе стороны приветствуют активное сотрудничество друг с другом в экономической сфере. В целях развития торгово-экономического сотрудничества стороны будут принимать необходимые меры для устранения препятствий для торговли и инвестиций в соответствии со своими

национальными законами и правилами, а также международными обязательствами [4].

Во время визита премьер-министра КНР Вэнь Цзябао в Индию в апреле 2005 г. страны подписали ряд документов: «Совместную декларацию Китайской Народной Республики и Республики Индия» [5], «Соглашение о политических руководящих принципах урегулирования пограничного вопроса между Индией и Китаем» [6] и «Протокол об осуществлении мер укрепления доверия в военной области в районе линии фактического контроля вдоль китайско-индийской границы» [7]. Соглашение о политических руководящих принципах урегулирования пограничного вопроса между Индией и Китаем стало важной вехой двусторонних отношений и заложило благоприятную основу для решения пограничного вопроса: «Обе стороны нацелены на решение пограничного вопроса и совместную работу по поддержанию мира и спокойствия в пограничной зоне на основе обеспечения интересов каждой из сторон и твердого соблюдения пяти принципов» [6]. Речь шла о пяти принципах мирного сосуществования, принятых в 1954 г. по инициативе Китая и Индии и ставших первым двусторонним соглашением в китайско-индийских отношениях: взаимное уважение территориального суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование [8].

В ходе этого визита сторонами были подписаны документы, регулирующие взаимодействие стран в различных сферах: Пятилетний план всеобъемлющего экономического и торгового сотрудничества между Индией и Китаем; Соглашение о взаимной административной помощи и сотрудничестве в таможенных вопросах; Меморандум о взаимопонимании по запуску механизма индийско-китайского финансового диалога; Меморандум о взаимопонимании по расширению соглашений о воздушном транспорте между Индией и Китаем; Меморандум о взаимопонимании по обмену и сотрудничеству между Китайским народным институтом иностранных дел и Индийским советом по мировым делам и ряд других.

Стороны подчеркнули, что официальный визит премьер-министра Вэнь Цзябао в Республику Индия увенчался полным успе-

хом, ознаменовал переход китайско-индийских отношений на новый уровень дружбы и сотрудничества между двумя странами [9].

В ноябре 2006 г. председатель КНР Ху Цзиньтао посетил Индию с государственным визитом, в ходе которого стороны сделали совместное заявление и подписали «Индийско-китайское двустороннее соглашение о поощрении и защите инвестиций». Это соглашение было направлено на формирование институциональной и правовой основы для поощрения и продвижения более масштабных инвестиций между двумя странами. С целью поощрения сотрудничества между предприятиями двух стран в январе 2006 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в нефтегазовом секторе». Для интенсификации торговли сельскохозяйственной продукцией Китай и Индия заключили «Меморандум о взаимопонимании по китайско-индийскому сельскохозяйственному сотрудничеству». Стороны отметили, что успешный визит Председателя Ху Цзиньтао в Индию, который завершился празднованием Года индийско-китайской дружбы в 2006 г., способствовал укреплению взаимопонимания и доверия, помог обогатить стратегическое партнерство между двумя странами и придал существенный импульс двусторонним отношениям [10].

Подписание документов, затрагивающих различные сферы взаимодействия Китая и Индии, подчеркивает значимость и взаимную выгоду межгосударственного сотрудничества этих крупных региональных игроков, имеющих схожие интересы и ресурсы, но при этом сохраняющих дистанцию в отношениях друг с другом.

Политические аспекты китайско-индийского сотрудничества

Подписание ряда межгосударственных документов, регулирующих различные сферы китайско-индийского взаимодействия, способствовало развитию политического диалога, регионального и экономического сотрудничества стран. В 2004 г. Индия стала 13-м крупнейшим торговым партнером Китая, а в 2005 г. двусторонняя торговля между странами выросла по сравнению с предыдущим годом на 37,5 % [11].

В 2008 г. премьер Индии Манмохан Сингх посетил Китай с официальным визитом, в ходе которого стороны подписали «Совместное видение 21 века», где выразили свою готовность «продолжать придерживаться пяти принципов мирного сосуществования, обязуются решать оставшиеся пограничные вопросы путем переговоров, постоянно содействовать демократизации международных отношений и многосторонности, поддерживать и поощрять процесс региональной интеграции, активно противостоять экономической глобализации, придавать большое значение проблеме изменения климата и призывать международное сообщество к продвижению многостороннего контроля над вооружениями и другим инициативам» [12].

В 60-ю годовщину установления дипломатических отношений между Индией и Китаем в 2010 г. по приглашению председателя КНР Ху Цзиньтао президент Индии Пратибха Патил посетила Китай с государственным визитом. Этот визит подчеркнул стремление сторон к продолжению сотрудничества, интенсификации и усилению взаимного доверия. В декабре того же года премьер КНР Вэнь Цзябао совершил визит в Индию. Стороны подписали «Совместное коммюнике между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия», в котором была подтверждена необходимость соблюдения подписанных соглашений, укрепления стратегической связи, расширения практического сотрудничества в гуманитарной сфере. В целях выражения отношений партнерства и стратегического сотрудничества между Китаем и Индией стороны решили создать механизм регулярного обмена визитами между главами двух государств и правительств, приветствовали установление «горячей линии» между китайским и индийским премьер-министрами; лидеры стран согласились с проведением регулярных консультаций по важным вопросам, представляющим общий интерес. Стороны также согласились с созданием механизма ежегодного обмена визитами между министрами иностранных дел двух государств [13].

На фоне улучшения китайско-индийских отношений и стремления к дальнейшему взаимовыгодному сотрудничеству 2011 г. был объявлен «Годом индийско-китайских

обменов» и предусматривал масштабные коммуникации между разными социальными группами (молодежь, ученые, деятели культуры и искусства), СМИ, аналитическими центрами. Стороны договорились продолжить двусторонние молодежные визиты в течение следующих пяти лет. Предполагалось, что китайская сторона пригласит 500 индийских молодых людей из всех слоев общества посетить Китай в 2011 г. Стороны также подписали меморандум о взаимопонимании по обмену СМИ и «План реализации соглашения о культурном сотрудничестве между правительством Китайской Народной Республики и правительством Республики Индия на период 2010–2012 гг.» [14].

2012 год стал Годом индийско-китайской дружбы и сотрудничества, важной частью этого года стал визит делегаций молодежи Индии в Китай и китайской молодежи в Индию. По словам Поверенного в делах Китая в Индии Дэн Сицзюня, такой международный обмен «является важной платформой для молодежи двух стран учиться друг у друга, укреплять дружбу и углублять сотрудничество» [15].

2014 год был объявлен Годом индийско-китайской дружбы и обмена. Уже в феврале в столице Индии состоялась церемония открытия начала «Года китайско-индийских дружеских обменов», на которой выступили китайские артисты из акробатической труппы «Гуанси». Последующие два года были посвящены туризму: 2015 г. – Год индийского туризма в Китае, в 2016 г. в Индии проходил Год китайского туризма.

2013–2016 гг. были ознаменованы регулярными встречами на высшем и высоком уровнях. Во время двусторонней встречи Председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Индии Нарендра Моди на полях шестого саммита лидеров БРИКС главы Китая и Индии приняли «Совместное заявление о построении более тесного партнерства в целях развития». В нем подчеркивалось, что стороны будут соблюдать общие правила и стремиться к консенсусу, а партнерство будет углубляться на основе пяти принципов мирного сосуществования. Лидеры двух стран положительно оценили прогресс, достигнутый в индийско-китайских отношениях за последние годы, отметили, что обе стороны всегда рассматривали

эти отношения как перспективные и стратегические. После плодотворного 2017 г. последовали неформальные встречи Председателя КНР Си Цзинпина с премьер-министром Индии Нарендрой Модии в Ухане (Китай) в 2018 г. и Ченнае (Индия) в 2019 г.

70-летие установления дипломатических отношений (2019 г.) было ознаменовано рядом двусторонних культурных мероприятий: прошли фестиваль «Красочная Индия», неделя индийского кино и культуры в Китае, был реализован благотворительный молодежный проект в доме престарелых в Шанхае; в Индии прошел китайско-индийский женский форум, была организована художественная выставка.

2020 год должен был стать Годом культурных обменов [16]. Однако на фоне активного китайско-индийского взаимодействия нерешенные пограничные вопросы дали о себе знать в 2017 г. (конфликт в Докламе, вспыхнувший из-за строительства Китаем дороги на спорной территории) и в 2020 г. (пограничный территориальный спор в Гархване, который совпал с глобальной вспышкой пандемии коронавируса). Эти события ослабили политический диалог двух стран и не позволили продолжить дальнейшее сотрудничество в духе добрососедства.

Еще одним фактором, повлиявшим на нормализацию китайско-индийского сотрудничества, стало возобновление в конце 2017 г. стратегического четырехстороннего диалога Австралии, Индии, США и Японии (QUAD), который Пекин рассматривает как попытку создания Азиатского НАТО и стремления ослабить его позиции в Индийском и Тихом океанах. В ответ на действия QUAD Китай усилил сближение с трансгималайскими странами: Непалом, Пакистаном и Афганистаном – и в июле 2020 г. организовал виртуальный саммит с участием этих стран. В этом некоторые усмотрели «попытку Китая сгруппировать вокруг себя, подобно США, три государства, чтобы сформировать четырехсторонне партнерство» [17].

Однако в условиях нарастающей региональной напряженности Индия пыталась сохранить баланс между взаимодействием с QUAD и Китаем. Эта позиция, которую профессор Р. Раджагопалан характеризует

как «индийский синтез», связана со стремлением предотвратить появление потенциального гегемона в Азиатско-Тихоокеанском регионе: «Индийская стратегия диверсификации партнерских отношений и выбор в пользу гибких коалиций напрямую связаны с тем, что по многим региональным вопросам интересы Индии и ее партнеров не полностью совпадают» [18].

Важным аспектом двусторонних отношений является участие Китая и Индии в региональных организациях: Межгосударственном объединении Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР (БРИКС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Благодаря взаимодействию в рамках БРИКС две страны расширили сферы сотрудничества, совместно выступая по основным международным и региональным вопросам с осуждением терроризма во всех его формах и углубляя сотрудничество в таких областях, как вопросы национальной безопасности, экономика, наука и техника, сельское хозяйство, образование, культура, здравоохранение, туризм и спорт. Страны БРИКС достигли значительных успехов в гуманитарных и научно-технических обменах, приняли и опубликовали Саньянскую и Делийскую декларации, учредили Банк развития БРИКС и Резервный банк иностранной валюты, создали деловые и аналитические советы и другие организации, провели кинофестивали, молодежные форумы, встречи аналитических центров и диалоги молодых дипломатов [19]. Отказ от участия Индии в саммите БРИКС во многом способствовал разрешению конфликта в Докламе, что подчеркивает значимость регионального сотрудничества двух стран. Прекращение конфликта позволило вернуть Нью-Дели на саммит БРИКС и возобновить диалог в региональном формате.

Важной составляющей региональной стабильности является ШОС, задачами которой являются укрепление стабильности и безопасности государств-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. Как для Китая, так и для Индии терроризм, сепаратизм и экстремизм в регионе Южной Азии являются общими угрозами. В рамках ШОС обе страны ведут

борьбу с терроризмом, участвуют в военных учениях и антитеррористических тренировках. Несмотря на то что Пекин и Нью-Дели придерживаются своих позиций в других областях (например, пограничные вопросы), в сфере борьбы с терроризмом их позиции всегда едины. Это усиливает доверие между двумя странами.

Важным направлением сотрудничества Китая и Индии является их взаимодействие со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Несмотря на то что они не входят в эту региональную организацию, азиатские гиганты, сотрудничая с АСЕАН, придают импульс экономической интеграции в регионе, диверсифицируют рынки и способствуют региональной стабильности и интеграции стран региона. Интенсификации регионального экономического сотрудничества способствовало вступление с 1 января 2022 г. в силу Соглашения о создании Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), в котором КНР и Индия выступают в качестве крупнейших инвесторов наравне с Японией и Республикой Корея. Такое региональное партнерство не только несет в себе выгоды для стран-участниц, но и усиливает интеграцию государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

За последние два года первым высокопоставленным китайским чиновником, посетившим Индию в марте 2022 г., стал министр иностранных дел Китая Ван И. После его визита Китай заявил о своем желании «работать вместе во имя мира и стабильности в регионе и во всем мире», а Индия предложила «завершить территориальное размежевание как можно скорее, чтобы восстановить спокойствие в приграничной зоне» [20]. Стороны пришли к соглашению по следующим пунктам:

1) восстановление мира и спокойствия в приграничных районах, что отвечает общим интересам двух стран;

2) Китай и Индия обладают одинаковыми или схожими позициями по основным международным и региональным вопросам, в связи с чем необходимо стремиться к взаимопониманию и прилагать усилия для взаимной поддержки, чтобы укреплять межгосударственный диалог в напряженной мировой ситуации;

3) развивать диалог по углублению торгово-экономического сотрудничества, содействию контактов между людьми и взаимодействию в области гидрологии трансграничных рек;

4) придерживаться принципа мультилатерализма, соблюдать Устав ООН и международное право и разрешать споры мирным путем посредством диалога [21].

В марте 2022 г. член Госсовета, министр иностранных дел Китая Ван И на пресс-конференции в рамках 5-й сессии ВСНП 13-го созыва, говоря о китайско-индийских отношениях, отметил, что «между Китаем и Индией всегда будет существовать взаимовыигрышное партнерство, а не соперничество», и подтвердил приверженность стратегическому консенсусу: «Мы – возможности для развития друг друга, а не угрозы» [22].

В 2022 г. Китай неоднократно акцентировал внимание на необходимости выстраивать двусторонние отношения в долгосрочной перспективе, углублять взаимное доверие, «двигаться навстречу друг другу, чтобы как можно скорее вернуть двусторонние отношения на пусть стабильного и здорового развития, совместно решать различные глобальные проблемы и защищать общие интересы Китая и Индии, а также... развивающихся стран» [23].

Подводя итог, отметим, что отношения великих держав в XXI в. носят всеобъемлющий характер, в них есть как споры, так и сотрудничество, культурные обмены, политическое и региональное взаимодействие. Существует множество факторов, которые прямо или косвенно влияют на межгосударственные отношения: пограничный вопрос между Китаем и Индией; регулярность контактов на высоком уровне; выполнение соглашений, затрагивающих различные сферы сотрудничества двух стран; региональные процессы; влияние западных стран на политическую позицию Индии.

Китайско-индийское взаимодействие должно осуществляться на основе следования независимой и автономной внешней политики и развития отношений в направлении взаимовыгодного сотрудничества.

Заключение

За время, прошедшее после восстановления отношений между Китаем и Ин-

дией в 2003 г., странами была сформирована прочная политико-правовая основа: подписаны двусторонние соглашения; приняты совместные заявления; регулярные встречи глав государств являются важным показателем стремления к диалогу и взаимопониманию между странами. На протяжении последних десятилетий обе стороны стремятся придерживаться принципов, закрепленных в двусторонних документах, которые служат прочной основой для китайско-индийского взаимодействия, укрепления добрососедских отношений и региональной стабильности.

Несмотря на сложность отношений между КНР и Индией и напряженную меж-

дународную обстановку, руководство стран стремится решать пограничный спор мирными средствами и укреплять политическое взаимное доверие путем переговоров.

Важную роль в сотрудничестве Пекина и Нью-Дели играет участие их в работе региональных организаций: БРИКС, ШОС, ВРЭП, – а также тесное взаимодействие с АСЕАН.

В китайско-индийских отношениях, характеризующихся достаточно высокой степенью напряженности, сегодня преобладает экономическая составляющая, которая сможет послужить основой укрепления политических взаимоотношений двух ключевых держав региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонова, О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О. Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 59–66.
2. История и будущее современных китайско-индийских отношений / Чэнь Цзунхай [и др.]. – Пекин : Мировое знание, 2020. – 325 с. (на кит. яз.).
3. Краткая история отношений Индии с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2019/09/25/zh-pub-80371>. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).
4. Декларация о принципах взаимоотношений и всестороннего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/ELvZmP>. – Дата доступа: 10.11.2022 (на кит. яз.).
5. Индия с первого взгляда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wyzzy/cfhgjhy/2015-06/09/content_1937892.htm. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).
6. 11 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/NDaK50>. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).
7. Создание военного доверия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/ztk/xwfb/26/3/Document/883610/883610.htm>. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).
8. Совместное заявление премьер-министров Индии и Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlc.cn/dsb_zt/xzxt/ghgdsj/1954/event4/wzbd22/202001/t20200103_186534.htm. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).
9. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Индия [Электронный ресурс] // Бюллетень Государственного совета. – Режим доступа: http://www.gov.cn/gongbao/-content/2005/content_64191.htm. – Дата доступа: 15.11.2022 (на кит. яз.).
10. Китай и Индия выпускают Совместную декларацию (полный текст) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/Vo8Kx1>. – Дата доступа: 15.11.2022 (на кит. яз.).
11. Индия с первого взгляда (2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.militu.com/p-8013663.html>. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).
12. Китай и Индия подписали документ «Совместное видение 21 века» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzg/2008-01/15/content_857962.htm. – Дата доступа: 15.11.2022 (на кит. яз.).
13. Совместное коммюнике КНР и Республики Индия [Электронный ресурс]. – http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-12/17/content_21567246.htm. – Дата доступа: 15.11.2022.
14. Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Индия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/ZZdKgJ>. – Дата доступа: 15.11.2022 (на кит. яз.).

15. Китайская молодежная делегация в составе 100 человек завершает визит в Индию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n/2012/1120/c100219627-850.html>. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).
16. Муратшина, К. Г. Культурные связи Китая и Индии: битва «мягких сил»? / Г. К. Муратшина, Е. А. Бородина // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 10. – С. 27–33.
17. Les tensions sino-indienne et le jeunes alliances [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nemrod-ecds.com/?p=5441>. – Date of access: 10.01.2023.
18. Assari, K. L'Inde et les systèmes de sécurité collective dans la zone indo-pacifique [Электронный ресурс] / K. Assari // Revue Défense Nationale. – 2022/HS2 (N° Hors-série). – P. 60–68. – DOI: 10.3917/rdna.hs08.0060. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-defense-nationale-2022-HS2-page-60.htm>. – Дата доступа: 10.01.2023.
19. Ван Чжо. Исследование китайско-индийских отношений в контексте БРИКС / Ван Чжо // Журн. Чаншан. технол. ун-та (изд. по обществ. наукам). – 2022. – № 3. – С. 98–107 (на кит. яз.).
20. Ван И проводит переговоры с министром иностранных дел Индии С. Джайшанкармом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fad.zj.gov.cn/art/2022/4/2/art_1321180_58898-823.html. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).
21. Ван И проводит переговоры с министром иностранных дел Индии С. Джайшанкармом [Электронный ресурс] // Синьхуа новости. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2022/03/26/c_1310529697.htm. – Дата доступа: 15.11.2022.
22. Ван И: Пусть между Китаем и Индией всегда будет существовать взаимовыигрышное партнерство, а не соперничество [Электронный ресурс] // Синьхуа новости. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2022-03/07/c_1310504456.htm. – Дата доступа: 15.11.2022.
23. Ван И встретился с новым послом Индии в КНР [Электронный ресурс] // Синьхуа новости 22.06.2022. – Режим доступа: <https://russian.news.cn/20220623/5fbd9c2a97bc484f8948501-ceb6cf90d/c.html>. – Дата доступа: 10.01.2023.

REFERENCES

1. Lieonova, O. G. Global'naja riiegnalizacija kak fiienomien razvitija global'nogo mira / O. G. Lieonova // Vieik globalizacii. – 2013. – № 1. – S. 59–66.
2. Istorija i budushchieje sovriemiennykh kitajsko-indijskikh otnoshenij / Chen' Czunkhaj [i dr.]. – Piekim : Mirovoje znanije, 2020. – 325 s. (na kit. jaz.).
3. Kratkaja istorija otnoshenij Indii s Kitajskoj Narodnoj Riespublikoj [Eliiektroennyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://carnegieendowment.org/2019/09/25/zh-pub-80371>. – Data dostupa: 22.01.2023 (na kit. jaz.).
4. Dieklaracija o principakh vzaimootnoshenij i vsiestoronniego sotrudnichierstva miezhdu Kitajskoj Narodnoj Riespublikoj i Riespublikoj Indija [Eliiektroennyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://inlnk.ru/ELvZmP>. – Data dostupa: 22.01.2023 (na kit. jaz.).
5. Indija s piervogo vzgliada [Eliiektroennyj riesurs]. – Riezhim dostupa: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wyzzy/cfhgjh/2015-06/09/content_1937892.htm. – Data dostupa: 22.01.2023 (na kit. jaz.).
6. 11 aprielia 2005 g. [Eliiektroennyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://inlnk.ru/NDaK50>. – Data dostupa: 22.01.2023 (na kit. jaz.).
7. Sozdanije vojennoego dovierija [Eliiektroennyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://www.scio.gov.cn/ztk/xwfb/26/3/Document/883610/883610.htm>. – Data dostupa: 22.01.2023 (na kit. jaz.).
8. Sovmiestnoje zajavlienije priem'jer-ministrov Indii i Kitaja [Eliiektroennyj riesurs]. – Riezhim dostupa: http://www.nlc.cn/dsb_zt/xzzt/ghgdsj/1954/event4/wzbd22/202001/t20200103_186534.htm. – Data dostupa: 22.01.2023 (na kit. jaz.).
9. Sovmiestnaja dieklaracija Kitajskoj Narodnoj Riespubliki i Riespubliki Indija [Eliiektroennyj riesurs] // Biullietien' Gosudarstviennogo sovieta. – Riezhim dostupa: http://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_64191.htm. – Data dostupa: 15.11.2022 (na kit. jaz.).
10. Kitaj i Indija vypuskajut Sovmiestnuju dieklaraciju (polnyj tiekst) [Eliiektroennyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://inlnk.ru/Vo8Kx1>. – Data dostupa: 15.11.2022 (na kit. jaz.).
11. Indija s piervogo vzgliada (2008) [Eliiektroennyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.militu.com/p-8013663.html>. – Data dostupa: 22.01.2023.

12. Kitaj i Indija podpisali dokument «Sovmiestnoje vidienije 21 veka» [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: http://www.gov.cn/jrzg/2008-01/15/content_857962.htm. – Data dostupa: 15.11.2022 (na kit. jaz.).
13. Sovmiestnoje kommiunike KNR i Riespubliki Indija. – [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-12/17/content_21567246.htm. – Data dostupa: 15.11.2022.
14. Sovmiestnoje kommiunike Kitajskoj Narodnoj Riespubliki i Riespubliki Indija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://inlnk.ru/ZZdKgJ>. – Data dostupa: 15.11.2022.
15. Kitajskaja molodiozhnaja dieliegacija v sostavie 100 chieloviek zaviershajet vizit v Indiju [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://world.people.com.cn/n/2012/1120/c100219627850.html>. – Data dostupa: 22.01.2023.
16. Murashtina, K. G. Kul'turnyje sviazi Kitaja i Indii: bitva «miagkikh sil»? / G. K. Murashtina, Ye. A. Borodina // Azija i Afrika siegodnia. – 2022. – № 10. – S. 27–33.
17. Les tensions sino-indienne et le jeunes alliances [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nemrod-ecds.com/?p=5441>. – Date of access: 10.01.2023.
18. Assari, K. L'Inde et les systèmes de sécurité collective dans la zone indo-pacifique [Elektronnyj riesurs] / K. Assari // Revue Défense Nationale. – 2022/HS2 (N° Hors-série). – P. 60–68. – DOI: 10.3917/rdna.hs08.0060. – Riezhim dostupa: <https://www.cairn.info/revue-defense-nationale-2022-HS2-page-60.htm>. – Data dostupa: 10.01.2023.
19. Van Chzho. Issliedovanije kitajsko-indijskikh otnoshenij v kontiektie BRIKS / Van Chzho // Zhurn. Chanshan. tiekhnol. un-ta (izd. po obshchestv. naukam). – 2022. – № 3. – S. 98–107 (na kit. jaz.).
20. Van I provodit pieriegovory s ministrom inostrannykh diel Indii S. Dzhajshankarom [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: http://fad.zj.gov.cn/art/2022/4/2/art_1321180_58898823.html. – Data dostupa: 15.11.2022 (na kit. jaz.).
21. Van I provodit pieriegovory s ministrom inostrannykh diel Indii S. Dzhajshankarom [Elektronnyj riesurs] // Sin'khua novosti. – Riezhim dostupa: http://russian.news.cn/2022-03/26/c_1310529697.htm. – Data dostupa: 15.11.2022 (na kit. jaz.).
22. Van I: Pust' miezhdu Kitajem i Indiej vsiegda budiet sushchiestvovat' vzaimovyigryshnoje partniorstvo, a ne sopiernichiestvo [Elektronnyj riesurs] // Sin'khua novosti. – Riezhim dostupa: http://russian.news.cn/2022-03/07/c_1310504456.htm. – Data dostupa: 15.11.2022 (na kit. jaz.).
23. Van I vstrietilsia s novym poslom Indii v KNR [Elektronnyj riesurs] // Sin'khua novosti 22.06.2022. – Riezhim dostupa: <https://russian.news.cn/20220623/5fbd9c2a97bc484f8948501ce6bcf90d/c.html>. – Data dostupa: 10.01.2023.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.02.2023

УДК 32.01

*Сергей Васильевич Решетников¹,**Сергей Иванович Симановский², Михаил Сергеевич Мамекин³*¹*д-р полит. наук, проф., проф. каф. политологии Белорусского государственного университета*²*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии Белорусского государственного университета*³*аспирант 1-го года обучения в форме соискательства каф. политологии, ст. преподаватель каф. политологии Белорусского государственного университета**Sergej Reshetnikov¹, Sergej Simanovskiy², Mikhail Mamekin³*¹*Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science of Belarusian State University*²*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science of Belarusian State University*³*1st Year Graduate Student of the Department of Political Science, Senior Lecturer of the Department of Political Science of Belarusian State University**e-mail: ¹nina.v86mail.ru.; ²simans.ya.ru; ³mafakoff23@mail.ru*

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ НОРМАТИВИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Раскрыта история, структура, аргументы и внутренние сложности различных научно-теоретических подходов к нормативизму. Главной проблемой в процессе исследования нормативизма является селективное восприятие, т. е. выбор наиважнейших элементов либо переменных и отделение стихийного технического уровня, который имеет второстепенное значение либо совсем не имеет отношения к научному анализу. Исследование нормативизма должно привести к обобщению, объяснению и формулированию гипотез для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: норма, ценность, нормативизм, нормативная теория, логический позитивизм, интерпретационистская теория, критическая теория, деонтологическая теория, политологический нормативизм в Республике Беларусь.

Politology Normativism: Theoretical Aspects

The article gives a clear insight into the history, structure, arguments and internal complexities of various scientific and theoretical approaches to normativism. The main problem in the process of researching normativism is selective perception, i.e. the choice of the most important elements or variables and the separation of the spontaneous technical level, which is of secondary importance or not at all related to scientific analysis. The study of normativism should lead to a generalization, explanation and formulation of hypotheses for further scientific research.

Key words: norm, value, normativism, normative theory, logical positivism, interpretationist theory, critical theory, deontological theory, political science normativism in the Republic of Belarus.

Введение

Анализ нормативизма в политической науке – актуальная и важная тема, поскольку он направлен на изучение существующих в современной политологии подходов к постановке и решению проблем, имеющих первостепенное значение и для политической реальности, и для политической науки, изучающей эту реальность. В настоящее время в научном политологическом сообществе нет общего мнения о том, в каком ракурсе можно ставить и решать эти проблемы в рамках дисциплины, а также отсутствует консенсус в вопросе о том, что такое нормативизм и чем он отличается от других, ненормативных подходов. Поэтому целью статьи является анализ и определе-

ние сущности политического нормативизма, его спецификация в рамках политических исследований, что является актуальным и имеет принципиальное значение для политической науки в Республике Беларусь.

В отечественной научной литературе широко анализируются нормативы: социальные, юридические, экономические, социологические, экологические и др., однако в политической сфере подобный анализ отсутствует. Основу политического нормативизма в Республике Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, доктринальные документы об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь,

решения Всебелорусских народных собраний, Указы и декреты Президента Республики Беларусь, послания Президента Республики Беларусь парламенту и белорусскому народу, публичные выступления Президента Республики Беларусь. Именно в этих документах сформулированы и зафиксированы основные политико-философские категории, такие как власть, демократия, государственное управление, гражданское общество, легитимность, национальная безопасность, национальный интерес, а также отражены ключевые черты политической системы Беларуси, традиции, нормы, основные ценности и идеалы белорусского общества, определены направления и векторы государственного и общественного развития [1–2].

Специальных исследований, посвященных концептуальному анализу нормативизма или изучению нормативизма, в истории политической мысли и белорусской политической науке не существует. В качестве исключения можно упомянуть некоторые работы белорусских авторов, в которых анализируются отдельные аспекты политического нормативизма [3]. Проблематика нормативизма разрабатывалась преимущественно в рамках философии, социологии, правовой науки, а также в последнее время появились исследования в рамках психологии, экономики, теории государственного управления, религиоведения, литературоведения. Давая оценку состоянию разработанности проблемы, политологически нормативными можно считать работы следующих белорусских ученых: докторов политических наук Н. А. Антанович, Р. О. Есина, Л. Е. Землякова, С. А. Кизимы, Ю. И. Малевич, Л. С. Мальцева, В. А. Мельника, С. В. Решетникова; доктора философских наук А. М. Байчорова; докторов исторических наук И. И. Калачевой, В. М. Мацеля, А. В. Русаковича, В. В. Фрольцова.

Следует отметить, что становление политического нормативизма не было обусловлено самоопределением какой-либо группы ученых или конкретных научных школ, исходивших в познании политической реальности из общих теоретических и методологических установок. Его укоренение происходило в условиях продолжительных дискуссий и полемики, в ходе которых позитивизм выступал оппонентом

иных исследовательских направлений, доказывая свою состоятельность. При этом в ходе становления изменялись как представления о самом нормативизме и его сущностном наполнении, так и направленность политологических дискуссий, а также фокус исследовательской проблематики ученых, которых сегодня относят к нормативистам.

Исходя из анализа политологической литературы XX в., О. Ю. Бойцова выделяет среди последовательно сменявшихся друг друга субъективных образов нормативизма следующие: классический нормативизм добихевиорального периода, объединяющий формально-нормативные и ценностно-нормативные концепции как философского, умозрительно-метафизического, так и позитивного характера, преимущественно реалистической (холистической) направленности; неонормативизм эпохи поведенческой революции, который был связан с валюативными холистическими подходами; постбихевиоральный нормативизм, разделенный исследователем на внутридисциплинарную версию, для которой характерно содержание рефлексивных, валюативных, валюативно-рефлексивных теорий номиналистической и реалистической направленности, а также постмодернистскую версию, в рамках которой нормативистскими считались все теории, ориентированные на поиск и утверждение истинного знания [4, с. 387–388].

Что касается определения термина «нормативизм», то, несмотря на его значимое место в понятийном аппарате политической науки, отсутствует четкое понимание содержания и единообразие в его использовании. Часто «нормативизм» трактуется как подход, ориентированный на анализ политических идеалов и выявление тех способов, которые позволяют обеспечить наилучшее, «идеальное» правление и достичь оптимальной организации общества [5, с. 61]. В белорусском политологическом словаре предложено определение, согласно которому «нормативизм» – это одно из течений в современной социологии, изучающее соответствие общественных явлений системам политических, этических и эстетических норм [6, с. 272].

Отечественными и российскими исследователями отмечается, что систематизацию наиболее распространенных трактовок нормативизма в политической науке

можно провести по нескольким основаниям. Так, О. Ю. Бойцова в качестве основания для такой систематизации предлагает признак – «минимум нормативности». В зависимости от этого центрального признака в структуре нормативизма она выделила эпистемологические подходы (уровень теоретического обобщения), аксиологические (отношения к ценностям), деонтологические (для них характерна директивная направленность и прескриптивность) [4, с. 392].

Подобной позиции придерживается О. Е. Побережная, которая предлагает выделять следующие смысловые трактовки нормативизма: эпистемологическую, аксиологическую и директивную [5, с. 61].

Также О. Ю. Бойцова предложила разделять трактовки нормативизма в зависимости от характера долженствования, выделив формальную и ценностную трактовки. Согласно первой, к нормативизму относятся концепции, исследующие комплексы норм и механизмы нормативной регуляции в политике и рассматривающие деонтологическую природу норм в функциональном и/или содержательном, а не аксиологическом аспекте. Вторая трактовка определяет нормативность как стремление придать долженствованию аксиологическую окраску, подчинить сферу политического внеполитическим нормам, за которыми признается статус высших ценностей, а также связать политические исследования с оценочными суждениями [4, с. 392].

Резюмируя, можно утверждать, что термин «нормативизм» занимает важное место в понятийном аппарате современной политической науки и активно используется при анализе самых различных исследовательских направлений в политологии, однако не имеет четкого, жестко фиксированного содержания и используется для обозначения различных интеллектуальных течений, поэтому важно проанализировать различные нормативные теории, каждая из которых имеет право на существование.

Логический позитивизм и смерть политической философии

Философское течение, известное как *логический позитивизм*, или *логический эмпиризм*, возникло в начале XX в. и дошло до сегодняшних философских дискурсов. Логические позитивисты сознательно стре-

мились к установлению основ нормативно-теоретизирования, признавая при этом приоритет методов естественных наук.

Особенно влиятельна была позиция шотландского ученого Дэвида Юма, известного своей системой философского эмпиризма, скептицизма и натурализма. Д. Юм утверждал, что все наши знания о мире возникают из конкретных эмпирических источников. Ученый также утверждал, что никакая констатация эмпирического факта не содержит в себе ценностных схем. Понимание смысла говорит нам только о том, каким мир является, но не говорит о том, каким он должен быть [7, с.72]. Работы Д. Юма предвосхитили реформистский подход логических позитивистов начала XX в. Опираясь на его предположения и выводы, перспектива логического позитивизма объединяла эмпирическое видение знания с акцентом на формальную логику.

Наиболее последовательной декларацией позиций логического позитивизма стала известная работа английского философа-неопозитивиста, представителя аналитической философии А. Д. Айера, «Язык, истина и логика», изданная впервые в 1936 г. [8]. Важным итогом его рассуждений является отрицание традиционных философских взглядов на сущность и существование, которые известны со времен Платона. Эта позиция представляет собой метафизические утверждения, которые в значительной степени опираются на мифы. Позитивисты противопоставляют этому образу форму знаний, опирающуюся на вымыслы. Они подчеркивают также различия между фактами и ценностями. Постигание смыслов само по себе не усложняет ценностных суждений. В конечном счете эти смыслы следует признать только с помощью выражения чувств, и тем самым их невозможно подтвердить с помощью рациональной аргументации. Не существует объективных стандартов, которые позволили бы их оценить. Сторонники позитивизма считают, что люди, участвующие в моральной дискуссии, приходят, по сути, к спору на тему фактов. Там, где дело доходит до аутентичных столкновений ценностей, дальнейшая дискуссия становится невозможной.

Очевидно, что позиции позитивистов создают сложные ограничения, которые можно отнести к категориям знаний. В ко-

нечном счете наши знания укрепляются исключительно утверждениями одного типа – утверждениями, касающимися фактов и познания смыслов, которые могут быть подвергнуты эмпирическим тестам и подтверждены актуально. Иным типом подобных утверждений являются те, которые касаются логических понятий и отношений между ними. Эти утверждения не доставляют нам знаний о мире, однако могут сообщить нам что-то важное на тему структуры употребляемых нами понятий. Мы можем точно анализировать значение понятий, чтобы утверждать, насколько и каким способом их можно употреблять во взаимосвязи с иными понятиями.

В результате роль философии подвергалась значительному сужению. Философам остался другой кластер – исследования логических понятий и отношений между ними. Задачей философа является прежде всего языковая и аналитическая классификация, этимология ошибок и интеллектуальных недоразумений, которые ранее не способствовали ясному пониманию мира.

Логический позитивизм оказал значительное влияние на философию в целом, а в особенности на политическую философию. Классическим примером политической философии, созданным в духе логического позитивизма, является политический словарь британского философа Т. Д. Велдона [9]. Его работа преимущественно имела цель обоснования утверждения, что «когда мы исключаем вербальные недоразумения, оказывается, что вопросы традиционной политической философии являются зачитанными формулировками эмпирических трудностей» [9, с. 192]. Велдон утверждает, что метафизические склонности политических философов подтвердили, что они совершают систематическую ошибку, основываясь на том, что политические понятия, такие как «государство» и «свобода», «власть», имеют существенное значение, выходящее за рамки наших эмпирических познаний, и, собственно, открытие этого значения и является целью философии.

Если посмотреть на политические понятия исходя из позитивистской точки зрения, то они подвергаются «демистификации». Например, часто упоминается, что власть содержит какую-то таинственную моральную сущность, которую необходимо

выяснять через отсылку к какой-либо обобщенной идее, например, божественного права либо социального договора. Метод Велдона элиминирует содержание политической философии. Как и Айер, он считает суждения оценки необъективными и не поддающимися рациональному анализу либо аргументации. Можно формулировать и рационально оценивать рекомендации, касающиеся, например, политических институций, однако в конечном счете это только эмпирические утверждения на тему эффективности институций, если речь идет о реализации целей, которые ученый уважает как ценностные. Философы могут играть определенную роль при оценке логичности таких утверждений.

В результате роль политического философа осталась в значительной мере ограниченной: он может классифицировать политические термины в свете эмпирических данных и выявлять языковые недоразумения, вытекающие из метафизических оснований. Этот пересмотренный образ политической философии получил дальнейшее развитие. Когда позитивизм приступил к штурму традиционной политической философии, анализ самой политики развивался способом, который все больше приближал ее к исследованиям, характерным для естественных наук. Дисциплины, воспринимаемые в растущей мере как «науки о политике», стали сосредоточиваться на бихевиоральных анализах политических явлений. В таких условиях политическая философия могла быть в лучшем случае «подручной» науки о политике – упражнением в сфере прояснения понятий, целью которого было очищение грунта для представителей науки о политике. В свете этого факта можно судить, что не было ничего сверхъестественного в философии политики, которая под каким-то видом напоминала бы свою традиционную форму, она как бы являлась мертвой, а роль нормативного теоретизирования в исследованиях политики осталась бы проблематичной. В действительности эти некрологи были преждевременными, и появилось много альтернативных подходов, которые отвергли позитивистскую ревизию и признали наибольшую роль нормативных ожиданий в сфере политики.

Интерпретационистская теория

Важнейшим трудом в рамках логического позитивизма является исследование австрийско-британского философа Людвиг Витгенштейна «Логико-философский трактат». Его утверждение о том, что значение опирается на связи между языком и непосредственным эмпирическим осведомлением, выразительно гармонизировало с интересами логических позитивистов [10]. Однако в своих более поздних трудах он занял иную позицию, которая оказала влияние на развитие альтернативы по отношению к позитивистскому подходу в социальных науках, определив вызовы для логического позитивизма.

С точки зрения логических позитивистов, язык значим потому, что его основные элементы связаны с элементами первичного мира познания. В то же время для Витгенштейна язык, в сущности, «делает» мир познаваемым и может это делать самыми разнообразными способами. Так, даже принцип логического позитивизма о существовании первичного кластера эмпирических познаний, которые создают основы всех правдивых знаний, является ошибочным.

Подобно этому аналогия «языковой игры» подтверждает, что попытки искоренения языковых построений, которые не вполне соответствуют позитивистским моделям, ошибочны. «Языковые игры» религии и науки невозможно привести к общему знаменателю, и нет вероятного критерия, который был бы единым для всех сфер и определяющим, какой критерий есть более ценный, чем другой.

Некоторые из приведенных аргументов были рассмотрены и употреблены в отношении к методам социальных наук британским философом Петером Винчем [11]. Он исходил из критики той концепции, в рамках которой философия называлась «служанкой». Эта концепция была поддержана позитивистами, например, Велдоном. По его мнению, философия опирается на неоспоримое различие между вопросами на тему действительности, признаваемой наукой, и вопросами на тему языка, понимаемую как предмет заинтересованности философии.

Следуя за Витгенштейном, Винч утверждал, что язык является не только способом категоризации какой-то независимой

действительности; такой образ языка подтверждал бы, что он есть в целом вторичным по отношению к умозрению. Однако неизвестно, как мы могли бы в целом осуществлять опыт без освоения понятийных рамок существующих в языке. Исследование того, каким образом язык «конституирует» для нас действительность, являются доменом философии. Можно познавать мир многими способами: через науку, искусство, религию и т. д., а задачей философии, по его мнению, является анализ человеческого опыта.

По мнению Винча, значительные социальные течения опираются на разделяемые в обществе способы понимания, убеждения и понятия. Они выражаются в общих конститутивных правилах, и мы можем их найти в наших совместных практиках и институциональных установлениях. Социальные действия можно затем понимать путем исследования понятийных структур, которые укоренены в культурных и институциональных сферах, конституализируют поведение и дают людям поводы к действиям. Что существенно, эти структуры включают в себя *нормативные* элементы.

В противовес позитивистам Винч приспособливает социальные науки к философии. Он утверждает, что они являются по своей сути философскими отраслями. Тем самым позитивистское видение социальных наук необходимо признать ошибочным, ведь представление о том, что социальную действительность можно понять благодаря чисто эмпирическому анализу поведения, который может составить основу для гипотез о причинных связях и предпочтительных моделях, обходит тот факт, что человеческое поведение и социальные отношения предваряются убеждениями и идеями, которые выражаются в языке, а также в правилах, определяющих социальную жизнь.

Модель исследований в социальных науках, которую представляет П. Винч, имеет целью интерпретацию, а не причинное выяснение. Если, например, мы хотим выяснить, почему данная личность голосовала таким, а не иным способом, использование статистических данных не может дать ответ на этот вопрос. Мы должны узнать причины определенного решения избирателя, а это, в свою очередь, доказывает, что появится вопрос о системе его

убеждений. Эта система объемлет общие убеждения на тему институции выборов, их смысла и веса в социальной жизни, разделяемого в демократическом обществе и закрепленного в конститутивных правилах, определяющих практику голосования. Анализ этих явлений, по мнению П. Винча, есть ключ к пониманию социальной жизни [11]. И это упоминаемое явление маргинализирует позитивистские социальные науки, представители которых преферируют эмпирические генерализации и причинные модели, не будучи в состоянии признать, что способность предвидения есть то же самое, что понимание.

Интерпретационистский подход склоняет нас к тому, чтобы уважительно трактовать нормативную силу, связанную с политическими понятиями. В трактовке Винча интерпретационизм подводит нас к пониманию *нормативного порядка* и уважению роли, которую он играет в конструкциях социальной жизни. С точки зрения интерпретационистов, необходимо трактовать моральный смысл этого понятия, отражающего общие убеждения на тему моральной правоспособности. Указанные убеждения часто связаны с идеями социального договора либо естественного права, которые позитивисты старались исключить из теоретического словаря.

Однако интерпретационистский подход не возвращает доверия *нормативным* ожиданиям, по крайней мере не в их ранней форме. Так происходит, поскольку в определенной мере он принимает один из элементов позитивистской критики метафизики. Хотя интерпретационистский подход признает эти «языковые игры», которые объединяются с теологическими утверждениями, либо иного рода метафизическими утверждениями. Этот способ познания мира так же правомочен, как и интерпретационистское предсказание, в соответствии с которым мир становится понимаемым, имеет место благодаря совместным конвенциональным убеждениям. В конечном счете метафизические тезисы выходят за рамки внешних аспектов действительности. Так, формулирование этого рода *нормативных* утверждений не является задачей философского анализа, который направлен на выяснение разных мировоззрений, признанных в данном обществе. Оказывается, что «кон-

венционалистский» подход не оставляет интерпретационистской теории никакого альтернативного пункта видения, который бы способствовал формулированию критических подтверждений, сравнимых с доминирующей конвенцией.

Некоторые критики интерпретационизма Винча считают, что его подход привел в социальной теории к чрезмерному «релятивизму». Одной из главных тем дискуссии была проблема понимания культурных практик иных сообществ, и наиболее выразительной стала интерпретационистская перспектива. Конвенция конституирует социальную действительность, нацеливает на познание значения социального действия. Более того, если все значения в соответствии с *нормативизмом* являются внутренним аспектом данной культуры, то трудно создать объективные либо внешние стандарты, которые бы позволили узнать, что определенные аспекты данной культуры неприемлемы.

Далее мы должны присмотреться к социальным обусловленностям, в которых определенные виды побуждений и правил, в сущности, детерминируют действия. Возрастает значение принципов и норм, которые могут действовать независимо от осознания их акторами. Подобный тип анализа позволяет социальным теоретикам говорить о таких факторах, как идеология, либо фальшивое сознание, в которых можно узнать определенные аспекты социальной структуры как конкретизирующие либо ограничивающие ситуации, в которых этого нет. Эти аспекты анализа предстают как ключевые. Политическая философия может оказаться способной к формулированию убедительных критических утверждений. Теоретическое понимание этой возможности было центральным мотивом иного проекта, более значительного и конкурентного по отношению к позитивизму, – критической теории.

Критическая теория и диалектика

Термин «критическая теория» ассоциируется с течением, зародившимся в Германии в начале XX в. и тесно связанным с деятельностью Института социальных исследований, созданного в 1923 г. во Франкфурте. Теоретики Института были марксистами, и их исследования в значительной

мере были построены на идеях К. Маркса. Прогнозы этого мыслителя относительно близкого свержения капитализма посредством пролетарской революции не оправдались, что поставило под вопрос весь его метод. Ядром подхода К. Маркса была теория диалектических исторических перемен, в рамках которой заявлялось, что социальные преобразования не происходят в результате воздействия какого-то внешнего предмета на социальную структуру (поскольку нет такого внешнего предмета). Противоречия выражаются в образе классовых антагонизмов. Согласно Марксу, в любой эпохе существует доминирующий способ понимания мира, который представляет собой объективный ответ на социально-экономическую действительность. Однако, когда в этой действительности появляются противоречия, выделяются конкурентные мировоззрения, а, так как упоминаемые противоречия выражаются в классовых антагонизмах, конкурентные мировоззрения отвечают пункту видения и интересам борющихся между собой классов. Доминирующее мировоззрение не всегда соответствует действительности, маргинализируя определенные аспекты меняющегося мира и идеологический порядок, который служит интересам правящего класса. Новое мировоззрение предусматривает динамические аспекты социальной действительности и одобряет чьи-то интересы.

На методологическом уровне основная предпосылка этого анализа, которая придавала ей правдивый *диалектический* характер, была следующей: радикальную критику капитализма можно предпринять не на основе спекулятивных метафизических принципов, исходящих из концепции человеческой природы либо абстрактных теорий добра, а на основе анализа структурной динамики. Но поскольку пролетариат не достиг прогнозируемого радикального перелома, то диалектический метод и связанные с ним исторические основы знаний можно определенно поставить под вопрос.

Представители критической теории стремились исследовать обстоятельства, при которых ослабел радикализм. Аналитиками теории К. Маркса были представители франкфуртской критической школы немецкие философы М. Хоркхеймер и Т. Адорно. Они связывали современные идеологии с

позитивизмом [12]. Эти ученые утверждали, что позитивизм – это не только философское течение, но и мировоззрение, которое стало доминирующей идеологией. Обещая людям освобождение, как интеллектуальное, так и материальное, благодаря употреблению рациональности, научной либо технической, в своей основе позитивизм утверждает видимость, которая очевидно избавляет людей от контроля над собственной жизнью. С научной точки зрения мир является сложным из безличных причинных механизмов.

Предпринято много попыток разрешения этой проблемы, которые можно найти в работах Ю. Хабермаса, одного из наиболее влиятельных политических и социальных мыслителей второй половины XX в., создателя концепций коммуникативного действия и этики дискурса [13]. Хотя он и соглашается с М. Хоркхеймером и Т. Адорно в том, что касается вопросов, связанных с фаворитизмом технической рациональности посредством позитивистской идеологии, он не согласен с тем, что эта идеология есть (либо может быть) доминирующей. Можно фактически понимать мир через совместные нормы либо конвенции в виде тех, которые разделяют сторонники интерпретационной теории, однако существует иная перспектива, которая выходит за конкретные *нормы и конвенции*.

Хабермас делает ставку на форму рациональности, которая не имеет технического характера и которая снижает способность к рациональной дискуссии по данным вопросам. Так, эта форма рациональности является сутью нашего человечества, она обязывает нас к жизни определенным способом, если мы хотим остаться верными человечеству. Упоминаемая форма рациональности проявляется в межчеловеческой коммуникации.

Ю. Хабермас утверждает, что, когда мы используем язык, то вовлекаемся в русло определенных смысловых критериев. К этим критериям относятся правда, искренность, моральное приличие и разумение. Они являются встроенными в саму сущность языка; без них любая польза от языка утратила бы смысл [14].

Ю. Хабермас определил «идеальную коммуникационную ситуацию», в которой коммуникация является свободой от дефор-

мации в том смысле, что она свободна от любых обманов, тенденциозности и не доводит до арбитражной замкнутости; дискуссия имеет аутентичный рациональный характер, а руководит ею исключительно сила научных аргументов. Это также ситуация, в которой все участники имеют равные шансы получения голоса, выдвижения какого-то аргумента либо выражения своей точки зрения. Проводником такой коммуникации является рациональный консенсус. Для ученого этот идеал не является арбитражным. Идеал составляет источник того, что Ю. Хабермас называет «эмансипативное знание», которое способствует социальной критике [14].

Существенным, по мнению Ю. Хабермаса, является то, что часть коммуникационных актов подвержена методичным деформациям. В этом пункте он переносит модель конкретной дискуссии на обобщающий уровень. На этом уровне мы можем достигнуть методических деформаций: там, где дискуссия имеет, например, репрессивный характер, отказывая в признании определенных форм опыта и самосознания. Это видение методичных деформаций позволяет нам понимать идеологическую тенденциозность, которую можно связать с доминирующим укладом сил и структуральными результатами доминирующих социально-экономических интересов. Аспекты доминирующего сегодня течения современных дискуссий связаны с *нормативной* теорией и вытекают из проблем, связанных с деонтологическими подходами.

Деонтологическая теория и плюрализм ценностей

Ранний и пророческий ответ на позитивистское объявление смерти политической философии принесло опубликованное в 1969 г. эссе русско-английского философа Исая Берлина [15]. Берлин, возражая против созданной логическими позитивистами редукции значительных исследований, показал, что эмпирично либо чисто логично. Существует много вопросов, на которые нет способов ответить, например, вопрос «что есть справедливость?». Редукционистский подход связан с оценочными суждениями и является типовым для моральной и политической философии.

Утверждение, что эти вопросы оказались лишены смысла, есть, по мнению И. Берлина, утверждение, что люди все еще задают вопрос, что есть то, что остается для кого-то непонятным. В случае вопросов о *нормативном* характере фактов никогда не доходит до устойчивого понимания трактовки, как найти ответ, ссылаясь на объективный фактор. Мы живем в мире, в котором доминирует плюрализм ценностей, существуют нередуцированные различия между конфигурациями ценностей, с которыми люди отождествляют себя.

Аргументация И. Берлина нерелятивна в том смысле, что личность могла бы выбрать какой-либо набор целей либо принципов и ожиданий из ее системы ценностей. Сообщества, в сущности, принимают определенные комплекты целей либо принципов за ценные аутентичности, даже если они изменяются в зависимости от времени и места. По мнению И. Берлина, эти аутентично ценные цели и принципы являются, однако, часто противоречивыми. В результате ни одна система ценностей не охватывает всего, что ценно, и каждая такая система отдает приоритет определенным ценностям. В результате люди всегда будут открывать конкурентные системы ценностей, даже в рамках этого самого сообщества, и в этом самом смысле позволяющего разрешить, какие из этих систем им более необходимы. Системы ценностей являются ключевыми составными частями модели глубоко укорененных убеждений. Постоянной задачей философии является выяснение и оценка разных моделей, а поскольку никогда не исчезнет плюрализм ценностей, то никогда не исчезнет и философия.

Можно было подумать, что признание существования плюрализма ценностей и тем самым несовместимости различных мнений в отношении моральных проблем составляет особую проблему для политической философии. Традиционной задачей политической философии была теоретическая разработка форм морального и политического консенсуса, который мог бы гарантировать существование справедливого и стабильного политического устройства, а к реализации этой цели стремились бы сторонники интерпретационистских форм либо представители новых перспективных форм, которые рассматривались в

данной статье. Могло бы показаться, что акцентация плюрализма подтверждает эту цель. Признание плюрализма ценностей в общем плане есть добро само по себе. С этой точки зрения важной является позиция американского политического философа Д. Роулза, пытавшегося создать теоретическую концепцию справедливости [16]. Джон Роулз провозглашает принципы, которые были бы выбраны в такой ситуации, и они имеют выразительную **нормативную** импликацию. Работы Д. Роулза оказали значительное влияние на современную политическую теорию и приблизились в решающей степени к возрождению **нормативной** мысли. Такие теоретики, как Д. Роулз, не замечают элементов этической солидарности, т. к. они ищут не в том месте, где нужно. Они все еще стремятся эксплицировать свои деонтологические принципы на основные знания.

Заклучение

Разнородные ответы на вызовы логического позитивизма свидетельствуют о том, что **нормативная** теория сохраняет устойчивые позиции. В настоящее время доминирует дискуссия, связанная с деонтологическим плюрализмом и плюрализмом ценностей, хотя следует отметить, что проблемы, которые мы рассматривали касательно интерпретационной и критической теории, все еще имеют значение. Давление на укорененные в языке нормы и конститутивная сущность понятийных норм остаются чувствительными в понимании дистрибутивной обусловленности, в которой формируются нормы политики. Нарушение технических форм рациональности и знаменательный для критической теории поиск стандартов рациональности, которые выходят за рамки чисто индустриальной, нахо-

дит, в свою очередь, отзвук в современной деонтологической теории и всеобщем признании неинструментальных ценностей политических **норм**.

Нормативная теория сохранила как свою интеллектуальную силу, так и социальное значение. Одновременно дискуссии, которые здесь рассматривались, подтверждают, что значительное влияние имеет один из аспектов учения логического позитивизма. Проявляется это в сильном влиянии антинатурализма на новейшую политическую философию. Даже те ученые, которые остаются сторонниками натуралистического подхода, выражаются, как правило, более сдержанно, избегая жестких моральных представлений и признавая плюрализм ценностей. Это свидетельствует о большей способности ученых к рефлексии либо самосознанию относительно того, что можно утверждать в рамках политической философии. Данные изменения отражают все больший интерес к вопросу, как далеко могут зайти **нормативные** утверждения. Это позволяет нам сделать вывод, что теории, которые мы рассмотрели, будут эволюционировать. Все это подтверждает мнения видных ученых-позитивистов о том, что **нормативная** теория является неотъемлемым аспектом в научном объяснении мира.

Таким образом, **нормативизм** – один из основных теоретико-методологических подходов в современной политической науке, состоящий из ряда исследовательских направлений, изучающих сущность политических процессов и явлений с позиций должного, ориентированных как на построение теорий «идеального» (наилучшего) развития общества, так и на выявление роли аксиологических оснований в политическом процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принята 15 марта 1994 г. : с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Решетников, С. В. О концепте политологического треугольника / С. В. Решетников, Г. М. Бровка, М. А. Ермолицкий // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2020. – № 1. – С. 86–93.

4. Бойцова, О. Ю. Нормативизм в западной политической науке XX в. : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / О. Ю. Бойцова. – М., 2004. – 440 л.
5. Побережная, О. Е. Технология политических исследований: теоретико-методологический аспект / О. Е. Побережная // Проблемы упр. – 2006. – № 1. – С. 61–70.
6. Шынкароў, В. В. Беларускі палітычны слоўнік / В. В. Шынкароў, С. П. Раманав. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2011. – 576 с.
7. Юм, Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Д. Юм // Сочинения : в 2 т. ; пер. с англ. С. И. Церетели [и др.] ; вступ. ст. А. Ф. Грязнова ; примеч. И. С. Нарского. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Мысль, 1996. – Т. I. – 733 с.
8. Альфред, Дж. Айер. Язык, истина и логика / Дж. Айер Альфред ; пер. с англ. В. А. Суворцева. – М. : Канон+, 2010. – 240 с.
9. Weldon T. D. The Vocabulary of Politics / T. D. Weldon. – London, 1953. – 199 p.
10. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. – М. : Наука, 1958 (2009). – 133 с.
11. Winch, P. The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy / P. Winch. – Routledge, 2007. – 168 p.
12. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; пер. с нем. М. Кузнецова. – СПб. : Медиум : Ювента, 1997. – 312 с.
13. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. – М. : Практис, 2005. – 368 с.
14. Хабермас, Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках / Ю. Хабермас // Социол. обозрение. – 2008. – Т. 7, № 3. – С. 3–33.
15. Берлин, И. Четыре эссе о свободе / И. Берлин ; пер. с англ. Сима Векслер. – London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 395 с.
16. Роулз, Дж. Теория справедливости / Дж. Роулз. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.

REFERENCES

1. Konstitucija Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : priniata 15 marta 1994 g. : s izm. i dop. ot 24 nojab. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fievr. 2022 g. // ETALON-ONLINE / Nac. cietr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.
2. Konciepcija nacional'noj biezopasnosti Rjespubliki Bielarus': utv. Ukazom Priezidenta Rjesp. Bielarus', 9 nojab. 2010 g., № 575 : v ried. Ukaza Priezidenta Rjesp. Bielarus' ot 24.01.2014 g. // ETALON-ONLINE / Nac. cietr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.
3. Rieshetnikov, S. V. O koncieptie politologichieskogo trieugol'nika / S. V. Rieshetnikov, G. M. Brovka, M. A. Yermolickij // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. I, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2020. – № 1. – S. 86–93.
4. Bojcovaja, O. Ju. Normativizm v zapadnoj politichieskoj naukie XX v. : dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.01 / O. Ju. Bojcovaja. – M., 2004. – 440 l.
5. Pobieriezhnaja, O. Ye. Tiekhnologija politichieskikh issliedovaniij: teoretiko-mietodologichieskij aspiekt / O. Ye. Pobieriezhnaja // Problemy upr. – 2006. – № 1. – S. 61–70.
6. Shynkarou, V. V. Bielaruski palitychny slounik / V. V. Shynkarou, S. P. Ramanava. – Minsk : Adukacyja i vykhavannie, 2011. – 576 s.
7. Yum, D. Traktat o chieloviechieskoj priroddie, ili Popytka primienit' osnovannyj na opytie mietod rassuzhdienija k moral'nym priedmietam / D. Yum // Sochinienija : v 2 t. ; pier. s angl. S. I. Cereteli [i dr.] ; vstup. st. A. F. Griaznova ; primiech. I. S. Narskogo. – 2-je izd., dopoln. i ispr. – M. : Mysl', 1996. – T. I. – 733 s.
8. Al'fried, Dzh. Ajier. Jazyk, istina i logika / Dzh. Ajier Al'fried ; pier. s angl. V. A. Surovceva. – M. : Kanon+, 2010. – 240 s.
9. Weldon T. D. The Vocabulary of Politics / T. D. Weldon. – London, 1953. – 199 p.
10. Vitgienshtejn, L. Logiko-filasofskij traktat / L. Vitgienshtejn ; obshch. ried. i priedisl. V. F. Asmusa. – M. : Nauka, 1958 (2009). – 133 s.

-
11. Winch, P. The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy / P. Winch. – Routledge, 2007. – 168 p.
  12. Khorckhajmer, M. Dialiektika prosvieshchienija. Filosofskije fragmenty / M. Khorckhajmer, T. Adorno ; pier. s niem. M. Kuzniecova. – SPb. : Miedium : Juventa, 1997. – 312 s.
  13. Khabermas, Yu. Politichieskije raboty / Yu. Khabermas. – M. : Praxis, 2005. – 368 s.
  14. Khabermas, Yu. Problematika ponimanija smysla v social'nykh naukakh / Yu. Khabiermas // Sociol. obozrienije. – 2008. – T. 7, № 3. – S. 3–33.
  15. Bierlin, I. Chietyrie esse o svobodie / I. Bierlin ; pier. s angl. Sima Viekslier. – London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 395 s.
  16. Roulz, Dzh. Tieorija spraviedlivosti / Dzh. Roulz. – Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1995. – 535 s.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 13.03.2023

УДК 504+502.17

Эдуард Николаевич Северин¹, Адам Петрович Мельников²¹канд. полит. наук, нач. отделения по Брестской области
Белорусского института стратегических исследований²канд. филос. наук, доц.**Eduard Severin¹, Adam Melnikov²**¹PhD in Political Science, Head of the Department for the Brest Region
of Belarusian Institute of Strategical Researches²PhD in Philosophical Sciencese-mail: ¹severin@bistr.by; ²adam.melnikov@gmail.com**ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ**

Рассмотрены основные тенденции развития глобальной и национальной систем обеспечения экологической безопасности. Типологизированы политические, геополитические, демографические, социальные, экономические, культурные факторы, оказывающие наибольшее влияние на формирование рисков и угроз в экологической сфере. Прослежена динамика формирования международной политической и правовой архитектуры обеспечения экологической безопасности. Особое внимание уделено мероприятиям, осуществляемым Республикой Беларусь по выполнению взятых на себя международных обязательств. Акцентировано внимание на дальнейшую институционализацию категории «экологическая безопасность» в национальном законодательстве. Сделан вывод, что решение названной проблемы может быть обеспечено только совместными усилиями международного сообщества, для чего необходимо сформировать условия для прекращения конфронтации на мировом и региональном уровне и выработать подходы для формирования справедливого общества.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологическая политика, политика в области безопасности, национальная безопасность, вызовы, риски и угрозы.

Environmental Factor of Safety

The article discusses the main trends in the development of the global and national environmental safety system. Political, geopolitical, demographic, social, economic, cultural factors that have the greatest impact on the formation of risks and threats in the environmental sphere are typologized. The dynamics of the formation of the international political and legal architecture of environmental safety is traced. Special attention is paid to the activities carried out by the Republic of Belarus to fulfill its international obligations. Attention is focused on the further institutionalization of the category «environmental safety» in national legislation. It is concluded that the solution of this problem can be provided only by the joint efforts of the international community, for which it is necessary to create conditions for ending confrontation at the global and regional levels and to develop approaches for the formation of a just society.

Key words: environmental safety, environmental policy, security policy, national security, challenges, risks and threats.

Введение

Признаки прогресса в вопросе обеспечения экологической безопасности, наметившиеся в начале XXI в., в настоящее время не нашли своего дальнейшего развития. Все призывы ученых и общественных деятелей, осознавших масштабы и неотвратимость цивилизационной катастрофы, либо не известны большинству населения планеты, либо игнорируются по недомыслию или из корыстных побуждений определенных политических акторов и представителей мировой финансовой олигархии. Иными словами, к XXI в. человечество вплотную

подшло к рубежу, за которым должны последовать глобальные изменения нынешней сущности человечества, его отношения к геополитике, биологическому оружию, «потенциально способному стереть с лица земли 98 % человечества» [1, с. 345].

Как отметил Президент Беларуси Александр Лукашенко в приветственном слове к участникам и гостям XV Республиканского экологического форума 7 июня 2019 г., «для каждого из нас бережное отношение к окружающей среде должно стать образом мышления и нормой жизни, для держав и союзов – приоритетным направ-

лением государственной политики» [2]. Таким образом, целью научной статьи является определение характерных черт формирования и развития экологической угрозы на глобальном и региональном уровнях.

Основная часть

Суть мирового экологического кризиса заключается в критическом состоянии окружающей среды, угрожающем существованию человека на планетарном уровне. Это состояние вызвано не просто загрязнением окружающей среды, хищническим использованием природных ресурсов и «парниковым эффектом», но и актуализацией риска Третьей мировой войны. Окончание холодной войны, попытка построения однополярного мира, процесс глобализации в сочетании с усилением взаимозависимости между различными политическими сообществами в конечном счете не создали прочной основы для новых способов осмысления и обеспечения безопасности. Вместе с тем концепция экологической безопасности по-прежнему остается одним из ключевых вопросов в процессе осмысления и расширения содержания безопасности. Экологические факторы ежегодно уносят жизни около 13 млн человек в мире и приводят к вынужденному перемещению 23 млн человек.

Рост экологического сознания привел в 1960-х гг. к созданию крупных международных неправительственных организаций, таких как Всемирный фонд дикой природы, «Друзья Земли» и «Гринпис». В 1970-х гг. повестка экологической безопасности вышла на новый политический уровень. Первым крупным глобальным мероприятием стала Конференция ООН по окружающей среде в 1972 г. Предвосхищая современную идею экологической безопасности, в 1970-х и 1980-х гг. ряд ученых, занимающихся вопросами мира и окружающей среды, начали подчеркивать неспособность силовых (военных) институтов национальной безопасности решать экологические проблемы, представляющие реальную угрозу как для национальной, так и международной безопасности. Ученые привлекли наше внимание к срочным, но сложным проблемам, затрагивающим само выживание человека: повышение температуры земного шара, разрушение земного озонового слоя, пустыни,

пожарающие сельскохозяйственные земли. Ухудшение экологических условий, которое, как считалось сначала, создавало главным образом угрозу для богатых стран, представляло побочный эффект промышленного благополучия, превратилось для развивающихся стран в проблему выживания [3]. В 1987 г. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию опубликовала свой знаменательный доклад под названием «Наше общее будущее» (Доклад Брундтланд), в котором была актуализирована концепция устойчивого развития и институционализирована категория «экологическая безопасность». Этот отчет стал теоретической основой для Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г., за которой последовали подобные мероприятия в 1997 и 2002 гг., приведшие к заключению крупных многосторонних природоохранных договоров об изменении климата и биоразнообразии. При этом в условиях постоянного роста численности народонаселения антропогенный фактор угрозы экологической безопасности проявляется через постоянное усиление воздействия деятельности человека на окружающую среду.

В последней трети XX в. ученые стали активно разрабатывать теорию «демографического взрыва», на что имелись все основания. Несмотря на две мировые войны и самую массовую за всю историю пандемию гриппа («испанку») в 1918–1919 гг., численность населения планеты за прошлое столетие выросла в 3,7 раза. Варианты решения данной проблемы предлагались научным сообществом еще с XVIII в. Например, определенную популярность получили мальтузианские концепции о перенаселенности планеты, суть которых сводилась к тому, что численность населения Земли растет более быстрыми темпами, чем производство продуктов питания. Ограниченность ресурсов порождает бедность, голод и социальные и политические катаклизмы – революции, войны, геноцид.

В 1972 г. участники Римского клуба – международного аналитического центра глобальных проблем – подготовили доклад «Пределы роста», в котором утверждалось, что при имеющихся темпах роста населения, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продоволь-

ствия и истощения ресурсов наиболее вероятным сценарием будет коллапс цивилизации в течение столетия. Выход из сложившейся ситуации связан, прежде всего, с контролем и ограничением рождаемости. Ныне на Земле проживает около 8 млрд человек. По расчетам ученых, к 2050 г. в мире будут жить уже около 9 млрд. Чтобы прокормить такое количество людей, понадобится в два раза больше белка. Социолог и экономист, профессор Клаус Лайзингер пишет: «Если бы все люди жили, как первобытные бразильские индейцы, земля могла бы прокормить от 20 до 30 млрд человек. А если бы все потребляли столько ресурсов, сколько жители США, лимит давно уже был бы превышен» [4, с. 214]. Дефицитом становится даже такой, казалось бы, широко распространенный в природе ресурс, как чистая пресная питьевая вода. По данным ООН, уже сейчас 2 млрд человек не имеют регулярного доступа к питьевой воде. Только за последние полвека данный фактор сыграл роль в эскалации более 20 вооруженных конфликтов. А в будущем из-за глобального потепления эта проблема будет только обостряться. Это коснется, прежде всего, жителей Ближнего Востока и Африки. Даже в США, которые располагают богатыми гидроресурсами, подземные воды расходуются на 25 % быстрее, чем пополняются. Все меньше воды остается для сохранения экологии планеты. Например, в 2020 г. цена 1 т нефти на мировом рынке стоила примерно 500 долл. США, а воды с экологически чистых источников – почти 800 долл. США.

В 2012 г. Римский клуб выпустил новый доклад под названием «2052 – глобальный прогноз на ближайшие сорок лет». Выводы данного документа более тревожные, чем первого. В нем, в частности, говорится, что выбросы углекислого газа достигнут своего пика в 2030 г. Концентрация CO₂ будет расти и далее, а средняя глобальная температура повысится на 2 °С в 2050 г. В документе акцентируется внимание на системном кризисе социальных систем современного общества и при этом предлагаются следующие варианты решений преодоления кризисных явлений:

1) изменить экономическую теорию и практику, чтобы защитить ресурсы;

2) создать более справедливое общество, в котором будет обеспечена полная занятость населения;

3) перестроить системы управления, в центре которых будет человек, и т. д.

В аналитическом докладе сделан вывод о вероятности того, что человечество не сможет выжить на планете, если оно продолжит движение по пути чрезмерного потребления и будет фокусироваться только на достижении краткосрочных целей со стоимостью долгосрочного капитала. В нем перечисляются также шесть целей, необходимых для перехода к устойчивому, справедливому и «счастливому» миру:

1. Обеспечить соответствующую систему ценностей, которые будут иметь важное значение для устойчивого и справедливого развития общества.

2. В экономиках мира должна быть отражена стоимость природного и социального капитала, рынки должны работать на транспарентной основе и поставлять все необходимое для развития социума.

3. Обеспечить более справедливое распределение доходов как внутри государств, так и между странами.

4. Провести значительную работу, которая приведет к предоставлению достаточного количества средств, чтобы вести достойный образ жизни, который будет гарантироваться и признаваться в качестве основного права человека.

5. Экология должна рассматриваться как сдерживающий фактор для всех форм человеческой деятельности.

6. Создать соответствующие системы управления на местном, национальном и глобальном уровнях, которые будут управлять переходом к справедливому и устойчивому глобальному миру [5].

В 2018 г. в очередном докладе Римского клуба вновь подчеркивается, что глобальное потепление по-прежнему остается острой планетарной проблемой. Приветствуя Парижское соглашение по климату, Клуб указывает на разрыв между прописанными целями (не допустить повышения температуры более чем на два градуса) и принятыми государствами обязательствами, даже полное выполнение которых будет недостаточным для их достижения.

В докладе отмечается неравномерность выбросов углекислого газа в атмосферу различными странами. Например, 1 % самых богатых американцев генерирует 318 т выбросов CO₂ в год на человека, в то время как средний житель Земли – 6 т. 10 % самых богатых домохозяйств мира являются причиной 45 % общего объема выбросов.

В докладе также отмечается, что неверно сводить увеличение нагрузки на планету только с увеличением населения: с начала прошлого века население выросло пятикратно, а экономический оборот – в 40 раз, потребление топлива – в 16 раз, вылов рыбы – в 35 раз. Имеет место глобальный дисбаланс в распределении продовольствия: 800 млн человек продолжают голодать, тогда как 2 млрд имеют лишний вес. Следовательно, необходимо формирование нового, гуманистического мировоззрения с ориентацией на интересы будущих поколений [6].

Беспрецедентная эксплуатация природных ресурсов в сочетании с глобальным изменением климата ставит под серьезную угрозу способность человечества прокормить себя. Отмечается падение рождаемости в отдельных регионах мира. Так, в Европе коэффициент фертильности, т. е. среднее число рожденных детей на одну женщину, составляет 1,6, что не позволяет обеспечить естественное воспроизводство населения (чтобы население увеличивалось, этот показатель должен быть не менее 2,1). И в США, и в Японии, и в Китае, в большинстве стран южной Америки коэффициент рождаемости тоже ниже уровня замещения. Ключевыми причинами сложившейся ситуации являются снижение числа браков, позднее замужество, рост разводов, популярности идеологии чайлдфри (англ. *childfree* – свободные от детей) и др. И как ни странно, повышение жизненного уровня тоже не способствует увеличению количества детей в семьях. Связь здесь не прямая, а обратная. Повышение уровня жизни ведет не к росту, а к падению рождаемости: на первый план выдвигаются иные, чем ранее, предпочтения и ценности. Некоторые исследователи полагают, что природа как бы сопротивляется грубому антропогенному воздействию, начинает ограничивать численность людей [7, с. 19].

Нельзя не учитывать и такой момент, как прекращение естественного отбора в процессе эволюции. Как пишет М. Веллер, в результате достижений медицины «все больше цивилизованных граждан страдают наследственными болезнями. Здоровье из нормы понемногу становится исключением, а болезни превращаются в норму» [8, с. 123].

Большинство современных демографов считают, что в течение следующих десятилетий населенность Земли достигнет пика где-то на уровне 9 млрд, а затем начнет снижаться. Но как бы то ни было, ресурсы жизнеобеспечения нашей цивилизации огромны, а при дальнейшем развитии науки и технологий планета может обеспечить пропитанием даже 50 млрд жителей. Но для этого необходимо решить главную проблему справедливого распределения ресурсов для всех, а не только для одного «золотого миллиарда».

Каковы же пути предотвращения или хотя бы ослабления начинающегося экологического кризиса? Как известно, переход к более высокой фазе любой цивилизации начинается с энергетического перевооружения. Первый такой переход в истории начался с использования огня. Вторая энергетическая революция связана с освоением энергии ветра и водяного колеса, третья – когда началось подчинение силы пара, электричества и атома и мы вступили на порог второго цивилизационного кризиса. Первый был на рубеже палеолита и неолита. Люди тогда изобрели каменное оружие, научились добывать огонь и быстро извели свою пищевую базу и чуть было не вымерли от голода. Население планеты, по археологическим данным, уменьшилось в 10 раз. Человечество спасло лишь то, что оно нашло новую экологическую нишу – скотоводство и земледелие. Так возникла наша цивилизация, возможности которой теперь почти исчерпаны, потому что лишь одна десятая часть энергии, используемой человечеством, возобновляема. Чтобы человечество вписалось в естественный режим существования биосферы, потребление им природных ресурсов должно уменьшиться в несколько раз.

Почти 50 % выбросов загрязняющих веществ и 70 % эмиссии парниковых газов поступают в природу от энергетики.

Для борьбы с изменениями климата предлагается замещение ископаемых видов топлива (нефти, газа, угля) технологиями альтернативной «зеленой энергетики». Однако сложившаяся ныне геополитическая ситуация в мире свидетельствует, что политическое навязывание альтернативных источников энергии, независимо от их экономической эффективности, приведет к росту стоимости товаров, а также коммунальных и транспортных услуг и может дестабилизировать социально-экономическую ситуацию в странах, где ископаемые – основа экономики.

Страны Западного мира под предлогом борьбы с изменением климата стремятся к замещению ископаемых видов топлива технологиями альтернативной энергетики. Несколько лет назад было объявлено о «зеленом» энергопереходе – обязательстве к 2050 г. построить углеродно нейтральную экономику. Европейцам рекомендуют ускорить проекты в области ветровой и солнечной генерации. Получая электричество от ветряных и солнечных станций, можно методом электролиза (пропуская ток через воду), получать из нее водород и заменять им природный газ. Однако выработка водорода с помощью возобновляемых источников энергии не является дешевой и экологически нейтральной. Производство оборудования и для солнечных или ветряных электростанций, и для получения водорода сопровождается более высокими выбросами, чем производство оборудования для традиционных электростанций на основе ископаемого топлива.

Загрязнение окружающей среды ведет к потере плодородия земли, разрушению экологических систем и биосферы в целом. Неслучайно в Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. говорится о необходимости восстановления экосистем суши и содействии их рациональному использованию, борьбе с опустыниванием, прекращении и обращении вспять процесса деградации земель и остановке процесса утраты биоразнообразия [9]. Об этом же говорится и в Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК), которая стала первым международным соглашением, направленным на борьбу с глобальными изменениями клима-

та и его последствиями. Конечная цель РКИК состоит в том, чтобы добиться стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы антропогенного воздействия на климатическую систему, и тем самым предотвратить глобальные изменения в атмосфере [10].

В соответствии с трендами мировой экологической политики Республика Беларусь первая в своем регионе подписала Парижское соглашение по климату и объявила курс на «зеленую экономику» в качестве стратегического приоритета [10, с. 67]. Эта политика рассчитана на внедрение в разных отраслях инновационных, ресурсосберегающих, «чистых» технологий по производству электрической и тепловой энергии, в химической промышленности, строительстве, сельском и лесном хозяйствах, в сфере ЖКХ. В качестве приоритетов в стране рассматривается переход к экономике замкнутого цикла, включающей формирование устойчивой городской мобильности, строительство энергоэффективных жилых домов, снижение энергоемкости ВВП, внедрение низкоуглеродных технологий, электротранспорта.

Для борьбы с загрязнением окружающей среды планируется дальнейшее уменьшение количества автомобильных перевозок за счет увеличения железнодорожных и водных. В городах для этого выравнивается транспортная нагрузка на магистральные сети. Более равномерно размещаются зоны труда, жилые районы и места отдыха горожан. Создаются магистрали непрерывного и скоростного движения, ограничивается количество автомобилей в центральных городских кварталах. Движение грузовых транзитных автомобилей выводится за пределы городов. Сводится к минимуму образование транспортных пробок. Это очень важно, потому что, останавливаясь и снова набирая скорость, автомобиль выбрасывает в воздух в несколько раз больше вредных веществ, чем при равномерном движении. Обобщая, отметим, что в Беларуси планируется сокращение выброса парниковых газов к 2030 г. не менее чем на 35 % по сравнению с 1990 г.

Национальной политико-правовой основой обеспечения экологической безопас-

ности являются Конституция Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь о недрах, Водный кодекс, Лесной кодекс, Законы Республики Беларусь «О животном мире», «Об охране окружающей среды», «Об охране атмосферного воздуха»; Программы социально-экономического развития Республики Беларусь «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов», «Белорусский лес», «Энергосбережение», «Комфортное жилье и благоприятная среда», иные нормативные акты. На стадии завершения находится разработка стратегии развития экономики замкнутого цикла в Республике Беларусь до 2035 г., разрабатывается стратегия долгосрочного развития страны с низким уровнем парниковых газов до 2050-го г., активно развиваются такие направления, как экологический туризм, зеленое строительство, электротранспорт и др. Несмотря на системную и последовательную экологическую политику белорусского государства и неукоснительное выполнение взятых на себя международных обязательств, в условиях «новой политической и экономической реальности» экологическая повестка используется отдельными политическими субъектами в качестве механизма ограничения суверенитета и независимости Беларуси.

В данном контексте, согласно проекту новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, неслучайным видится определение экологической безопасности в качестве одной из сфер обеспечения национальной безопасности. Экологическая безопасность – это состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера [11].

В качестве ключевых национальных интересов в экологической сфере в Проекте Концепции обозначены:

- 1) сохранение благоприятной окружающей среды;
- 2) преодоление негативных последствий радиоактивного загрязнения и иных чрезвычайных ситуаций, реабилитация экологически нарушенных территорий;

3) экологически ориентированное социально-экономическое развитие государства;

4) рациональное (устойчивое) использование природно-ресурсного потенциала, а также сохранение биологического и ландшафтного разнообразия, экологического равновесия природных систем;

5) адаптация к изменению климата.

К категории внешних источников угроз национальной безопасности в экологической сфере обновленная Концепция относит:

1) глобальные изменения окружающей природной среды, связанные с изменением климата, разрушением озонового слоя, сокращением биоразнообразия;

2) трансграничный перенос загрязняющих веществ на территорию Республики Беларусь воздушными и водными потоками, проникновение инвазивных видов животных и растений;

3) размещение вблизи границ Беларуси крупных экологически опасных объектов, хранение отработанного ядерного топлива, захоронение ядерных отходов на сопредельных территориях.

В экологической сфере внутренними источниками угроз национальной безопасности являются:

1) высокая концентрация на территории Беларуси экологически опасных объектов, их размещение вблизи жилых зон и систем жизнеобеспечения;

2) радиоактивное загрязнение;

3) повышенные уровни выбросов и сбросов загрязняющих веществ, образования отходов;

4) недостаточное развитие правовых и экономических механизмов обеспечения экологической безопасности, систем учета природных ресурсов, качества окружающей среды.

Кроме того, в новой редакции Концепции с учетом актуализации в условиях современности биологического сегмента угроз биологическая безопасность была выделена в самостоятельную сферу – состояние защищенности населения, животных и растений, окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска.

Заключение

Республика Беларусь обозначила экологическую повестку в качестве значимой составляющей внутренней и внешней политики, достигнув при этом реальных результатов. За два последних десятилетия в нашем государстве в два раза снижена энергоёмкость (ВВП), в 2,5 раза уменьшен объём выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сточных вод на единицу продукции ВВП.

Несмотря на сложность и многогранность исследуемого феномена, полагаем, что с точки зрения политики в области безопасности экологический фактор можно рассматривать в контексте:

1) сферы национальной безопасности – обеспечения защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от вызовов, рисков и угроз экзогенного и эндогенного характера, вызванных антропогенным воздействием на окружающую среду;

2) принципа обеспечения устойчивого развития;

3) политического инструментария для придания приоритетного статуса определенному явлению при помещении его в сферу высокой политики;

4) механизма политики «двойных стандартов»;

5) вызовов, рисков и угроз для безопасности человека (личности, индивида);

6) потенциальной причины и фактора усложнения конфликтов и кризисов;

7) воздействия на окружающую среду военно-промышленного комплекса стран и военно-политических блоков (войны);

8) проблемы глобальной безопасности, общей для всех государств и акторов «вне суверенитета», для решения которой требуются компромисс и консолидация коллективных усилий всех субъектов международных отношений.

Выступая творцом науки и техники, социальных условий своего существования, человек как «венец природы» сам «не ведаёт, что творит», ибо ради мнимой, кратковременной выгоды теряет контроль над результатами своей деятельности, отчуждается от нее, губит окружающую среду, что может привести к глобальной экологической катастрофе и в конечном счете к гибели человечества, о чем предупреждал один из «отцов кибернетики» Н. Винер в начале 1960-х гг. [12, с. 326].

Это становится особенно актуальным в условиях системы «постмеждународных отношений». Выход, думается, в прекращении конфронтации между Западом и Востоком, Севером и Югом, в предупреждении, недопущении «войны цивилизаций», управляемом развитии мирового сообщества с помощью международных структур, общепланетарных политико-правовых механизмов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каку, М. Будущее человечества. Колонизация Марса, путешествие к звездам и обретение бессмертия / М. Каку. – М. : Альпина нон-фикшн, 2019. – 450 с.
2. О природе и экологии [Электронный ресурс] // Официальный портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-prirode-i-ekologii>. – Дата доступа: 25.02.2023.
3. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>. – Дата доступа: 25.02.2023.
4. Леш, Г. Самоликвидация человечества / Г. Леш, К. Кампхаузен. – Минск : Дискурс, 2018. – 464 с.
5. The countdown to 2052 an overarching framework for action [Electronic resource] // The club of Rome. – Mode of access: <http://www.clubofrome.org/>. – Date of access: 22.12.2022.
6. Доклад Римского клуба – 2018 [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова. – Режим доступа: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2019/12/doklad-rimskogo-kluba-2018.pdf>. – Дата доступа: 22.12.2022.
7. Иваницкий, Г. Р. Найдутся ли ответы? / Г. Р. Иваницкий. – М. : Знание, 1989. – 48 с.

8. Веллер, М. Кассандра / М. Веллер. – М. ; СПб. : Парль ; Сергиев Посад : Фолио, 2005. – 398 с.
9. Декларация от 25 сентября 2015 года. Преобразование нашего мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Консорциум кодексов: электронный фонд актуальных правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420355765>. – Дата доступа: 19.12.2022.
10. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экон. бюл. Науч.-исслед. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 4. – С. 6–99.
11. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета безопасности Респ. Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1 // Национальный Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
12. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М. : Наука, 1983. – 344 с.

REFERENCES

1. Kaku, M. Budushchieje chieloviechiestva. Kolonizacija Marsa, putieshestvije k zviozdam i obrietienije biessmiertija / M. Kaku. – М. : Al'pina non-fikshn, 2019. – 450 s.
2. O prirode i ekologii [Eliكتروнный ресурс] // Oficial'nyj portal Priezidenta Rjespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-prirode-i-ekologii>. – Data dostupa: 25.02.2023.
3. Doklad Miezhdunarodnoj komissii po okružhajushchij sriedie i razvitiju (MKOSR) [Eliكتروнный ресурс] // OON. – Riezhim dostupa: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>. – Data dostupa: 25.02.2023.
4. Liesh, G. Samolikvidacija chieloviechiestva / G. Liesh, K. Kampkhauzen. – Minsk : Diskurs, 2018. – 464 s.
5. The countup to 2052 an overarching framework for action [Electronic resource] // The club of Rome. – Mode of access: <http://www.clubofrome.org/>. – Date of access: 22.12.2022.
6. Doklad Rimskogo kluba – 2018 [Eliكتروнный ресурс] // Sajt S. P. Kurdiunova. – Riezhim dostupa: <https://spkurdyumov.ru/uploas/2019/12/doklad-rimskogo-kluba>. – Data dostupa: 22.12.2022.
7. Ivanickij, G. R. Najdutsia li otviety? / G. R. Ivanickij. – М. : Znanie, 1989. – 48 s.
8. Viellier, M. Kassandra / M. Viellier. – М. : SPb.: Parl' ; Siergijev Posad : Folio, 2005. – 398 s.
9. Dieklaracija ot 25 sientjabria 2015 goda. Prieobrazovanije nashego mira. Poviestka dnia v oblasti ustojchivogo razvitija na pieriod do 2030 goda [Eliكتروнный ресурс] // Konsorcium kodeks: elieكتروнный фонд aktual'nykh pravovykh i normativno-tiekhnichieskikh dokumentov. – Riezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/420355765>. – Data dostupa: 19.12.2022.
10. Nacional'naja strategija ustojchivogo social'no-ekonomichieskogo razvitija Rjespubliki Bielarus' na pieriod do 2030 goda // Eieكتروн. biul. Nauch.-isslied. ekon. in-ta M-va ekonomiki Rjesp. Bielarus'. – 2015. – № 4. – S. 6–99.
11. O rassmotrienii projekta novoj Konceptcii nacional'noj biezopasnosti Rjespubliki Bielarus' [Eliكتروнный ресурс] : postanovlienije Sovieta biezopasnosti Rjesp. Bielarus', 6 marta. 2023 g., № 1 // Nacional'nyj Internet-portal Rjesp. Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.
12. Viner, N. Kibiernetika, ili upravlienije i sviaz' v zhivotnom i mashinie / N. Viner. – М. : Nauka, 1983. – 344 s.

УДК 327

Хван Джон Хва*аспірант 2-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Hwang John Hwa***Postgraduate Student of the International Relations Department
of Belarusian State University**e-mail: belarustimothy@gmail.com***«МЯГКАЯ СИЛА» В ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ**

За последние несколько десятилетий южнокорейская культура приобрела популярность во всем мире. Есть три аспекта, способствующие развитию южнокорейской «мягкой силы»: успешное экономическое развитие и демократизация; разработка креативного контента, который привел к глобальной конкурентоспособности вследствие быстрого роста и ограниченного внутреннего рынка; развитие цифровых технологий, особенно изменение медиасреды. Тем не менее «мягкая сила» по-прежнему ограничена в использовании в качестве инструмента для решения проблем, стоящих перед Южной Кореей, в основном из-за геополитического положения страны. Южная Корея должна уделять больше внимания активному участию в конкретных глобальных повестках дня, особенно в области развития и сотрудничества, развития новых технологий и вопросов прав человека.

Ключевые слова: «мягкая сила», культура, корейская волна, K-pop, Hallyu, правительство, дипломатия, политика, демократия, интерес, имидж, успех, технологии, индустрия, жесткая сила, ядерное оружие, права человека, сотрудничество, мероприятия, образование, корейский язык, университет.

«Soft Power» in the Politics of the Republic of Korea

Over the past few decades, South Korean culture has gained popularity all over the world. There are three aspects that contribute to the development of South Korean «soft power»: successful economic development and democratization; developing creative content that has led to global competitiveness due to rapid growth and a limited domestic market; the development of digital technologies, especially the change in the media environment. However, «soft power» is still limited in its use as a tool to solve the problems facing South Korea, mainly due to the country's geopolitical position. South Korea should pay more attention to active participation in specific global agendas, especially in the areas of development and cooperation, the development of new technologies and human rights issues.

Key words: soft power, culture, korean wave, K-pop, hallyu, government, diplomacy, politics, democracy, interest, image, success, technology, industry, hard power, nuclear weapons, human rights, cooperation, events, education, Korean language, university.

Введение

Южнокорейская культура стала популярной во всем мире от поп-культуры до кухни, и это явление создает волновой эффект, который не только несет экономические выгоды Южной Корее, но и создает благоприятный имидж страны за рубежом. Кроме того, правительство Южной Кореи инвестирует в «мягкую силу» страны, потому что это эффективное средство публичной дипломатии Сеула.

Когда хит Gangnam Style южнокорейского певца Psy стал мировым феноменом

и поднялся в 2012 г. на второе место в чарте Billboard Hot 100, многие расценили успех песни как разовое событие, а не предвестник глобального влияния корейских композиторов и исполнителей на эволюцию поп-жанра. Тем не менее это открыло больше возможностей для признания южнокорейской культуры за пределами Азии. Как отметил Чхве Сын Хен, «страна когда-то была известна преимущественно автомобилями и смартфонами, но глобальная аудитория была поражена ее развлечениями» [1].

Отдельным направлением научных исследований этого периода стала корейская политика «мягкой силы». Исследователи признают эффективность этой политики. Н. Г. Лим полагает, что, используя «мягкую силу», Сеул успешно демонстрирует

Научный руководитель – Александр Мухтарович Байчоров, доктор философских наук, профессор, профессор, кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

рует соседним государствам реальную демократию, высокий уровень жизни населения и высокоразвитую гуманитарную сферу. «Мягкая сила» в форме официальной дипломатии может послужить и делу упрочения региональной безопасности [2].

Республика Корея хочет быть одним из ведущих государств в международных отношениях, даже несмотря на то, что ей не хватает потенциала для военной или экономической «жесткой силы». Известная, скорее, как средняя держава, страна считает свои культурные элементы основополагающими для достижения своей конечной цели. Корейская популярная культура – это основа «мягкой силы». В этом контексте корейская волна под названием «Халлю» рассматривалась правительством как инструмент в борьбе за экономические, культурные национальные интересы и поддерживалась при любых обстоятельствах. Государственная политика была направлена на достижение национальной цели экономического роста и культурной гордости, и корейские компании получали поддержку для поддержания конкурентоспособности на мировом рынке [3].

Как отмечает Дж. Най, Южная Корея обладает впечатляющим потенциалом «мягкой силы». Южная Корея разработала демократическую политическую систему со свободными выборами и мирной передачей власти. Права человека хорошо защищены, как и свобода слова. Традиции корейского искусства, ремесел и кухни уже распространились по всему миру. Корейская популярная культура также пересекла границы и обрела своих почитателей в соседних азиатских странах, особенно среди молодых людей, а впечатляющий успех корейской диаспоры в США еще больше повысил привлекательность культуры и страны, из которой они приехали. Южная Корея начинает разрабатывать внешнюю политику, которая позволит ей играть более значительную роль в международных институтах [4].

В последние годы южнокорейская культура стала популярной в мире благодаря успеху таких К-поп групп, как BTS и Blackpink, фильму «Паразит» и сериалу Netflix «Игра в кальмара». Произошел всплеск интереса к южнокорейской культуре: музыка К-поп и просмотр фильмов способствовали росту интереса к корейской

кухне, моде, красоте и т. д. Этот феномен назвали «корейской волной». «Корейская волна» стала важным инструментом «мягкой силы» Сеула наряду с традиционными достижениями корейской культуры, историей героического сопротивления корейского народа японским захватчикам, созданием узнаваемых промышленных брендов, развитием признанных инновационных технологий.

Цель исследования – рассмотреть феномен «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии Южной Кореи, обозначить его специфику и проблемы в его использовании. Предпринята попытка доказать гипотезу о том, что Сеулу удалось эффективно использовать «корейскую волну» для повышения потенциала своей «мягкой силы», нацеленной на продвижение интересов Республики Корея как во внутрикорейском диалоге, так и на международной арене.

«Мягкая сила» как инструмент государственной политики

Для начала рассмотрим понятие «мягкой силы», которое широко обсуждается в международных отношениях. Джозеф Най, который ввел этот термин, определяет «мягкую силу» в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» («Bound to Lead: The Changing Nature of American Power») как способность достичь желаемого результата на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, а не посредством принуждения или подкупа [5]. Она привлекает людей или страны без принудительных мер или угроз. «Мягкая сила» отличается от «жесткой силы» – военной и экономической мощи, – которую можно описать как способность заставлять других действовать вопреки тому, что они хотят.

«Мягкая сила» – это разработка и продвижение привлекательных ресурсов за пределами страны. Основным инструментом для этого является публичная дипломатия. Правительства могут принять решение о налаживании партнерских отношений с местными или иностранными частными организациями в целях разработки и распространения информации о своих достижениях и инициативах, например, при предоставлении безвиза болельщикам или стипендий студентам.

Некоторые эксперты связывают успех «корейской волны» (быстрый рост южнокорейской культурной индустрии и «экспорт» ее продукции с конца 1990-х гг.) с организационной ее поддержкой правительством Южной Кореи [6], которое культурную политику возвело в ранг экономической стратегии. С 1990-х гг. Сеул начал использовать культурную индустрию для стимулирования экономического роста страны.

Правительство Ли Мён Бака изменило направление культурной политики с экономической стратегии на национальную стратегию брендинга и укрепления конкурентоспособности. В частности, при администрации Ли концепция «Глобальной Кореи» объединила экономические, политические, идеологические и культурные инициативы с целью создания национальной идентичности Южной Кореи как страны, «ориентированной на будущее, мультикультурной и дальновидной». Дипломатическая «Белая книга», опубликованная в 2010 г., описывает «мягкую силу» так: «Культура стала неотъемлемым элементом конкурентоспособности нации и экономическим ресурсом, который создает добавленную стоимость» [7]. Кроме того, при администрации Ли был основан Президентский совет по национальному брендингу, который культурную политику страны переориентировал на использование концепции «мягкой силы». Правительство рассматривало «корейскую волну» как новый источник дохода за счет увеличения экспорта и туризма. Продукция «корейская волна» расширилась за счет других экспортных товаров, таких как онлайн-игры, косметические продукты и мода. «Корейская волна» стала важной составляющей «мягкой силы».

В 2020 г. Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея создало новый департамент – Hallyu. Министерство также объявило о «новой эре Халлю», следующей за Hallyu 1.0, 2.0 и 3.0, и сообщило о разных проектах, направленных на развитие и экспорт южнокорейской культуры.

При поддержке правительства популярность южнокорейской культуры и ее экспансия. Dal Yong Jin и Tae-Jin Yoon определяют этот феномен Hallyu как быстрый рост южнокорейской культурной индустрии и экспорта ее продукции на азиатские рынки, в основном с 1997 г. [8]. Это компо-

ненты «корейской волны», которые постепенно проникли на мировой рынок: популярная музыка (K-pop), анимация и цифровые игры. Третье поколение (Hallyu 3.0) начинается с середины 2010-х гг. Hallyu 3.0 отличается от предыдущих поколений расширением рынков, технологиями производства контента, активным использованием различных социальных сетей и платформ медиасервисов over-the-top (OTT). В частности, географические границы расширились, дойдя до США, Великобритании и Франции. Южнокорейские фильмы стали транслироваться через глобальные сервисы OTT, такие как Netflix, способствуя повышению узнаваемости южнокорейского контента. Одновременно стали внедряться новые механизмы продюсерства: прямые инвестиции в создание южнокорейского контента и участие в процессе производства кинопродукции. Другим аспектом поколения Hallyu 3.0 является глобальный фандом для групп K-pop. BTS' ARMY – транскультурный глобальный фандом, который способствовал превращению BTS в одну из лучших поп-групп в мире.

Популярность Hallyu не только экономически выгодна для Южной Кореи, но и повышает интерес международной аудитории к Южной Корее в целом. Кроме того, рост популярности южнокорейской культуры побуждает людей к посещению Кореи и изучению корейского языка. Например, во всем мире увеличилось число людей, заинтересованных в изучении корейского языка, что подтверждается количеством абитуриентов, сдавших тест на знание корейского языка (ТОPIK).

Однако активная культурная политика правительства не всегда получала положительные оценки. Есть и критики, указывающие, что правительство Южной Кореи использует популярность для повышения экономического интереса и создания национального имиджа, а не для поддержки развития самой культуры. «Мягкая сила» Кореи, которая «привлекает» людей разных культур, не может быть навязана другим независимо от организационной и материальной поддержки правительства. Роль корейского правительства как главной движущей силы популярности южнокорейской «мягкой силы» неоспорима, но ее успехи нужно воспринимать трезво.

В экономической сфере «мягкая сила» может означать оказание гуманитарной помощи и другие акты доброй воли в расчете на то, что определенные ценности и идеалы могут быть восприняты странами, получающими такую помощь. В данном случае «мягкая сила» – это не деньги как финансовая транзакция или материальные ресурсы гуманитарного плана, а окружающий их репутационный ореол.

Специфика использования «мягкой силы» Республикой Корея

Национальные лидеры и политики Южной Кореи, похоже, все еще не хотят использовать свое культурное влияние для продвижения демократических идеалов или прав человека или, в более общем плане, своих собственных мировоззрений. Другими словами, Сеул готов использовать свой вес с культурной точки зрения, но он придерживается более осторожного подхода при рассмотрении вопроса о продвижении политических принципов и стандартов.

По сути, успех корейской «мягкой силы» можно рассматривать как результат исторического сближения политики, экономики и культуры. Росту глобального интереса к южнокорейской «мягкой силе» способствовали три объективных фактора.

Во-первых, исторический фон, на котором Южная Корея представлена как быстро развивающаяся экономика и успешная демократия. Несмотря на разорительную Корейскую войну, Республика Корея стала страной-середняком всего за полвека. В настоящее время это десятая по величине экономика в мире, с доходом на душу населения, достигающим более 30 тыс. долл. США [9]. Она является членом G20 с момента основания этой группы в 2008 г. Благодаря своему экономическому росту Южная Корея имеет мировые бренды, такие как Samsung, Hyundai и Kia, и является ведущей страной в цифровой экономике и информационно-коммуникационных технологиях. Демократические институты Южной Кореи и быстрый экономический рост служат привлекательными для других, особенно развивающихся, стран как образец государства с «успешной» историей, достигшего статуса «средней державы».

Во-вторых, развитие креативного контента приводит к конкурентоспособности

южнокорейской «мягкой силы». Исторически модернизация Южной Кореи происходила в течение короткого периода времени, и включение в глобализационные процессы также было достигнуто быстро. Этот «сжатый» опыт сделал южнокорейскую культуру смесью традиционных, современных и глобальных ценностей и способствовал созданию творческого контента, привлекательного для международной аудитории [10].

В-третьих, трудно говорить о распространении южнокорейской «мягкой силы», не обсуждая развитие цифровых технологий, особенно изменение медиасреды и развитие сетей. Например, расширение цифрового спутникового вещания способствовало популярности южнокорейских телевизионных драм в Китае, Японии и на Тайване в период Hallyu 1.0. В случае с K-поп социальные сети, включая YouTube, Twitter и Facebook, способствовали глобальной экспансии K-поп и предлагали экономически эффективные платформы для их продвижения. Это способствовало географической экспансии южнокорейской «мягкой силы».

Дж. Най объясняет, что страна не может процветать, используя только «мягкую силу», а необходим хорошо сбалансированное применение силы «жесткой» и «мягкой». А это требует грамотно разработанной государственной политики. Най также считает, что «мягкая сила» имеет три источника: культура страны, ее ценности и твердая международная политика. Южнокорейская культура, например, K-поп, распространяясь по миру, показывает влияние «мягкой силы». Внутренние ценности Южной Кореи представляют собой «замечательную историю успеха», экономического и политического – демократических преобразований. Наконец, «Корея может выгодно продемонстрировать свою международную политику». Южная Корея может расширить свою внешнеполитическую повестку дня от вопросов безопасности до поиска решения проблемы изменения климата, прав человека и борьбы с пандемией коронавируса. Таким образом, Южная Корея могла бы играть более значительную роль на международной арене [11].

Но возникает вопрос, даст ли рост влияния «мягкой силы» импульс для преодоления имеющихся в Южной Корее и возникающих новых геополитических проблем?

Одной из таких проблем является угроза распространения ядерного оружия и средств его доставки. В этом отношении угрозу безопасности представляет Северная Корея из-за постоянного развития ядерной программы, что служит препятствием для денуклеаризации Корейского полуострова и наносит ущерб конечной цели воссоединения корейского народа. В условиях политического противостояния Республики Корея и КНДР «мягкая сила» может дать новые возможности для улучшения условий межкорейского диалога. Частные культурные обмены также могут помочь улучшить двусторонние отношения между Южной Кореей и соседними странами.

Тем не менее любому правительству по-прежнему сложно иметь прямое влияние на конкретную страну или решать споры с помощью только с помощью «мягкой силы». Осторожные стратегии могут сыграть свою роль в мирном урегулировании международных споров, но они должны сочетаться с традиционными дипломатическими подходами. Таким образом, Южной Корее необходимо рассмотреть возможность создания такого механизма использования «мягкой силы», при котором она дополняла бы ее внешнюю политику. «Мягкая сила» может быть приспособлена для обеспечения национальной конкурентоспособности и расширения дипломатического пространства Сеула благодаря своему активному влиянию на глобальную повестку дня. Южная Корея должна приложить усилия, чтобы стать лидером в решении конкретных региональных и глобальных вопросов. Используя инструменты «мягкой силы», Южная Корея может внести свой вклад в международное сотрудничество в таких областях, как экономическое развитие, новые технологии и права человека.

Южная Корея может продемонстрировать международному сообществу свои практические достижения в экономическом развитии. Позитивный опыт Южной Кореи в выстраивании экономики может иметь особое значение для развивающихся стран. В частности, Южная Корея должна сосредоточиться особенно на Юго-Восточной Азии, где началась «корейская волна». Благодаря разнообразным совместным проектам между Южной Кореей и странами Юго-Восточной Азии может быть достигнуто ук-

репление доверия с АСЕАН и ее государствами-членами. Изменение климата, энергетика, здравоохранение, качественное образование – все это активно интересует страны Юго-Восточной Азии, и это можно рассматривать в качестве возможных направлений сотрудничества и совместных проектов с Южной Кореей. Такое сотрудничество также может способствовать созданию благоприятных условий для решения геополитических проблем, стоящих перед Южной Кореей, включая формирование международного консенсуса против северокорейской ядерной программы.

Область цифровых технологий, особенно 5G, ИКТ и кибербезопасность, где Южная Корея имеет лидирующие позиции, тесно связана с культурной индустрией. Благодаря развитию 5G, IoT (Internet of Things) и сотрудничеству в области ИКТ Южная Корея выгодно отличается от других стран в построении надежной коммуникационной инфраструктуры.

Наконец, международное сотрудничество по вопросам прав человека ставит Южную Корею в один ряд со странами с либеральной демократией. Южная Корея рассматривает права человека как основную ценность. Активное участие Сеула в международной повестке дня в области прав человека может укрепить национальную идентичность Южной Кореи как государства, приверженного защите универсальных ценностей.

Беларусь также стала объектом стратегии «мягкой силы» Республики Корея. 5 ноября 2007 г. в Сеуле между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Корея было подписано Соглашение о сотрудничестве в области культуры. В соответствии с указанным международным договором стороны обязались содействовать развитию контактов между учреждениями культуры двух стран, обмениваться информацией о проводимых международных культурных мероприятиях. С начала лета и до конца сентября 2019 г. в Верхнем городе Минска проходил праздник корейской культуры. Организаторами мероприятия выступили Мингорисполком, Ассоциация белорусских корейцев и посольство Республики Корея в Беларуси. Сегодня усилия наших стран сосредоточены на расширении взаимодействия между раз-

личными белорусскими и южнокорейскими культурными учреждениями. При содействии посольства Республики Корея в Беларуси проводятся консультации о возможности заключения меморандума о сотрудничестве между национальными библиотеками двух стран.

Однако культурное сотрудничество во многом ограничено узким кругом лиц – любителей корейского искусства, поэтому говорить об активном проникновении корейской культуры в Беларусь пока рано. Оно было осуществлено прежде всего в цифровой сфере. Бытовая техника и автомобили таких корейских производителей, как «Элджи», «Киа», «Самсунг», «Хендэ» и «Дэу», стали привычными для белорусских потребителей, а цифровая техника (телефоны, ноутбуки, MP3, PMP) корейского производства очень востребована в Республике Беларусь.

Общим для обеих стран стала низкая представленность в процессе культурного обмена современного искусства, массовой и повседневной культуры. Это говорит о том, что не осуществлен целостный и сбалансированный культурный подход друг к другу. Степень культурного обмена не зависит от практической или политической цели и не регламентируется ими, однако для его долгосрочного устойчивого развития нужен конкретный план и поддержка на государственном уровне.

При этом Беларусь имеет богатый опыт и традиции в области образования, искусства, науки, техники и спорта. Кроме того, относительно невысокие затраты на образование, низкие цены, безопасные и упорядоченные условия жизни, дружелюбная социальная атмосфера привлекательны для студентов, планирующих учиться за рубежом. Например, корейские студенты обучаются в Белорусском государственном университете и Минском государственном лингвистическом университете. В этих учебных заведениях действуют курсы корейского языка. Кроме того, с осеннего семестра 2012 г. корейский язык в качестве второго иностранного языка преподается в двух гуманитарных вузах: студенты изучают корейский язык в БГУ и Минском филиале Института короля Седжона, который был создан в 2013 г. и успешно развивается. Сейчас многие люди проявляют интерес к

изучению корейского языка, а Халлю (корейская волна) мотивирует для многих из них к постижению корейской культуры.

В Белорусском государственном университете есть кафедра восточного языкознания и страноведения, а Минский филиал Института короля Седжона предлагает разнообразные курсы по корейской грамматике, говорению и аудированию. Некоторые белорусские студенты интересуются современной культурой, такой как К-поп. Институт короля Седжона совместно с Корейским фондом также предлагает различные культурные мероприятия, такие как показы корейских фильмов и традиционные корейские представления. Просмотр корейских фильмов может существенно помочь в изучении корейского языка, поскольку это дает хорошие примеры диалоговой речи. Корейское агентство по содействию торговле и инвестициям (KOTRA) открыло белорусский филиал, и корейские студенты смогли получить там работу. Некоторые из них работают в посольстве Кореи в Минске или преподают корейский язык.

Ассоциация белорусских корейцев является официальным представителем местной этнической группы Кореи в Беларуси. Она активно сотрудничает с Комитетом религий и национальностей, а также с Центром национальных культур посольства Кореи в Беларуси. Под руководством Ассоциации работает школа корейского языка. Посольство Республики Корея взаимодействует с Ассоциацией белорусских корейцев и поддерживает местных корейцев, в частности с помощью специальных программ для студентов – коренных корейцев и для корейских бизнесменов.

Развивается взаимодействие между белорусскими и корейскими университетами. Беларусь посещают представители корейских вузов, ведущие университеты государств заключили соглашения о сотрудничестве и студенческих обменах. Так, между Белорусским государственным университетом и Корейским политехническим университетом 8 декабря 2006 г. был заключен договор, в соответствии с которым стороны на основе равенства и взаимной заинтересованности будут развивать такие формы сотрудничества, как обмен студентами и аспирантами для обучения и прохождения учебной практики; визиты научных сотруд-

ников сторон для чтения лекций и проведения практических занятий, обмена опытом и информацией по научно-методической работе, созданию учебных планов и программ; совместные научные исследования, конференции, семинары и другие научные мероприятия; публикация результатов совместных научных, учебных и методических работ; обмен научно-технической, методической литературой и периодическими изданиями; обмен опытом по вопросам управления и международной деятельности высших учебных заведений.

Заключение

Представители «корейской волны» начинают все чаще сознательно участвовать в дебатах по основным вопросам международной повестки дня. Члены BTS 20 сентября 2021 г. выступили с речью о Целях устойчивого развития на Генеральной Ассамблее ООН, а Blackpink рассказал об изменении климата на 26-м саммите Конференции ООН по изменению климата, состоявшемся с 31 октября по 12 ноября 2021 г. Голоса этих акторов оказывают влияние на международное сообщество. В этом смысле «мягкую силу» можно рассматривать как дополняющую ограничения «жесткой силы».

Для обеспечения устойчивости либерального международного порядка директивные органы должны прилагать усилия для создания общественных благ путем

применения международных норм, конкретно касающихся распространения этих товаров, норм и ценностей за пределы Корейского полуострова. Благодаря своему активному участию в различных глобальных повестках дня Южная Корея могла бы внести свой вклад в создание общественных благ. Ее преданность международному сообществу приносит пользу Южной Корее в долгосрочной перспективе. В этом процессе «мягкая сила» Южной Кореи играет позитивную и важную роль.

В сфере образования между Кореей и Беларусью развиваются следующие формы сотрудничества: обмен студентами и аспирантами, научными работниками, проведение совместных исследовательских мероприятий, обмен научными материалами и публикациями и др.

Культурное сотрудничество между Южной Кореей и Беларусью нуждается в углублении. Если применить явление «корейской волны» к Беларуси, используя его в широком смысле, то распространение корейской культуры в Республике Беларусь ограничено экономической «корейской волной», которая часто называется «цифровой корейской волной». Что же касается распространения корейской художественной культуры, то этот процесс пока проходит ограниченно и нуждается в интенсификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Choe Sang-Hun. From BTS to Squid Game: How South Korea Became a Cultural Juggernaut / Choe Sang-Hun. – New York Times. – 3 November. – 2021.
2. Лим, Н. Г. Внешняя политика Республики Корея в Азиатско-Тихоокеанском регионе на современном этапе / Н. Г. Лим // Университетские чтения – 2019 : материалы науч.-метод. чтений ПГУ. – 2019. – С. 43–48.
3. Lee, G. Shifting Soft Power Dynamics in Anti-Hallyu of China and Japan. Graduate School of International Relations Seoul National University / G. Lee. – 2017. – P. 25.
4. Joseph S. Nye. South Korea's Growing Soft Power [Electronic resource] / Joseph S. Nye. – Mode of access: <https://www.belfercenter.org/publication/south-koreas-growing-soft-power>.
5. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / Nye J. – New York, 1991.
6. John Walsh. Hallyu as a Government Construct: The Korean Wave in the Context of Economic and Social Development in the Korean Wave / John Walsh. – New York : Palgrave, 2014. – P. 13–31.
7. Republic of Korea Ministry of Foreign Affairs and Trade // Diplomatic White Paper. – 2010, 228 p.
8. Dal Yong Jin. The Korean Wave: Retrospect and Prospect / Dal Yong Jin, Tae-Jin Yoon // International Journal of Communication 11. – 2017. – 2241.
9. World Bank // GDP per capita of Republic of Korea.

10. Чан Вон Хо. Корейская волна и изменения в глобальном признании / Чан Вон Хо // Горизонт знаний. – 2019. – Т. 27. – С. 7–8 (на кор. яз).

11. CSIS. Beyond Security: South Korea's Soft Power and the Future of the U.S.-ROK Alliance in a Post-Pandemic World. – 18 October. – 2021.

REFERENCES

1. Choe Sang-Hun. From BTS to Squid Game: How South Korea Became a Cultural Juggernaut / Choe Sang-Hun. – New York Times. – 3 November. – 2021.

2. Lim, N. G. Vneshniaja politika Rjespubliki Korieja v Aziatsko-Tikhookieanskom riegionie na sovriemiennom etapie / N. G. Lim // Univiersitietskije chtienija – 2019 : materialy nauch.-mietod. chtienij PGU. – 2019. – S. 43–48.

3. Lee, G. Shifting Soft Power Dynamics in Anti-Hallyu of China and Japan. Graduate School of International Relations Seoul National University / G. Lee. – 2017. – P. 25.

4. Joseph S. Nye. South Korea's Growing Soft Power [Electronic resource] / Joseph S. Nye. – Mode of access: <https://www.belfercenter.org/publication/south-koreas-growing-soft-power>.

5. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / Nye J. – New York, 1991.

6. John Walsh. Hallyu as a Government Construct: The Korean Wave in the Context of Economic and Social Development in the Korean Wave / John Walsh. – New York : Palgrave, 2014. – P. 13–31.

7. Republic of Korea Ministry of Foreign Affairs and Trade // Diplomatic White Paper. – 2010, 228 p.

8. Dal Yong Jin. The Korean Wave: Retrospect and Prospect / Dal Yong Jin, Tae-Jin Yoon // International Journal of Communication 11. – 2017. – 2241.

9. World Bank // GDP per capita of Republic of Korea.

10. Chan Von Kho. Koriejskaja volna i izmienienija v global'nom priznanii / Chan Von Kho // Gorizont znaniy. – 2019. – Т. 27. – С. 7–8 (на кор. яз.).

11. CSIS. Beyond Security: South Korea's Soft Power and the Future of the U.S.-ROK Alliance in a Post-Pandemic World. – 18 October. – 2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.03.2023

УДК 32.001

Евгений Сергеевич Викторovich*аспирант 2 года обучения каф. философии и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы***Yauhen Viktorovich***Postgraduate Student of the 2nd Year of Study
of the Department of Philosophy and Methodology of University Education
of Republican Institute of Higher Education
e-mail: sovetnik@brest-region.gov.by***СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК»:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Акцентируется внимание на маркетингизации политических процессов, методологических подходах к структурированию концепта «политический рынок» (маркетинговый, политмаркетинговый, институциональный, системный, информационный, социетальный, синергетический и др.), актуальном содержательном поле концепта «политический рынок», специфике политического рынка Республики Беларусь, факторах его системной трансформации.

Ключевые слова: *маркетингизация политики, политический рынок, политический рынок как саморазвивающаяся система, управление политическим рынком, концепты, политический процесс, междисциплинарный подход.*

The Content Field of the Concept «Political Market»: an Interdisciplinary Approach

The article focuses on the marketization of political processes, methodological approaches to structuring the concept «political market» (marketing, political marketing, institutional, systemic, informational, societal, synergetic, etc.), on the actual content field of the concept «political market», on the specifics of the political market of the Republic of Belarus, the factors of its systemic transformation.

Key words: *marketization of politics, political market, political market as a self-developing system, political market management, concepts, political process, interdisciplinary approach.*

Введение

Сегодня глобализованный мир находится в «точке бифуркации», в ситуации «поворота в истории» (Р. Ван ден Аккер), цивилизационного конфликта и цивилизационного выбора, характеризуется энтропией, неустойчивостью, неопределенностью. Только формируются концептуальные «эскизы» будущего человечества (М. Эпштейн). Глобальная турбулентность, геополитический разлом, формирование многополярного мира, дискредитация традиционных ценностей, экспансия агрессивного неолитерализма, неонацизма и неоконилиализма актуализируют перед Республикой Беларусь задачи, связанные с сохранением суверенитета и независимости, обеспечением национальной безопасности, трансформацией политической системы сообразно вызовам современности и актуализации централизации управления политическим рынком.

Основная часть

Ученые констатируют тотальную **маркетингизацию** всех сфер социокультурной практики: экономики, образования, науки и др., в т. ч. **маркетингизацию политики** (И. Л. Недяк, О. М. Михайленок и др.). Маркетинговый подход в гуманитаристике становится универсальным. Посредством механизма «парадигмальных прививок» (В. С. Степин) маркетинговый подход экстраполирован и адаптирован политологией. Политологи применяют маркетинговый подход к исследованию феноменов «политическая система», «политический процесс», «политические и электоральные рынки».

В политической науке актуальны как исследования, связанные с разработкой *теории и методологии политического маркетинга* на основе комплементарности принципов междисциплинарности и полипарадигмальности (концепция холистического маркетинга, социетальный и синергетический подходы), так и исследования, связанные с *менеджерально-технологическим измерением политического маркетинга*, обоснованием и разработкой технологий

Научный руководитель – Юрий Павлович Бондарь, кандидат политических наук, доцент, ректор Республиканского института высшей школы

политического маркетинг-менеджмента, технологий не столько манипулирования электоральным поведением, сколько *«мягкого» управления политическими процессами, политическим рынком* (аналитика, целеполагание, прогнозирование, стратегирование, проектирование, экспертиза/консалтинг, сегментирование, инвестирование).

С целью структурирования концепта «политический рынок» применялись методы контент-анализа философских, специально-научных и методологических источников, а также политико-правовых актов Республики Беларусь (Конституция Республики Беларусь, проект новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании», Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества», Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 251-З «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений», Закон Республики Беларусь от 16 февраля 2023 г. № 252-З «Об изменении Избирательного кодекса», Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. №104-З «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму», Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании», Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации»), *метод межпарадигмальной рефлексии* (определение политического рынка в контексте альтернативных парадигм, концепций политического маркетинга), *факторный анализ* развития политического рынка Республики Беларусь, методы *политической аналитики и политического прогнозирования* (определение стратегии развития политического рынка, региональных политических рынков Республики Беларусь в контексте существенных трансформаций геополитических и макроэкономических отношений, а также правового поля, политической системы Республики Беларусь).

В исследовании И. Л. Недяк «Маркетинговый подход к исследованию политических процессов» [1] предпринята продуктивная попытка определения содержания политмаркетингового концепта «политиче-

ский рынок». На основе контент-анализа междисциплинарных источников (политическая наука, политическая экономия, общий маркетинг) диссертантом определены четыре основных сегмента содержательного поля концепта «политический рынок» [1, с. 159–160]: *политический рынок как совокупность фактических и потенциальных потребителей политического предложения; политический рынок как система производства и распределения политических товаров и услуг; политический рынок как артефакт, элемент и инструмент демократической политической системы; политический рынок как система субрынков, подсистем, сфер*. Акцентируем внимание на указанных сегментах концепта «политический рынок».

Политический рынок как совокупность фактических и потенциальных потребителей политического предложения. Ф. Котлер и К. Л. Келлер отмечают, что в сфере экономики термин «рынок» используется «применительно к группе покупателей и продавцов, которые осуществляют транзакции в отношении отдельных товаров или классов товаров; отсюда рынок жилья, рынок зерна» [2, с. 21]. Экономисты выделяют пять основных взаимодействующих субрынков: «рынок производителей», «рынок ресурсов», «рынок потребителей», «рынок посредников», «государство» как экономический субъект, в той или иной степени управляющий рынками. В маркетинге термин «рынок» используется в различных контекстах, например для описания различных групп покупателей. «Маркетологи говорят о рынках потребностей (например, рынок потребления диетических продуктов), рынках товаров (рынок обуви), демографических рынках (молодежный рынок), географических рынках (китайский рынок), а также используют эту концепцию в более широком смысле, говоря о «рынках избирателей», рынках труда» [2, с. 21–22].

Интерпретация политического рынка как совокупности фактических и потенциальных потребителей политического предложения сопряжено с разработкой *стратегий и технологий исследования и управления политическим рынком*, например, *технологий политической аналитики, сегментирования, прогнозирования, стратегирования*. В частности, Е. Г. Морозова отмечает, что

целью политического маркетинга является всестороннее изучение политического рынка, определение его специфики, включая электоральную специфику, адаптация политического продукта, политического предложения к запросам рынка, активное воздействие на рынок и существующий спрос, формирование потребностей и предпочтений, т. е. управление рынком [3].

Политический рынок как система производства и распределения политических товаров и услуг, где производитель стремится к максимизации прибыли, а потребитель – к максимизации полезности [1]. Е. Г. Морозова определяет политический рынок как «систему производства и распределения политических товаров и услуг, достаточно эффективно обеспечивающую согласование интересов продавцов (партий, политиков, политических консультантов) и покупателей (избирателей, граждан) в условиях относительно свободной конкуренции» [3, с. 126]. Г. О. Квасова предлагает следующее определение политического рынка: «Политический рынок – система отношений между субъектами политического процесса, возникающая по поводу производства, распределения и обмена ресурсов общественного влияния, используемого для достижения политических целей, удовлетворения политических интересов и реализации политических притязаний в рамках социальных институтов, определяющих структуру, уровни, формы и способы взаимодействия субъектов» [4, с. 11].

Политический рынок также рассматривают как **атрибут и инструмент демократической политической системы**, «становление которого связано с принятием всеобщего избирательного права и появлением массовых политических партий» [1, с. 130]. Атрибутами демократической политической системы являются: открытость и многообразие политического рынка, политических субъектов (партий, союзов, институтов гражданского общества, бизнес-элит, СМИ как самостоятельных политических акторов и др.), плюрализм политических концепций (программ), политическая конкуренция, нормы, регламентирующие политические отношения, «правила игры» на политическом поле.

Политический рынок интерпретируется и с позиции **системного подхода как**

система субрынков, подсистем, сфер, которые связаны между собой процессами обмена политическими ресурсами [1]. С одной стороны, политологи отмечают, что «политические процессы исследуются в логике рыночного спроса и предложения, политическое поведение изучается как отношения рыночного обмена ценностями и ресурсами по поводу завоевания и удержания политической власти» [1, с. 7], а политический рынок определяется как «пространство, на котором происходит обмен голосов избирателей на предвыборные обещания кандидатов, лояльности и поддержки граждан – на проектируемые политиками и управленцами решения; при этом все акторы политического рынка действуют ради достижения собственных целей» [5, с. 5].

С другой стороны, **политический рынок рассматривается как открытая система, интегрированная в глобальную надсистему**. В этой связи на функционирование и развитие политического рынка существенное влияние оказывают геополитические, макро- и микроэкономические, социально-экономические, социодемографические, политико-правовые, технико-технологические, этнокультурные и внутривнутриполитические и другие факторы. И. Л. Недяк считает, что политический рынок есть политическая сфера взаимодействия трех подсистем: «электоральный рынок», «рынок государственной власти» (формируют субрынок «высокой политики») и «рынок политической активности» (интерпретируется как субрынок «низкой» политики, интегрирующий институты гражданского общества) [1].

Политический рынок позиционируется и как **политическое пространство конкурентной борьбы за властные ресурсы** (П. Бурдые, О. В. Крыштановская, С. Н. Пшизова, А. Е. Спасский и др.). П. Бурдые вводит понятия «социальное пространство», «политическое поле». Политическое поле рассматривается как подпространство социального пространства и трактуется как поле политической борьбы, поле политической конкуренции «за навязывание своего видения социального мира, что склоняет теоретиков и их профессиональных официальных выразителей к производству дифференцированного, специализированного политического продукта, подогнанного к различным формам спроса» [6, с. 85].

О. В. Крыштановская отмечает: «Политическое пространство, исследуемое с ракурса отношений обмена властными ресурсами, может быть рассмотрено как рынок, на котором совершаются торги и сделки. Это рынок, субъектами которого являются представители политического класса, обменивающие одни ресурсы на другие. Ресурсы в аккумулированном и персонифицированном виде представляют собой политический капитал» [7, с. 53–54]. С позиции А. Е. Спасского, политический рынок – это рынок властных ресурсов, это политическое пространство конкурентной борьбы за властные ресурсы (административные, правовые, экономические, идеологические, медиаресурсы и др.) [8]. В пространстве политического рынка «постоянно происходят процессы приобретения властных ресурсов, обмена одних властных ресурсов на другие, а также – управления властными ресурсами» [8, с. 73].

Оригинальная концепция политического рынка предложена Д. В. Неждановым: *политический рынок рассматривается как метафорическая система*. Д. В. Нежданов в исследовании «“Политический рынок” как метафора современных политических исследований» [9] акцентирует внимание на ценности *методологии метафорического моделирования политических институтов и процессов* в политологическом дискурсе, исследовании политического рынка как метафорической системы (включающей такие производные метафоры, как *политический маркетинг, политический капитал, политический франчайзинг, политический бренд, партийный дизайн* и др.), на эвристическом и объяснительном потенциале метафор. В последующих работах исследователь по-прежнему рассматривает концепт «политический рынок» как системообразующую метафору современного политологического дискурса, служащую основой экстраполяции опыта исследования коммерческих рынков в плоскость политических исследований. Вместе с тем Д. В. Нежданов дополняет сущность политического рынка, применяя *системно-коммуникативный подход*: «С учетом достоинств различных концепций политического рынка наиболее широкие экспликативные возможности для создания теоретической модели политического рынка от-

крывает системно-коммуникативный подход. В этой связи имеет смысл трактовать политический рынок как политическое пространство, представляющее определенную систему условий и отношений (политико-культурных, правовых и т. д.), обеспечивающих коммуникативный процесс обмена благами на основе принципа конкуренции между различными политическими акторами, участвующими в принятии политических решений и в распределении властных ресурсов» [10, с. 250].

Развивая идеи Д. В. Нежданова и основываясь на методологии метафорического моделирования политических институтов и процессов, считаем целесообразной экстраполяцию в современный политологический и политический дискурс *экономической «стратегии голубого океана»*, разработанной В. Чан Кимом [11]. С нашей точки зрения, данная экономическая концепция (стратегия) может выступать в качестве методологического источника проектирования (создания) новых *политических «голубых океанов»* – новых политических ниш, политических рынков, субрынков, электоральных сегментов, нового политического предложения/спроса, что существенно повышает политическое многообразие, политическую конкуренцию, является маркером субъектности политических акторов. Эвристический и управленческий потенциал данной экономической стратегии в контексте политического дискурса заключается и в том, что «стратегии голубого океана» предписывает политическим субъектам не столько формально сегментировать существующий политический рынок (рынок политических партий, медиа, электоральный рынок), сколько формировать его новые сегменты (ниши), основанные на новых ценностях, например, формировать новые электоральные сегменты через инкорпорирование новых ценностей (перформативное ценностное ориентирование электората). Это актуально для качественного управления политическим рынком, стратегирования (позиционирования) на политическом рынке и продвижения политическими игроками собственных политических концепций и программ, повышения собственной конкурентоспособности.

Д. В. Щеглова указывает на новый тренд в исследовании и интерпретации по-

литического рынка: исследование политического рынка с позиции *теории коммуникации, концепции информационного общества, информационной экономики, социального подхода, социального маркетинга* (инструменталистский подход становится все менее актуальным), где фокусируется внимание на субъект-субъектном политическом взаимодействии, этике политических отношений, процессах коммуникации в ходе обмена на политическом рынке [12]. Таким образом, политический рынок трактуется как информационно-коммуникационное пространство субъект-субъектного взаимодействия политических акторов с целью создания и обмена политического предложения. Д. В. Щеглова солидарна с И. Л. Недяк в том, что наиболее «перспективными и новаторскими» в исследовании политического рынка являются социальный подход и *«парадигма политического маркетинга взаимоотношений»* [1]. Концепция (парадигма) политмаркетинга взаимоотношений предполагает, что «политическое предложение как услуга создается/потребляется в открытом процессе, в ходе которого потребитель влияет на содержание/качество услуги и таким образом становится ее создателем. Это краеугольный постулат (политического) маркетинга взаимоотношений. Потребитель/избиратель/гражданин становится... «со-создателем». Он разделяет с организацией ответственность за содержание и качество политической услуги. Концепт «со-создатель услуги» предполагает изменение характерной для маркетинга трансакций асимметрии отношений: активный производитель vs пассивный потребитель. В маркетинге взаимоотношений потребителю отводится роль *активного субъекта отношений обмена, а не пассивного реципиента политического продукта»* [1, с. 171–172]. Таким образом, граждане/избиратели становятся акторами политического рынка, интегрируются в политические процессы субъект-субъектного взаимодействия, связанные с генерированием политического предложения/услуги и процессами политического обмена. По мнению Д. В. Щегловой, электорат, таким образом, вовлекается в процесс управления не технически (как в случае с голосованием), а в качестве постоянного «игрока» [12].

С позиции Д. В. Щегловой, инструменты информационной экономики могут эффективно использоваться для определения и исследования политического рынка как информационной среды, что «позволит оценить информационные издержки, стратегии продавцов и покупателей в условиях асимметрии информации» [12, с. 56]. Важными инфраструктурными характеристиками политического рынка выступают характер, полнота и уровень асимметричности информации и сформированная модель коммуникативной практики. Д. В. Щеглова отмечает: «Под политическим рынком мы будем понимать совокупность всех взаимодействий продавцов (партий, политиков, бюрократии, элит), которые предлагают политический продукт информационно-символического характера, и потребителей, чьи интересы агрегированы посредством сложившейся модели коммуникации в рамках современных политических институтов, правил и типа конкурентной среды политики. Главными составляющими современного политического рынка выступают среда и тип политической конкуренции, информационная составляющая политического продукта, сопровождающие процесс политической коммуникации издержки, объем и содержание политического спроса и предложения, а также эффекты асимметрии информации» [12, с. 40–41].

В постнеклассической науке метанучную (универсальную) функцию выполняет *синергетический подход* (М. С. Каган, Е. Н. Князева, В. С. Степин) [12–15], который применяется и к исследованию социально-гуманитарных систем. В. С. Степин отмечает: «К типу человекообразных саморазвивающихся систем относятся все социальные объекты, рассмотренные в аспекте не только функционирования, но и развития» [15, с. 42]. Класс сложных саморазвивающихся систем формируют человекообразные объекты, т. е. системы, включающие человека в качестве своего компонента (В. С. Степин). «Саморазвивающиеся системы представляют собой особый тип системных объектов. Они характеризуются открытостью, способностью порождать новые уровни своей организации, когда каждый новый уровень воздействует на ранее сложившиеся, преобразует их. Такие системы периодически проходят через состояния

неустойчивости, фазовых переходов, которые могут быть описаны в терминах динамического хаоса. В этих состояниях возникают точки бифуркации, небольшие флуктуации могут породить странные аттракторы, которые определяют возможности дальнейшего развития системы. Предсказания поведения системы – сценарные, существуют пространственно-временные окна прогнозирования, которые меняются при усложнении уровневой организации системы по мере ее развития. *Процесс такого развития может быть описан как смена типа саморегуляции системы, переход от одного типа саморегуляции к другому* (выделено нами. – Е. В.)» [15, с. 42].

В контексте *синергетического подхода политический рынок есть сложная саморазвивающаяся человекообразная система*, для которой характерны открытость, многообразие политических акторов, политических институтов, политических концепций и программ и др., *динамичность, нелинейность и альтернативность развития, фазовые переходы, точки бифуркации, когда система находится в критическом состоянии, состоянии энтропии, нестабильности, неустойчивости, неопределенности относительно будущего, состоянии потенциальных качественных трансформаций под влиянием флуктуаций* (внешних воздействий, отклонений, колебаний). Точка бифуркации – это критическая, «поворотная» точка в развитии системы, когда система находится в состоянии «выбора» аттрактора. Аттракторы – это возможные *равновероятные* направления развития системы (обретение системой упорядоченного, устойчивого состояния) после точки бифуркации, в которой система крайне «чувствительна» к внешним воздействиям: даже незначительные колебания, флуктуации могут изменить вектор развития системы. Для саморазвивающихся систем характерна способность к системной трансформации, качественным изменениям, генерированию нового типа саморегуляции, оптимальной для данного контекста структуры, модели организации в ситуации хаоса и непрерывных колебаний.

В контексте синергетического подхода политический рынок Республики Беларусь можно идентифицировать как закрыто-открытую систему с доминированием ад-

министративно-управленческого компонента, которая в настоящий период находится в «точке бифуркации», системной трансформации. В данную систему интегрированы следующие компоненты: «органы государственного управления», «политические партии, союзы», «общественные объединения», «учредители, спонсоры», «медиа», «электорат». Системообразующую функцию в ней выполняет государство как политический субъект, управляющий политическими процессами, политическим рынком (региональными политическими субрынками), конфигурирующий отношения политического обмена, формирующий аксиологическое и правовое поле, архитектонику и стратегию развития политического рынка.

В качестве глобальных детерминант неравновесного состояния политического рынка Республики Беларусь выступают геополитические факторы, глобальный цивилизационный кризис и конфликт; в качестве локальных – усиление суверенизации, реформирование политико-правового поля, национальная стратегия регионализации, включая политическую регионализацию.

В силу глобальных вызовов, рисков, угроз политический рынок Республики Беларусь становится «закрытым» (высокая степень администрирования; ужесточение требований к регистрации политических партий и общественных объединений; ограничение законодательством доступа на политический рынок «иностранных агентов»). С одной стороны, это снижает политическую конкуренцию, с другой – политический рынок Республики Беларусь становится все более управляемым, транспарентным, легитимизированным, структуроустойчивым, менее подверженным влиянию на внутривнутриполитические процессы внешних деструктивных сил через контролируемые и спонсируемые «извне» НКО, международные организации, медиа. Политический рынок Республики Беларусь характеризуется высоким уровнем монополизации, низким уровнем развития конкурентной политической среды, политической гетерогенности (политический рынок Республики Беларусь может быть идентифицирован как олигополия), низким уровнем субъектности политических «игроков» и, как следствие, недифференцированностью на концептуальном уровне политических и идеологических

продуктов (программ), асимметричностью информации, односторонней коммуникацией. Усиливается регионализация (развитие региональных политических субрынков), виртуализация (цифровизация), медиатизация (политический рынок все более сопрягается с интернет- и медиапространством, а медиа становятся политическими акторами) политического рынка Республики Беларусь.

Заключение

Таким образом, контент-анализ междисциплинарных, политологических источников позволяет заключить, что **актуальный концепт «политический рынок»** сформирован под влиянием маркетингового, политмаркетингового, системного, коммуникативного, информационного, синергетического, социетального подходов, методологии метафорического моделирования и интегрирует следующие сегменты: политический рынок как совокупность потребителей политического предложения; политический рынок как политическое пространство конкурентной борьбы за властные ресурсы; политический рынок как система производства и распределения политических товаров и услуг; политический рынок

как атрибут и инструмент демократической политической системы; политический рынок как система субрынков, подсистем, сфер, связанных между собой процессами обмена политическими продуктами; политический рынок как метафорическая система; политический рынок как информационно-коммуникационное пространство субъект-субъектного взаимодействия политических акторов с целью создания и обмена политическими ресурсами; **политический рынок как сложная саморазвивающаяся «человекоразмерная» система, обладающая синергетическими параметрами и эффектами:** открытостью, гетерогенностью (политическим многообразием), динамичностью, нелинейностью, равновероятностью сценариев развития, фазовыми переходами, точками бифуркации, когда система находится в состоянии энтропии, нестабильности, неустойчивости, концептуальных осцилляций, неопределенности будущего под влиянием флуктуаций, внешних воздействий, способностью к системным качественным трансформациям, смене типа саморегуляции, формированию оптимальной для данного контекста структуры и модели организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Недяк, И. Л. Маркетинговый подход к исследованию политических процессов : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / И. Л. Недяк. – М., 2011. – 373 л.
2. Котлер, Ф. Маркетинг. Менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – 15-е изд. – СПб. : Питер, 2021. – 844 с.
3. Морозова, Е. Г. Политический маркетинг: концепции развития, модели функционирования. Компаративный анализ : дис. ... д-ра. полит. наук : 23.00.02 / Е. Г. Морозова. – М., 2000. – 404 л.
4. Квасова, Г. О. Политический рынок: институциональный анализ : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Г. О. Квасова. – Ростов н/Д, 2007. – 153 л.
5. Морозова, Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии / Е. Г. Морозова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 246 с.
6. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко ; пер. с фр. Е. Д. Вознесенская [и др.]. – М. : Socio-Logos, 1993. – 333 с.
7. Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. – М. : Захаров, 2005. – 381 с.
8. Спасский, А. Е. Предмет политического маркетинга: опыт теоретического анализа : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / А. Е. Спасский. – Екатеринбург, 2005. – 175 л.
9. Нежданов, Д. В. «Политический рынок» как метафора современных политических исследований : дис. ... канд. филос. наук : 23.00.01 / Д. В. Нежданов. – Екатеринбург, 2010. – 209 л.
10. Нежданов, Д. В. Развитие концепта «политический рынок»: от научной метафоры к системе категорий политической науки / Д. В. Нежданов, О. Ф. Русакова // ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 243–261.

11. Чан Ким, В. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков / В. Чан Ким, Р. Моборн ; пер. с англ. И. Ющенко. – 7-е изд. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 333 с.
12. Щеглова, Д. В. Политический рынок современной России: социетальный подход : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Д. В. Щеглова. – Казань, 2016. – 210 л.
13. Каган, М. С. Перспективы развития гуманитарного знания в XXI веке / М. С. Каган // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 4 (28). – С. 60–69.
14. Князева, Е. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : Наука, 1994. – 229 с.
15. Степин, В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) / В. С. Степин // Вопр. философии. – 2004. – № 3. – С. 37–43.

REFERENCES

1. Nediak, I. L. Marketingovyj podkhod k issledovaniju politichieskikh processov : dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.02 / I. L. Nediak. – M., 2011. – 373 l.
2. Kotlier, F. Marketing Menedzhment / F. Kotlier, K. L. Kiellier. – 15-je izd. – SPb : Pitier, 2021. – 844 s.
3. Morozova, Ye. G. Politichieskij marketing: koncepcii razvitija, modeli funkcionirovanija. Komparativnyj analiz : dis. d-ra ... polit. nauk : 23.00.02 / Ye. G. Morozova. – M., 2000. – 404 l.
4. Kvasova, G. O. Politichieskij rynek: institucional'nyj analiz : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / G. O. Kvasova. – Rostov n/D, 2007. – 153 l.
5. Morozova, Ye. G. Politichieskij rynek i politichieskij marketing: koncepcii, modeli, tiekhnologii / Ye. G. Morozova. – M. : ROSSPEN, 1999. – 246 s.
6. Burd'je, P. Sociologija politiki / P. Burd'je ; sost., obshch. ried. i priedisl. N. A. Shmatko ; pier. s fr. Ye. D. Vozniesenskaja [i dr.]. – M. : Socio-Logos, 1993. – 333 s.
7. Kryshantovskaja, O. V. Anatomija rossijskoj elity / O. V. Kryshantovskaja. – M. : Zakharov, 2005. – 381 s.
8. Spasskij, A. Ye. Priedmet politichieskogo marketinga: opyt tieorietichieskogo analiza : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.01 / A. Ye. Spasskij. – Jekatierinburg, 2005. – 175 l.
9. Niezhdanov, D. V. «Politichieskij rynek» kak mietafora sovriemiennykh politichieskikh issledovanij : dis. ... kand. filos. nauk : 23.00.01 / D. V. Niezhdanov. – Jekatierinburg, 2010. – 209 l.
10. Niezhdanov, D. V. Razvitiie konceпта «politichieskij rynek»: ot nauchnoj mietafory k sistiemie kategorii politichieskoj nauki / D. V. Niezhdanov, O. F. Rusakova // POLITEKS. – 2011. – T. 7, № 2. – S. 243–261.
11. Chan Kim, V. Strstiegija golubogo okieana. Kak najti ili sozdat' rynek, svobodnyj ot drugikh igrokov / V. Chan Kim, R. moborn ; pier. s angl. I. Yushchienko. – 7-je izd. – M. : Mann, Ivanov i Ferber, 2017. – 333 s.
12. Shchieglova, D. V. Politichieskij rynek sovriemiennoj Rossii: socijental'nyj podkhod : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / D. V. Shchieglova. – Kazan', 2016. – 210 l.
13. Kagan, M. S. Pierspiektivy razvitija gumanitarnogo znaniya v XXI viekie / M. S. Kagan // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. – 2005. – Вып. 4 (28). – С. 60–69.
14. Kniazieva, Ye. N. Zakony evoliucii i samoorganizacii slozhnykh sistiem / Ye. N. Kniazieva, S. P. Kurdiunov. – M. : Nauka, 1994. – 229 s.
15. Stiopin, V. S. Gienezis social'no-gumanitarnykh nauk (filosofskij i mietodologichieskij aspekty) / V. S. Stiopin // Vopr. filosofii. – 2004. – № 3. – S. 37–43.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.05.2023

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК [316.77:070]:316.346.32-053.9(476)

Снежана Николаевна Воронина

*магістр эканомікі, м.л. науч. супрадуінік аддэла сацыялогіі культуры,
соіскацель 4-го года абучэння*

Інстытута сацыялогіі Нацыянальнай акадэміі наук Беларусі

Snezhana Voronina

*Master of Economics, Junior Research Fellow of the Department of Cultural Sociology,
4 Year Postgraduate Student*

of Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: snevoron@gmail.com

УРОВЕНЬ МЕДИАГРАМОТНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Обоснована необходимость определения и повышения уровня медиаграмотности пожилых людей в целях обеспечения им возможности активного включения в социальную жизнь современного цифрового общества. Рассмотрены научно-исследовательские подходы, используемые для измерения уровня медиаграмотности. На основе применения методики расчета интегрального индекса медиаграмотности выявлено, что значительная часть пожилых людей в Беларуси имеет низкий уровень медиаграмотности, что влечет за собой опасность их «цифрового исключения» из современных цифровых практик важных сфер жизни общества. Определены некоторые факторы (уровень образования, трудовая деятельность), формирующие более высокий уровень медиаграмотности части пожилых людей по сравнению с другими представителями этой социально-демографической группы.

Ключевые слова: *пожилые люди, медиа, медиаграмотность, интегральный индекс медиаграмотности, уровень медиаграмотности.*

The Level of Media Literacy of Older People in the Republic of Belarus

The article substantiates the need to determine and improve the level of media literacy of older people in order to provide them with the opportunity to actively participate in the social life of the modern digital society. The research approaches used to measure the level of media literacy are considered. Based on the application of the methodology for calculating the integral index of media literacy, it was revealed that a significant part of older people in Belarus have a low level of media literacy, which entails the danger of their “digital exclusion” from modern digital practices in important areas of society. Some factors (level of education, work activity) that form a higher level of media literacy of some older people compared to other representatives of this socio-demographic group are identified.

Key words: *elderly people, media, media literacy, integral index of media literacy, level of media literacy.*

Введение

В современном обществе медиа играют все более значимую роль. Происходит медиатизация всех общественных сфер. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. предполагает внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества, что будет способствовать еще большей

цифровизации и медиатизации общества, обуславливая возрастание роли навыков медиаграмотности населения, и в особенности информационно уязвимых его групп, к которым относятся пожилые люди. В Национальном докладе по реализации Региональной стратегии осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения в Республике Беларусь отмечается важность «улучшения условий для социальной включенности и всестороннего участия пожилых людей в жизни общества» [1, с. 5], а также подчеркивается необходимость «обеспечения возможности для обучения в течение всей жизни, расши-

---

Научный руководитель – Наталья Васильевна Цыбульская, кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси

рения доступа к получению образования и повышению квалификации» [1, с. 5].

Цель статьи – показать значимость повышения уровня медиаграмотности пожилых людей для улучшения условий их социальной включенности и всестороннего участия в жизни общества.

Задачи статьи:

1) дать краткий обзор научных подходов, используемых для измерения уровня медиаграмотности;

2) представить результаты замеров уровня медиаграмотности пожилых людей;

3) выявить факторы, влияющие на уровень медиаграмотности пожилых людей;

4) сравнить значения уровня медиаграмотности пожилых людей и населения Беларуси в целом.

Основная часть

В данном исследовании под медиаграмотностью понимается «способность использовать медиа в личных целях и без посторонней помощи, понимать и критически оценивать различные аспекты медиа как таковые и содержание медиа, передавать (независимо от контекста), создавать и распространять медиатексты» [2].

Уровень медиаграмотности можно измерить с помощью следующих основных подходов: сочетание объективных показателей и субъективных оценок респондентов, замена объективных показателей одним или несколькими субъективными оценками респондентов, расчет индексов, позволяющих оценить умения и навыки респондентов по их субъективным оценкам [3, с. 97].

Для измерения уровня медиаграмотности пожилых людей в Беларуси за основу была взята методика, разработанная сотрудниками Исследовательской группы ЦИРКОН (одна из старейших в Российской Федерации независимая частная исследовательская компания, специализирующаяся на проведении социологических и маркетинговых исследований). Данная методика основывается на подходе, позволяющем оценить умения и навыки респондентов по их субъективным оценкам. Методика измерения медиаграмотности, изначально разработанная для Российской Федерации, показала свою состоятельность и при ее применении в других странах (в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане), в т. ч. способность к

дифференциации респондентов с разным уровнем индивидуальной медиаграмотности во всех исследуемых странах, что и послужило основной причиной выбора ее для измерения уровня медиаграмотности пожилых людей в Республике Беларусь.

Согласно этой методике, интегральный индекс медиаграмотности строится как взвешенная сумма ответов респондентов, которые характеризуют наличие определенных знаний, умений и навыков работы с информацией и восприятия медиа. Индекс состоит из пяти компонентов, или частных индексов, которые включают в себя пять видов компетенций:

1) умение быстро искать и находить необходимую информацию;

2) умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента;

3) умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации;

4) способность адекватно воспринимать информацию и эффективно (грамотно) ее использовать;

5) умение эффективно и корректно распространять информацию с учетом требований законодательства (защита персональных данных, авторских прав и т. д.) [4, с. 107].

Интегральный (сводный) индекс медиаграмотности представляет собой сумму частных индексов (при этом индексы № 4 и № 5 нормируются для приведения к семибальной шкале) и рассчитываются по формуле:

$$\text{IND\_CUM} = \text{IND1} + \text{IND2} + \text{IND3} + \text{IND4}/17*7 + \text{IND5}/18*7.$$

Согласно методике, интегральный индекс может принимать значение от 0 до 35. По результатам расчетов интегрального индекса респонденты разделяются на три группы по уровню медиаграмотности: низкий (0–11 баллов), средний (12–23 балла) и высокий (24–35 баллов) [4, с. 107].

Исследование было проведено в рамках ежегодного мониторинга Института социологии НАН Беларуси, репрезентативного по полу, возрасту, типу населенного пункта, методом анкетного опроса в августе–сентябре 2022 г. (N = 1 848, N пожилых = 421). В данном исследовании к пожи-

лым людям, согласно классификации Всемирной организации здравоохранения, отнесены люди в возрасте 60–74 лет.

Для характеристики уровня медиаграмотности пожилых людей на начальном этапе были рассчитаны средние значения частных индексов медиаграмотности. В таблице 1 представлены средние значения частных индексов, построенных на параметрах каждой группы и максимально возможные значения, которые могут прини-

мать эти индексы. Следует обратить внимание, что среднее значение каждого индекса меньше максимального значения в два и более раз. Наибольшее значение имеет индекс, который определяет умение адекватно воспринимать информацию и эффективно ее использовать (5,4 балла из 18 возможных). Наименьшее значение фиксируется у индекса, характеризующего умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента (1,7 балла из 7 возможных).

Таблица 1 – Средние значения по частным индексам медиаграмотности, балл

Компоненты медиаграмотности	Среднее значение	Максимально возможное значение
Умение эффективно искать и находить необходимую информацию	2,2	7
Умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента	1,7	7
Умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации	3,1	7
Способность адекватно воспринимать информацию и эффективно ее использовать	5,4	18
Умение эффективно и корректно распространять информацию с учетом требований законодательства	3,7	18

На основании частных индексов был рассчитан сводный (интегральный) индекс медиаграмотности, а также рассчитаны доли респондентов, для которых характерен низкий, средний или высокий уровень медиаграмотности.

Таким образом, было установлено, что больше половины пожилых людей в Беларуси имеют низкий уровень медиаграмотности (56,8 %). Высокий уровень медиаграмотности имеют только 9,7 % пожилых людей (рисунок 1).

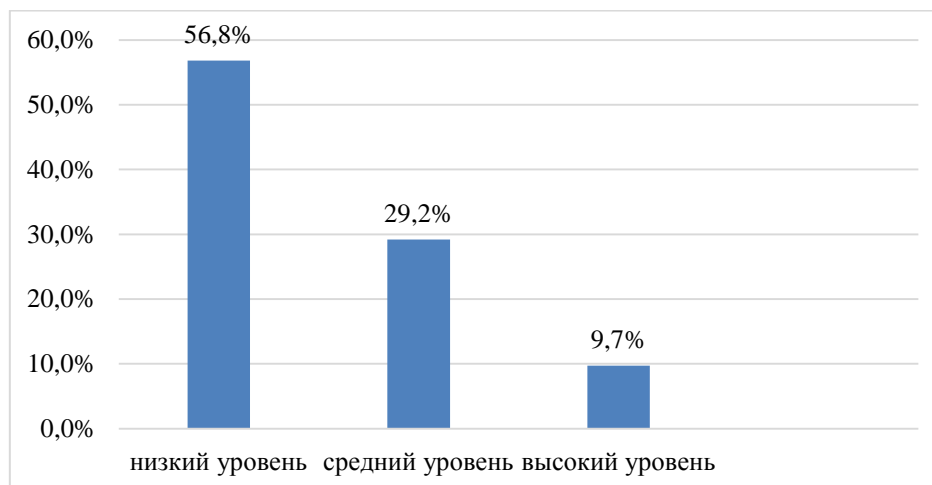

Рисунок 1 – Уровень медиаграмотности пожилых людей в Беларуси, %

Необходимо отметить, что низкий уровень медиаграмотности чаще имеют пожилые люди, проживающие в сельской местности (71,6 %). Доля городских жителей, имеющих низкий уровень медиаграмотности, составляет 55,5 %. Это утверждение справедливо и для пожилых людей,

имеющих низкий и средний уровень медиаграмотности. В группе пожилых людей, имеющих высокий уровень медиаграмотности, такой фактор, как местность проживания, не оказывает существенного влияния.

Было выявлено, что осуществление трудовой деятельности положительно влия-

ет на наличие навыков в области медиаграмотности. В группе пожилых людей с низким уровнем медиаграмотности большинство являются неработающими пенсионерами (69,8 %). А среди пожилых людей, имеющих высокий уровень медиаграмотности, преобладают те, кто осуществляет трудовую деятельность (28,5 %).

В группе пожилых людей с высоким уровнем медиаграмотности преобладают люди с высшим образованием (73,2 %).

Для характеристики силы связи между уровнем медиаграмотности, с одной стороны, и уровнем образования, социальным статусом (работающий/неработающий), типом населенного пункта проживания, с другой стороны, был использован коэффициент Крамера V. Так, по результатам анализа была установлена значимая связь ($V = 0,28$) между уровнем медиаграмотности пожилых людей и их уровнем образования.

При сравнении средних значений интегрального индекса медиаграмотности пожилых людей в зависимости от их социально-демографических характеристик были выявлены значительные различия средних

значений у пожилых людей с разным уровнем образования. Чем выше уровень образования, тем выше средние значения индекса. Также были обнаружены различия в средних значениях у пожилых людей, осуществляющих трудовую деятельность, и не работающих. Пожилые люди, которые осуществляют трудовую деятельность, имеют более высокие средние значения индекса в сравнении с неработающими.

Для подтверждения того, что уровень медиаграмотности действительно отличается у пожилых людей с разным уровнем образования и социальным статусом (работающий/неработающий), а не является случайным совпадением, был использован однофакторный дисперсионный анализ, который позволяет оценить различия между группами по принципу вариативности (дисперсии).

По результатам проведенного анализа было установлено, что разница между средними значениями интегрального индекса медиаграмотности у пожилых людей с разным уровнем образования статистически достоверна (таблицы 2 и 3).

Таблица 2 – Распределение средних значений интегрального индекса медиаграмотности в зависимости от уровня образования пожилых людей

Уровень образования	Среднее значение, балл	Количество респондентов
Базовое (до 9 классов)	5,3933	15
Среднее общее (11 классов)	7,3031	98
Профессионально-техническое, среднее специальное	10,4017	181
Высшее	15,2346	127
Всего	10,9599	421

В данном случае дисперсионный анализ дает максимально значимый результат ($p < 0,001$), что подтверждает гипотезу о

влиянии образования на значение интегрального индекса медиаграмотности (таблица 3).

Таблица 3 – Однофакторный дисперсионный анализ влияния образования на средние значения интегрального индекса медиаграмотности у пожилых людей

	Сумма квадратов	Степень свободы	Средний квадрат	FF	Значение
Между группами	4152,436	3	1384,145	222,936	0,000
Внутри групп	25165,055	417	60,348		
Всего	29317,492	420			

Для определения того, с каким именно уровнем образования пожилые люди значимо отличаются друг от друга, был использован тест Дункана, который выделил три группы (со стандартным значением $p = 0,05$).

В первую группу попали пожилые люди с базовым и средним образованием, во вторую – со средним и профессионально-техническим или средне-специальным образованием, третью группу составили пожилые люди с высшим образованием (таблица 4).

Таким образом, уровень медиаграмотности группы пожилых людей с выс-

шим образованием значимо выше уровня других групп.

Таблица 4 – Тест Дункана по оценке значимости различий групп пожилых людей с различными уровнями образования

Образование	Количество респондентов	Группы		
Базовое (до 9 классов)	15	5,3933		
Среднее общее (11 классов)	98	7,3031	7,3031	
Профессионально-техническое, среднее специальное	181		10,4017	
Высшее	127			15,2346
Значение		0,248	0,061	1,000

С целью формирования более полной картины изучаемого явления было проведено сравнение полученных эмпирических данных относительно пожилых людей с эмпирическими данными относительно всего населения.

Было установлено, что показатели средних значений частных индексов медиаграмотности пожилых людей отличаются от аналогичных средних показателей населения Беларуси в целом. Так, у белорус-

ского населения средние значения частных индексов медиаграмотности в целом выше.

Наиболее значительные различия наблюдаются по частным индексам 4 и 5, которые характеризуют способность адекватно воспринимать информацию и эффективно ее использовать, а также умение эффективно и корректно распространять информацию с учетом требований законодательства (рисунок 2).

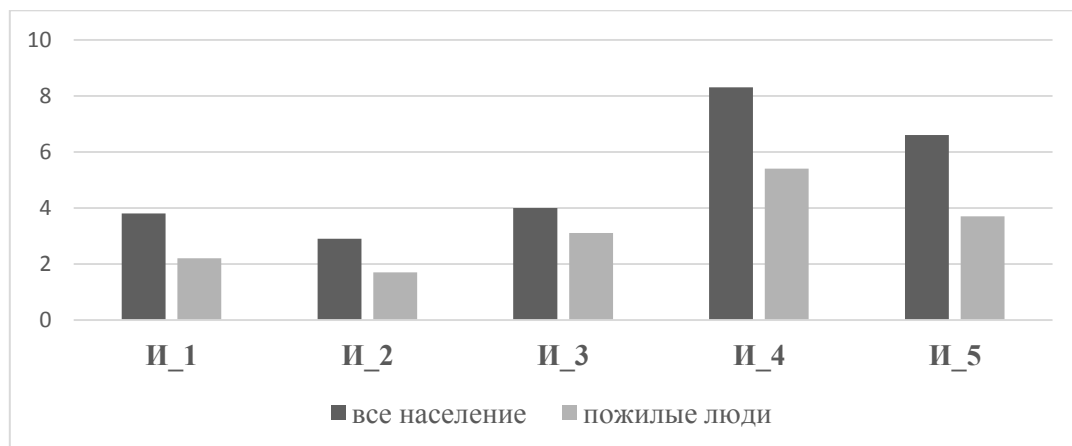
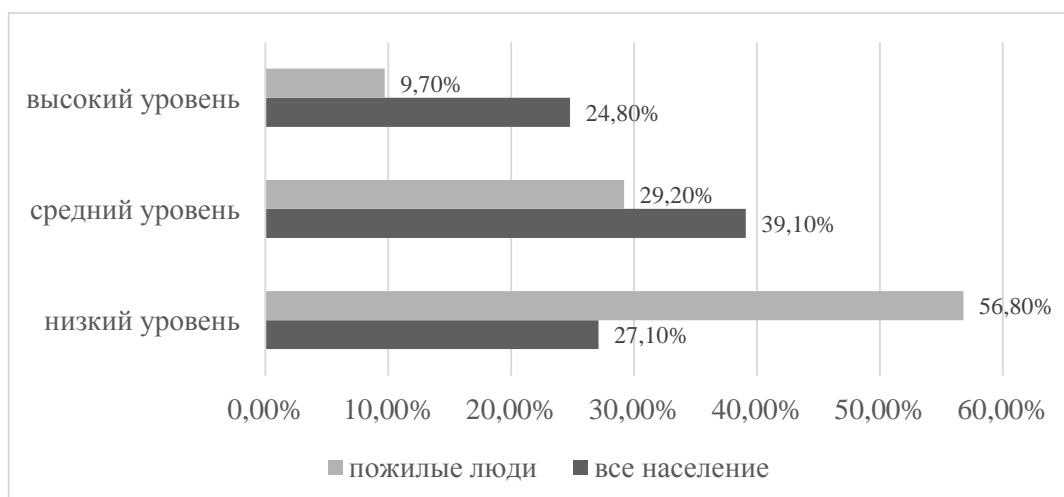

Рисунок 2 – Средние значения частных индексов медиаграмотности у пожилых людей и населения Беларуси в целом

В распределении респондентов по уровням медиаграмотности наблюдается значительное отличие между людьми пожилого возраста и населением Беларуси в целом. У белорусского населения преобладающим является средний уровень медиаграмотности, тогда как люди пожилого возраста имеют преимущественно низкий уровень

медиаграмотности (рисунок 3). При этом была выявлена высокая отрицательная связь между возрастом респондентов и значениями интегрального индекса медиаграмотности (r Пирсона = $-0,527$, $p = 0,01$), т. е. с увеличением возраста наблюдается снижение значений интегрального индекса медиаграмотности.

Рисунок 3 – Распределение по уровням медиаграмотности людей пожилого возраста и населения Беларуси в целом

При сравнении средних значений интегрального индекса медиаграмотности в разных возрастных группах было установлено, что наивысшие средние значения имеют возрастные группы 18–24 года и 25–44 го-

да. Наименьшие средние значения интегрального индекса медиаграмотности характерны для представителей двух старших возрастных групп (таблица 5).

Таблица 5 – Средние значения интегрального индекса медиаграмотности в разных возрастных группах

Возраст, лет	Среднее значение	Количество респондентов
18–24	22,1	175
25–44	20,4	717
45–59	16,0	460
60–74	10,4	421
75–99	5,2	75
Всего	16,6	1 848

Заключение

Измерение уровня медиаграмотности можно производить с помощью различных подходов. Они могут быть основаны как на использовании объективных показателей или субъективных оценок респондентов, так и на сочетании этих методов. В данном исследовании была использована методика, измеряющая уровень медиаграмотности пожилых людей на основе субъективных оценок респондентами своих умений и навыков.

По итогам исследования было установлено, что больше половины пожилых людей в Беларуси имеют низкий уровень медиаграмотности.

Наиболее значимым фактором, влияющим на уровень медиаграмотности пожилых людей, является образование. Пожилые люди с высшим образованием имеют более высокий уровень медиаграмотности. Среди

пожилых людей, имеющих низкий уровень медиаграмотности, преобладают жители сельской местности. В группе пожилых людей, имеющих высокий уровень медиаграмотности, такой фактор, как местность проживания, не оказывает существенного влияния. Значимых гендерных различий в уровне медиаграмотности в рамках исследования не было обнаружено.

С целью формирования более полной картины изучаемого явления был произведен сравнительный анализ полученных данных для пожилых людей с данными для всего населения. У белорусского населения в целом преобладающим является средний уровень медиаграмотности, тогда как люди пожилого возраста имеют преимущественно низкий уровень медиаграмотности. Наибольшие средние значения интегрального индекса медиаграмотности характерны для

возрастных групп 18–24 года и 25–44 лет. Было установлено, что чем выше показатели возраста, тем ниже значения интегрального индекса медиаграмотности.

Представленные результаты могут быть использованы научными учреждениями для дальнейших исследований данной

проблематики, образовательными учреждениями в рамках таких курсов как «Социология культуры», «Социология коммуникаций» и другими органами государственного управления и некоммерческими организациями, занимающимися вопросами медиаобразования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О реализации Региональной стратегии осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения в Республике Беларусь : Национальный доклад / Организация объединенных наций. – Минск, 2021. – 91 с.
2. Резолюция Европейского парламента от 16 декабря 2008 г. о медиаграмотности в цифровом мире [Электронный ресурс] // Европейский парламент. – Режим доступа: https://www.euro-parl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0598_EN.html?redirect. – Дата доступа: 13.02.2023.
3. Войнилов, Ю. Л. Медиаграмотность в России: картография проблемных зон / Ю. Л. Войнилов, Д. В. Мальцева, Л. В. Шубина // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2016. – Т. 1, № 2. – С. 95–114.
4. Оценка текущего состояния и перспектив изменения уровня медиаграмотности населения Российской Федерации на основе национального мониторинга медиаповедения. Разработка критериев углубленной оценки медиаграмотности населения, включающей качество потребления информации : отчет о НИР (заключ.) / Социологическая мастерская Задорина ; рук. И. В. Задорин. – М., 2014. – 123 с.

REFERENCES

1. O riazalizacii Riegiional'noj stratigii osushchestvlienija Madridskogo miezhdunarodnogo plana diejstvuj po problemam starienija v Rieспублике Bielarus' : Nacional'nyj doklad / Organizacija objedinionnykh nacij. – Minsk, 2021. – 91 s.
2. Riezoliucija Jevropiejskogo parlamienta ot 16 diekabria 2008 g. o miediagramotnosti v cifrovom mire [Eliektronnyj riesurs] // Jevropiejskij parlamient. – Riezhim dostupa: https://www.euro-parl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0598_EN.html?redirect. – Data dostupa: 13.02.2023.
3. Vojnilov, Yu. L. Miediagramotnost' v Rossii: kartografija problemnykh zon / Yu. L. Vojnilov, D. V. Mal'ceva, L. V. Shubina // Kommunikacii. Miedia. Dizajn. – 2016. – T. 1, № 2. – S. 95–114.
4. Ocenka tiekushchiego sostojanija i pierspiektiv izmienienija urovnia miediagramotnosti nasielienija Rossijskoj Fiedieracii na osnovie nacional'nogo monitoringa miediapoviedienija. Razrabotka kriterijev uglubliennoj ocenki miediagramotnosti nasielienija, vkluchajushchiej kachiestvo potrieblienija informacii : otchiot o NIR (zakliuch.) / Sociologichieskaja mastierskaja Zadorina ; ruk. I. V. Zadorin. – M., 2014. – 123 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.02.2023

УДК 316.72:004-057.875

Михаил Яковлевич Тишкевич

канд. социол. наук, доц., зав. каф. политологии и социологии
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

Mikhail Tsishkevich

*PhD in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology
of F. Skorina Gomel State University*

e-mail: tishkevich@gsu.by

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Исследуется актуальная проблема формирования информационной культуры студентов. Данные эмпирических исследований позволяют оценить уровень освоения студентами многофункциональных устройств обработки и управления информацией, определить умения студентов в использовании информационных технологий, оценить навыки студентов по поиску и извлечению информации из различных информационных источников. Практическая значимость исследования состоит в выяснении готовности студентов к интеграции в высокотехнологичную и высококачественную образовательную среду, в т. ч. к использованию возможностей индустрии электронного непрерывного профессионального образования. Сделан вывод, что особенности формирования информационной культуры студентов проявляются в процессах освоения и использования в учебном процессе многофункциональных устройств обработки и управления информацией и конкретных навыках по применению технико-технологических средств и методов поиска, извлечения и анализа информации.

Ключевые слова: *информационная культура, студенты, информационные технологии, обработка и управление информацией, информационные источники, информатизация образования.*

Peculiarities of Forming Information Culture of Students: Sociological Dimension

The article is devoted to the current problem of the formation of information culture of students. The data of empirical research conducted by the author of the article make it possible to assess the level of mastering by students of multifunctional devices for processing and managing information, to determine the student's skills in using information technologies, to evaluate student's skills in searching and extracting information from various information sources. The practical significance of the study is to determine the readiness of students to integrate into a high-tech and high-quality educational environment, including the use of opportunities in the industry of digital continuous professional education. It is concluded that the peculiarities of the formation of information culture of students are manifested in the processes of development and use in the educational process of multifunctional devices for processing and managing information and specific skills in the use of technical and technological means and methods of searching, extracting and analyzing information.

Key words: *information culture, students, information technologies, information processing and management, information sources, informatization of education.*

Введение

Интенсивность и успешность процессов, ведущих к созданию глобального информационного общества, диктуют необходимость пересмотра и расширения традиционных представлений обо всех сторонах жизни общества. В числе самых интенсивных процессов, изменяющих современное общество, выступает информатизация, которая проникает во все сферы жизни общества. Расширение информационной деятельности и соответствующих услуг, развитие и повсеместное использование информационных технологий распространяется и на образование.

Так, одной из главных задач системы образования является подготовка специалистов, обладающих высокой информационной культурой. Развитие информационного общества радикально изменяет существующую парадигму образования. «Образование на всю жизнь» как образовательная парадигма уже не удовлетворяет потребностей инновационной экономики и социальной сферы. Качественно иной характеристикой современной образовательной парадигмы выступает постоянный поиск и совершенствование новых профессиональных компетенций – «образование в течение всей жизни». Несомненными приоритетами в об-

разовании сегодня выступают внедрение новых научно-технических разработок и оснащённость образовательного пространства необходимыми техническими средствами поиска и обработки информации для решения научных и учебных задач. Реформы отечественной системы образования ориентированы в т. ч. и на совершенствование информационно-коммуникационного обеспечения учебного процесса.

В Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г. подчеркивается: «Необходимо с помощью электронного оборудования и программных средств оптимизировать все процессы, протекающие в системе образования (от сбора информации и создания баз данных до непосредственно образовательного процесса), создав республиканскую информационно-образовательную среду» [1, с. 12].

Проблема исследования состоит в выяснении особенностей формирования информационной культуры студентов и ее соответствия требованиям высококачественной и высокотехнологичной образовательной среды, в т. ч. готовности студентов к использованию возможностей индустрии электронного непрерывного профессионального образования. Для того чтобы свободно ориентироваться в практически безграничном информационном пространстве, студентам необходимо повышать свой уровень информационной культуры.

В широком смысле информационная культура – это одна из составляющих общей культуры. По мнению специалистов института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук К. К. Колина и А. Д. Урсула, «понятие информационной культуры может быть использовано для характеристики культурологических аспектов информационного развития человека, корпорации или же общества в целом» [2, с. 122–123]. Интегральное понимание информационной культуры включает в себя техническое освоение многофункциональных устройств обработки и управления информацией, технологическую культуру пользователя, сетевую культуру, умение совершать рутинные операции поиска, извлечения и анализа информации из различных информационных источников, в т. ч. с применением неординар-

ных, творческих подходов в условиях постоянных и стремительных изменений. Нельзя не согласиться с суждением: «Появление новой системы электронной коммуникации характеризуется ее глобальными масштабами, интегрированием всех средств массовой информации, и ее потенциальная интерактивность уже меняет нашу культуру и изменит ее необратимо» [3, с. 315]. В соответствии с таким подходом необходимо объединение исследовательских усилий для изучения новой информационной культуры и ее проявлений в обществе. В современных условиях развитие образования должно быть ориентировано на подготовку высокообразованных, квалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту в условиях информатизации общества, внедрения и совершенствования инновационных наукоемких технологий.

Цель статьи – определить особенности формирования, перспективы развития и совершенствования информационной культуры студентов.

Задачи статьи:

- 1) выявить степень освоения студентами многофункциональных устройств обработки и управления информацией;
- 2) определить уровень овладения студентами информационными технологиями;
- 3) оценить умения студентов по поиску и извлечению информации из различных информационных источников.

Основная часть

В статье используются данные онлайн-опроса студентов, проведенного в рамках совместного исследования кафедры политологии и социологии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины и кафедры социологии Белорусского государственного университета. Приводятся результаты опроса студентов Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины всех основных направлений обучения: педагогического, социально-гуманитарного, технического, естественно-научного. Всего было опрошено 250 студентов. Онлайн-анкета включала вопросы, направленные на выяснение степени овладения студентами многофункциональными устройствами обработки и управления информацией, определение уровня овладения информационными технологиями, оценку

умений поиска и извлечения информации из различных информационных источников и отношения студентов к использованию информационных технологий в образовательном процессе.

Данные опроса показывают оценки студентами степени владения персональным компьютером/ноутбуком, смартфоном. Так, судя по ответам студентов, свободно владеют многофункциональными устройствами 70,8 % опрошенных, 21,2 % студентов оценили свою степень владения на «4» по шкале от «1» (не имею никаких навыков) до «5» (свободно владею) и 7,2 % – на «3» по данной шкале (таблица 1).

Владение студентами офисным пакетом приложений Microsoft (Word, Excel, Power Point) является необходимой частью современного образовательного процесса. Все письменные и аудиовизуальные формы представления учебных и научных работ оформляются с использованием данного па-

кета. Освоение этого программного комплекса выступает частью универсальных, а по некоторым направлениям образования непрофессиональных компетенций студента. Владение этим программным комплексом 49,6 % студентов оценили на «5» (свободно владею), 33,2 % – на «4» и 16,4 % – на «3» (таблица 1).

Между тем навыки пользования программным обеспечением для работы с текстом, таблицами, инструментами создания и представления презентаций, являются частью коммуникационной компетентности студента, значимым элементом информационной культуры. «Коммуникация – это передача и получение информации с помощью такой знаковой системы, которая понятна всем сторонам коммуникации... в этом процессе второй стороной может выступать как отдельный человек, так и группа лиц или технические средства» [4, с. 124].

Таблица 1 – Умение работать с многофункциональными устройствами обработки и управления информацией и информационными технологиями, %

	Владение персональным компьютером/ноутбуком, смартфоном	Владение офисным пакетом приложений Microsoft (Word, Excel, Power Point)
1	0,0	0,0
2	0,8	0,8
3	7,2	16,4
4	21,2	33,2
5	70,8	49,6
Всего	100	100

Примечание – Оценка по 5-балльной шкале: 1 – (не имею никаких навыков), 5 – (свободно владею).

Важной особенностью процесса коммуникационного взаимодействия выступает создание каналов для обмена информацией между участниками такого взаимодействия. Поэтому владение электронной почтой, поисковыми системами (Google, Яндекс), облачными хранилищами (Google Drive, Яндекс Диск) также относится к универсальным компетенциям, востребованным в образовательном процессе и в процессе жизнедеятельности студентов в целом.

Согласно ответам опрошенных, 72,4 % студентов владеют электронной почтой свободно и регулярно пользуются ей, 20,4 % студентов свой навык использования электронной почты оценили на «4»

по 5-балльной шкале, 5,6 % – на «3» и 1,6 % студентов – на «2».

Свой уровень владения поисковыми системами (Google, Яндекс) 85,6 % опрошенных студентов оценили на «5», 13,2 % – на «4» и 1,2 % – на «3». Облачные хранилища информации (Google Drive, Яндекс Диск) востребованы у 42,0 % студентов, именно столько опрошенных студентов указали, что они свободно пользуются этими хранилищами информации. Еще 30,8 % ответивших студентов оценили свои пользовательские компетенции на «4», 18,8 % – на «3», «2» и «1» – на 5,6 и 2,8 % соответственно (таблица 2).

Таблица 2 – Владение электронной почтой, поисковыми системами (Google, Yandex), облачными хранилищами (Google Диск, Яндекс Диск), %

	Владение электронной почтой	Владение поисковыми системами (Google, Yandex)	Владение облачными хранилищами (Google Drive, Яндекс Disk)
1	0,0	0,0	2,8
2	1,6	0,0	5,6
3	5,6	1,2	18,8
4	20,4	13,2	30,8
5	72,4	85,6	42,0
Всего	100	100	100

Примечание – Оценка по 5-балльной шкале: 1 – (не имею никаких навыков), 5 – (свободно владею).

Несомненной инновацией образовательного процесса, получившей широкое распространение в учебном процессе, стало использование приложений для проведения видеоконференций, особенно в условиях эпидемиологических ограничений, вызванных распространением вируса covid-19. Сегодня приложения для проведения видеоконференций получают широкое распространение в условиях глобализации экономики, расширения аутсорсинговых и аутстаффинговых услуг, дистанционных форм обучения, при использовании удаленных моделей образовательного процесса.

Такие инновации изменяют социально-трудовые отношения, расширяют возможности взаимодействия в образовательном процессе. «Поскольку культура вводится и передается посредством коммуникации, сами культуры, т. е. наши исторически построенные системы верований и кодов, под влиянием новой технологической системы

подвергаются фундаментальному преобразованию – с течением времени все больше и больше» [3, с. 315].

Свои навыки владения приложениями для видеоконференций (Zoom, Cisco Webex Meetings, Discord) студенты оценили следующим образом: 46,8 % студентов указали, что при использовании приложений не испытывают никаких затруднений и пользуются приложениями свободно. 36,8 % опрошенных студентов оценили свои навыки на «4», 11,2 % – на «3» и на «2» и «1» – 4,0 и 1,2 % соответственно.

Свои оценки влияния цифровизации на различные стороны жизни и образовательного процесса, как положительные, так и отрицательные, студенты представили в статике текущего состояния их жизни и учебы и в динамике будущих возможностей образования, карьерного роста и личностного развития (таблицы 3 и 4).

Таблица 3 – Положительные стороны и последствия цифровизации, %

Цифровые технологии	Упрощают процесс обучения и будущую работу, позволяют экономить время	Открывают возможности карьерного роста, образования и развития	Повышают уровень сплоченности и доверия	Позволяют интенсивно проводить время, делают жизнь яркой и насыщенной
Да	93,6	91,2	47,6	67,6
Нет	2,4	1,2	19,6	10,4
Трудно сказать	4,0	7,6	32,8	22,0
Всего	100	100	100	100

Таблица 4 – Отрицательные стороны и последствия цифровизации, %

Цифровые технологии	Могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды	Отнимают много сил и времени, делают жизнь беспокойной	Делают человека зависимым и управляемым
Да	29,2	16,4	30,4
Нет	29,2	50,0	29,2
Трудно сказать	41,6	33,6	40,4
Всего	100	100	100

Из данных таблиц мы видим, что в ряду положительных сторон и последствий влияния цифровизации на различные стороны жизни и образовательного процесса студенты высоко оценили влияние цифровых технологий на упрощение процесса обучения и будущую работу, экономию времени – 93,6 %. Некоторые гедонистические наклонности студенты демонстрируют в 67,6 % ответов, делая выбор в пользу суждения о том, что цифровые технологии позволяют интенсивно проводить время, делают жизнь яркой и насыщенной, доставляющей удовольствие. По мнению 91,2 % студентов, принявших участие в опросе, цифровые технологии открывают возможности карьерного роста, образования и развития, а вот с тем, что цифровые технологии повышают уровень сплоченности и доверия, согласны только 47,6 % респондентов.

Доверие выступает конституирующей основой социального капитала. По мнению Ф. Фукуямы, «социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами» [5, с. 54]. Как известно, в системе образования происходит накопление социального капитала, поэтому специфика содержания социального капитала должна соответствовать тенденциям формирования и развития информационного общества.

Выбирая среди отрицательных сторон и последствий цифровизации, 29,2 % студентов полагают что цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды и 30,4 % считают, что цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым – «оцифрованным человеком». Кроме этого, общение в виртуальном пространстве изменяет представления человека об окружающем мире. Однако количество тех студентов, которые еще не

определились по этим вопросам, значительно, больше – 41,6 и 40,4 % соответственно.

Заключение

Современный этап общественного развития характеризуется стремительным расширением сферы информационных услуг, и образовательные услуги не являются исключением. Социальный заказ современного общества на личность, обладающую высоким уровнем информационной культуры, сопровождается и поддерживается целенаправленным, научно обоснованным подходом к ее формированию и развитию.

Сложность выделения и описания особенностей формирования, перспектив развития и совершенствования информационной культуры студентов состоит в ее постоянном изменении, мобильности, наполнении новыми функциями и техническими решениями. Особенности формирования информационной культуры студентов выступают вовлеченность студентов в процесс информатизации образовательного процесса, что подтверждается высокими оценками положительных сторон и последствий данного процесса, эмоциональное удовлетворение от процесса и результатов внедрения информационных технологий в образовательный процесс, интенсивное освоение студентами способов социального взаимодействия, опосредованных многофункциональными устройствами обработки и управления информацией и информационными технологиями. Немаловажное значение для формирования информационной культуры студентов имеет процесс и результат накопления социальных связей как индивидуального ресурса и платформы для социального взаимодействия на основе технологического баланса, избегая крайностей технологического детерминизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 нояб. 2021 г., № 683 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100683&p1=1>. – Дата доступа: 02.03.2023.
2. Колин, К. К. Информация и культура. Введение в информационную культурологию / К. К. Колин, А. Д. Урсул. – М. : Стратег. приоритеты, 2015. – 288 с.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культуры : пер. с англ. / М. Кастельс ; под ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 630 с.

4. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета : коллектив. монография / под науч. ред. д-ра пед. наук. И. Ю. Тархановой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 383 с.

5. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 730 с.

REFERENCES

1. O koncepcii razvitija sistemy obrazovanija riespubliki Bielarus' do 2030 goda [Elektronnyj riesurs] : postanovlenije Sovieta Ministrov Riesp. Bielarus', 30 nojab. 2021 g., № 683 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Riespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=-12551&p0=C22100683&p1=1>. – Data dostupa: 02.03.2023.

2. Kolin, K. K. Informacija i kul'tura. Vviedienije v informacionnuju kul'turologiju / K. K. Kolin, A. D. Ursul. – M. : Strateg. prioritety, 2015. – 288 s.

3. Kastel's, M. Informacionnaja epokha. Ekonomika. Obshchestvo i kul'tury : pier. s angl. / M. Kastel's ; pod ried. O. I. Shkaratana. – M. : GU VShE, 2000. – 630 s.

4. Izmierenije i ocenka sformirovannosti univiersal'nykh kompietencij obuchajushchikhsia pri osvoenii obrazovatel'nykh programm bakalavriata, magistratury, spicialitieta : kolliektiv. monografija / pod nauch. ried. d-ra pied. nauk I. Yu. Tarkhanovoj. – Jaroslavl' : RIO JGPU, 2018. – 383 s.

5. Fukujama, F. Dovierije: social'nyje dobrodietieli i put' k procvietaniju : pier. s angl. / F. Fukujama. M. : AST, 2004. – 730 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 05.03.2023

УДК 316.334.2: 316.346.32-053.6

Светлана Николаевна Лихачева

канд. социол. наук, доц., зав. каф. политологии и социологии
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова

Sviatlana Likhachova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Political Science and Sociology
of Mogilev State A. Kuleshov University

e-mail: lihachyova@msu.by

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ЕЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Представлен теоретический и эмпирический анализ изучения вторичной занятости молодежи, обучающейся в учреждениях образования. Цель статьи – определить функции вторичной занятости учащейся молодежи в самоопределении на рынке труда и обеспечении ее социальной защиты. Выявлены положительные и отрицательные аспекты вторичной занятости в контексте современных изменений на рынке труда, повышения ее конкурентоспособности и социальной защищенности. На основе социологических данных рассмотрены причины возникающих у молодежи сложностей при трудоустройстве, мотивы вторичной занятости, а также наличие сдерживающих факторов ее более широкого распространения.

Ключевые слова: рынок труда, вторичная занятость, трудовые ресурсы, образование, социальная защита, профессиональная адаптация, молодежь.

Secondary Employment of Students as a Factor in Their Social Protection

The article presents a theoretical and empirical analysis of the study of the secondary employment of young people studying in educational institutions. The purpose of the article is to determine the functions of secondary employment of young students in self-determination in the labor market and ensuring their social protection. Positive and negative aspects of secondary employment are revealed in the context of modern changes in the labor market, increasing its competitiveness and social security. On the basis of sociological data, the reasons for the difficulties that arise among young people in finding employment, the motives for secondary employment, as well as the presence of deterrent factors for its wider distribution are considered.

Key words: labor market, secondary employment, labor resources, education, social protection, professional adaptation, youth.

Введение

Вопросы социальной защиты молодежи во многих случаях связаны с ее материальной поддержкой, особенно в периоды получения образования. Обучение в учебном заведении готовит студентов, учащихся к профессиональной сфере деятельности и передает необходимые ему для этого знания, навыки, методы работы. Но в современной социально-экономической ситуации нет гарантированных жизненных путей, и молодежь осознает, что следует самостоятельно развивать и реализовывать собственные жизненные программы. Работа студентов и учащихся помимо обучения в учебных заведениях стала распространенным явлением.

Цель статьи – определить функции вторичной занятости учащейся молодежи в

самоопределении на рынке труда и обеспечении ее социальной защиты.

Феномен вторичной занятости сложно рассмотреть однозначно. Возникает вопрос по поводу его появления и существования, так как это может свидетельствовать о недостаточности занятости первичной, и работник или студент, учащийся имеет возможность или вынужден искать дополнительное трудоустройство, а также работать в ущерб свободному времени и отдыху.

Вместе с тем вторичная занятость свидетельствует о более рациональном распределении трудовых ресурсов и гибкости их управления. Управление трудовыми ресурсами представляет собой комплекс мер, способствующих наиболее полному и эффективному с точки зрения общества использованию этой составляющей производства. В нем учитывается взаимодействие

множества факторов: демографических (изменение численности населения, его половозрастной структуры, уровня миграции), экономических (объем производства, производительность труда, использование рабочего времени), технических (автоматизация и информатизация производства, совершенствование технологии), социальных (рост образовательного и квалификационного уровня кадров, увеличение социально-экономических, бытовых, досуговых и других потребностей).

Основная часть

Работа студентов, учащихся колледжей, школьников рассматривается как вторичная занятость, поскольку первично они заняты по месту своей учебы. Специалисты обращают внимание на то, что это явление сложно оценить однозначно с точки зрения воздействия на обучающихся.

«Рассмотрение вторичной занятости студенческой молодежи в контексте ее социальной интеграции, прежде всего интеграции в сферу труда и занятости, представляется значимым в силу неоднозначных результатов, последствий такого совмещения учебы и работы» [1, с. 187].

Социологи рассматривают вторичную занятость «как наличие дополнительной работы (доходного занятия) у лиц, имеющих основную работу... Также под вторичной занятостью подразумевается занятость таких категорий населения, которые определяют свое социальное положение как пенсионер, учащийся» [2, с. 68]. Масштабы распространенности этого явления достаточно широко представлены, например, среди учащейся молодежи. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, одновременно учились и осуществляли трудовую деятельность 13,1 % из числа занятого населения в возрасте 15–30 лет [3].

Вторичная занятость может осуществляться на постоянной и временной основе. В настоящее время в Республике Беларусь молодежь активно привлекается в студенческие отряды; это специально организованная форма занятости, и в 2022 г. в летний период ею было охвачено более 22 тыс. человек [4]. Также студенты могут находить работу самостоятельно, и в нашем ис-

следовании рассматривается именно такой вариант.

Молодежь имеет разнообразные потребности, среди которых потребности в материальных благах, в труде как сфере самореализации, познании, общении с другими людьми. Потребности обуславливают стимулы к труду, как материальные, так и моральные. Удовлетворение материальных потребностей работника зависит от того вклада, который он вносит, от количества и качества его труда. Моральный стимул состоит в ощущении собственной значимости и самостоятельности, возникновения чувства принадлежности организации, фирме, одобрении со стороны окружающих.

Вторичная занятость – это добровольное решение студента, учащегося взять на себя дополнительную ответственность, пожертвовать свободным временем, пойти на риск возникновения сложностей в учебе, и у него должны быть основательные мотивы. Первостепенным является стремление улучшить свое материальное положение, получить дополнительные финансовые источники. Большое значение имеет возможность развития профессиональных навыков, получение опыта работы в команде, общения с клиентами. Также для многих студентов и учащихся появляются перспективы трудоустройства на постоянное место работы после окончания учебного заведения. Дополнительная занятость может способствовать личностному развитию и получению новых социальных контактов. Она также помогает решить проблему необходимости иметь опыт работы при трудоустройстве к моменту выпуска.

Вторичная занятость молодежи может быть привлекательна для работодателей своей гибкостью, поскольку количество таких работников может быть увеличено или уменьшено в соответствии с требованиями бизнеса. Они особенно привлекательны для сферы услуг, где требуются хорошие коммуникаторы для работы с клиентами, готовые обучаться новым навыкам и следовать инструкциям.

Однако следует отметить некоторые негативные моменты. Может развиваться конфликт интересов между академическими обязанностями и работой. Специфика оплаты труда в сфере вторичной занятости такова, что она может быть существенно

ниже по сравнению с работниками, работающими полный рабочий день. Дополнительная работа нередко осуществляется за счет свободного времени и досуга, что может негативно сказываться на здоровье и личностном развитии.

Важнейшей функцией вторичной занятости для получающей образование молодежи является адаптация в сфере труда. Ее можно рассматривать как приобретение необходимых знаний, умений и навыков, а также приспособление к конкретным условиям труда.

Для многих молодых людей именно «подработка» становится первым местом работы, и они формируют отношение к трудовой деятельности не только на основе социальных норм ее регулирующих, но и на первом полученном трудовом опыте. Надеяться на то, что оценочное отношение к труду и его существенным сторонам во всех случаях будет положительным, недопустимо. Нередко возникает разочарование в избранной профессии, или в трудовом процессе в целом. Это означает, что к формированию положительного отношения к труду необходимо подходить как к регулируемому процессу, с одной стороны, через соблюдение и совершенствование законодательной базы, развитие гибких форм учебного процесса, а с другой стороны, активным вмешательством в формирование этой оценки путем ознакомления молодого работника с трудовыми нормами, его морального и материального стимулирование за соблюдение указанных норм.

Вопросы осуществления вторичной занятости молодежи рассматривались при проведении опроса в Могилевской области кафедрой политологии и социологии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова при выполнении задания 5.5 ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» и отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы Информационного агентства «Могилевские ведомости» в 2022 г. Выборка составила 820 человек в возрасте от 14 до 31 года.

Выход молодых людей на рынок труда является достаточно актуальной проблемой на сегодняшний день. Выбор профессии и дальнейшая работа по ней имеет принципиальное значение для формирования человеческой личности. Молодежь встраивается в систему социальных отношений, стремясь достичь высокого профессионального уровня, материального благополучия и будучи заинтересованной в индивидуальном развитии. Молодые люди довольно чутко реагируют на изменения в экономической ситуации, и их интересы направлены, в первую очередь, в те сферы занятости, в которых выше престиж и уровень доходов. Это обстоятельство может вызывать определенные перекосы на рынке труда, что влечет трудности с молодежным трудоустройством. В качестве основной причины респонденты указали требование работодателей иметь опыт работы (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «В чем, на ваш взгляд, заключаются основные трудности молодежи при трудоустройстве?», %

Варианты ответов	Общее распределение	14–16 лет	17–18 лет	19–21 год	22–24 года	25–27 лет	28–31 год
Требуется опыт работы	70,6	63,9	69,4	80,4	66,7	68,8	68,9
Отсутствие навыков делового общения, неуверенность	17,5	20,5	18,2	17,4	15,6	17,0	14,1
Сложно устроиться по своей специальности	25,0	19,3	24,2	22,8	38,9	30,4	23,0
Отсутствие связей, знакомств	13,5	11,4	10,9	13,4	25,6	14,3	12,6
Не хватает информации о рынке труда, способах поиска работы	10,5	8,4	8,5	11,2	13,3	14,3	10,4
Затрудняюсь ответить	9,8	10,2	10,9	6,7	7,8	9,8	14,1

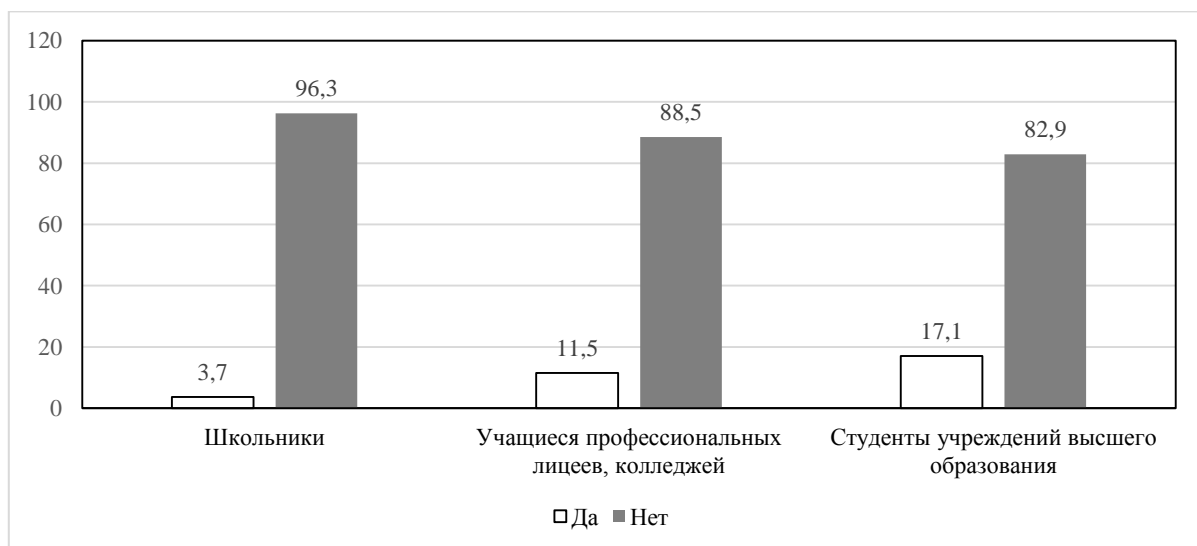
Необходимость наличия опыта работы, нередко, – это противоречие между оценкой работодателем молодого начинающего работника и самооценкой последнего, а результатом этого противоречия очень часто становится невозможность трудоустройства. В условиях рыночной экономики наниматель несет ответственность за производственный процесс, коллектив, поэтому заинтересован в опытных и надежных работниках. В этой ситуации молодые могут проигрывать другим возрастным группам. Каждый четвертый указал, что имеются сложности с трудоустройством именно по своей специальности. Можно предположить, что это результат того, что еще на стадии профессионального определения срабатывают мотивы ориентации на модные, престижные специальности, а как следствие, возникают перекосы на рынке труда – в каких-то сферах переизбыток, а в каких-то нехватка кадров. Неуверенно чувствуют себя молодые и в своих компетенциях, т. е. навыках коммуникации, способах поиска работы и трудоустройства. Наниматели отмечают, что для молодых работников характерно сочетание высокого уровня теоретической подготовки и отсутствия

практических навыков и производственного опыта. В то же время осознание молодым человеком своей хорошей подготовленности, наличие определенных профессиональных амбиций и честолюбия, стремление к успехам в карьере являются положительным фактором, но могут сформировать у молодежи завышенные требования к будущему рабочему месту, как с точки зрения характера, условий и содержания труда, так и с точки зрения его оплаты.

В распределении по возрастам наибольшие проблемы с необходимостью опыта работы испытывают респонденты в возрасте 19–21 года: они начинают искать работу или подработку, но из-за возраста они не очень привлекательны для нанимателя.

Также обращает на себя внимание то, что среди тех, кому 22–24 и 25–27 лет, сложно устроиться именно по своей специальности, поэтому они также чаще указывают на отсутствие полезных связей и знакомств.

Решению проблемы первого рабочего места могло бы поспособствовать создание условий для вторичной занятости молодежи после учебы (рисунок).

Рисунок – Распределение ответов учащейся молодежи на вопрос: «Работаете (подрабатываете) ли вы в настоящее время?», %

Работа в свободное от учебы время пока не стала широко распространенным явлением, среди студентов работает даже не каждый пятый. Вторичная занятость тех, кто учится, решает как сугубо материальные проблемы, так вопросы воспитания, со-

циальной адаптации. Работа в свободное время эффективно готовит к самостоятельному выходу на рынок труда, позволяет получить опыт работы уже во время учебы, стать более привлекательным для нанимателя.

В качестве мотивов вторичной занятости молодые люди привели следующие: «работа дает материальную независимость от родителей» – 58,9 %; «материальные трудности в семье» – 29,1 %; «мне интересна сама работа» – 26,2 %; «работаю ради стажа» – 14,4 %; «работаю, чтобы оплатить учебу» – 8,2 %; «работа дает более высокий статус среди окружающих» – 6,6 %; «работаю, чтобы приобрести профессиональный опыт» – 5,4 %; «знания, получаемые в ходе работы, помогают в учебе» – 3,2 %; «работаю для дальнейшего карьерного роста» – 2,2 % (сумма вариантов ответов превышает 100 %, поскольку респонденту предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответа).

В числе ведущих мотивов оказалось желание улучшить свое материальное поло-

жение. Показательно, что необходимость оплачивать обучение в этом «рейтинге» занимает только пятую позицию. Таким образом, на основании вышеизложенного, мотивы можно сгруппировать в две основные категории: тактические (установки на получение дополнительных денег на карманные расходы или средств к существованию, необходимость оплачивать обучение) и стратегические (стремление приобрести высокий статус в обществе, стаж и опыт работы).

Результаты социологического исследования показали, что вторичной занятостью охвачена только часть молодежи. Причины относительно невысокого уровня трудоустройства обучающихся достаточно разнообразны (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Если не работаете (подрабатываете), то почему?», %

Варианты ответов	Школьники	Учащиеся профессиональных лицеев, колледжей	Студенты учреждений высшего образования
Не знаю, как и где найти подработку	30,4	32,7	32,5
Не могу работать по независящим от меня обстоятельствам (возраст, здоровье, семья, отсутствие квалификации, рабочих мест и т. д.)	45,5	35,6	25,0
Нет материальной необходимости	24,1	16,3	11,8
Не могу найти работу за такие деньги, которые бы меня устроили	7,3	8,2	9,2
Легче найти другие источники денежных средств, чем работать	0,5	0,5	2,6
Мне лень, хотя и нужны деньги	1,0	2,4	2,6
Затрудняюсь ответить	0,5	1,9	1,8

Преимущественно молодежь, обучающаяся в учебных заведениях, ссылается на независящие от них обстоятельства, мешающие трудоустройству. Возможно, здесь требуется совершенствование законодательства, а также преобладание аудиторных занятий в учреждениях высшего образования, колледжах, недостаточная организованность управляемой самостоятельной работы. Также остро стоит проблема информирования и организации вторичной занятости: каждый третий из всех сравниваемых групп указал, что не знает, как и где найти подработку.

Заключение

Формирование и развитие трудового потенциала страны находится в прямой зависимости не только от образовательного, профессионального, интеллектуального уровня молодых работников, но и в значительной степени от их мотивации в сфере труда, профессиональной подготовки и повышения квалификации, от доминирующих трудовых ориентаций и установок. Особенностью современного рынка труда является относительно невысокая конкурентоспособность молодежи, по сравнению со старшими возрастными группами. Эта проблема не так актуальна для тех, чей возраст приближается к 30 годам, однако очень остро стоит перед студентами и молодежью, недавно

окончившей учебные заведения. Учащаяся молодежь не очень активна в поисках дополнительной работы, хотя независимо от целей она способствует приобретению профессиональных и коммуникативных навыков, формированию качественных трудовых ресурсов, отвечающих требованиям рынка.

Несомненно, молодежь испытывает проблемы адаптации на производстве, не имеет достаточного опыта, но она наиболее восприимчива ко всему новому, обладает

образовательным и творческим потенциалом. Оплата обучения также мало стимулирует молодых к поиску дополнительных источников получения денежных средств, так как это преимущественно является заботой родителей. Стоит отметить, что значительная часть молодого поколения не желает устраиваться на не престижную, низкооплачиваемую работу, что говорит о неготовности адаптироваться к быстро меняющейся современной социально-экономической ситуации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пасовец, Ю. М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи / Ю. М. Пасовец // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 183–199.

2. Таранова, Е. В. Вторичная занятость в экономическом поведении белорусов / Е. В. Таранова // Социол. альм. – 2013. – Вып. 4. – С. 68–76.

3. Статистический обзор ко Дню молодежи и студенчества. Статистический обзор 23.06.2022 [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_stud-2022.pdf. – Дата доступа: 05.03.2023.

4. В Беларуси в студотрядах трудятся более 22 тыс. человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xnd1acdrebm9i.xn90ais/news/rabota/v_belarusi_v_studotryadakh_trudyatsya_bole_22_tys_chelovek/. – Дата доступа: 05.03.2023.

REFERENCES

1. Pasoviec, Yu. M. Vtorichnaja zaniatost' studentov kak faktor profiessionalizacii i social'noj integracii molodiozhi / Yu. M. Pasoviec // Ekon. i soc. pieriemienu: fakty, tendencii, prognoz. – 2019. – Т. 12, № 4. – S. 183–199.

2. Taranova, Ye. V. Vtorichnaja zaniatost' v ekonomichieskom poviedienii bielorusov / Ye. V. Taranova // Sociol. al'm. – 2013. – Vyp. 4. – S. 68–76.

3. Statistichieskij obzor ko Dniu molodiozhi i studienchiestva. Statistichieskij obzor 23.06.2022 [Eliiektronnyj riesurs] / Nacional'nyj statistichieskij komitiet Riespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_stud-2022.pdf. – Data dostupa: 05.03.2023.

4. V Bielarusi v studotriadakh trudiatsia bolieje 22 tys. chieloviek [Eliiektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://xnd1acdrebm9i.xn90ais/news/rabota/v_belarusi_v_-studotryadakh_trudyatsya_bole_22_tys_chelovek/. – Data dostupa: 05.03.2023.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 02.04.2023

РЭЦЭНЗП

«И ВСЕ ОПЯТЬ ВПЕРВЫЕ...»

Семенова, В. Н. Политическое в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну : монография / В. Н. Семенова. – Минск : РИВШ, 2022. – 222 с.

Чтобы определить вклад постмодернистов в современную политическую мысль, надо прежде всего установить, в чем заключаются изменения, потрясшие современное общество и мышление, и способ, вызвавший децентрацию политики, появление нового способа мышления о политике, именуемого постмодерном. С этой целью в книге В. Н. Семеновой выделяются три главы, разные по способу мышления о политике, но дополняющие друг друга по импровизации смыслов. Начинается анализ с идеи перехода от великих нарративов к микронарративам. Автор старается показать, что на уровне политической рефлексии произошел сдвиг, политическая мысль больше не пленница границ, определяемых современной мыслью; появились другие темы и другие реальности, которые заслуживают того, чтобы к ним относились с новыми инструментами анализа и новыми концептуализациями.

В целом именно с означенной точки зрения постмодернизм критикует позитивистскую позицию социальных наук, для понимания социальных явлений он предлагает альтернативу на основе толкования, свойственного герменевтике. Фактически предписывается, как указывает Ф. Лиотар, суровый пересмотр идеи Просвещения, а также образа предмета, что подводит к идее «конца рассказа». Постмодерн представляет собой мысль, ставящую под сомнение модель прогресса современности и его этноцентризм. Семенова убедительно иллюстрирует, как произошел сдвиг в политике, что позволило появиться новой реальности вне контуров современных государств.

Во введении Семенова рассуждает об «эпохе» и «современности». Современность как цивилизационный модус предлагает индивиду возможность освободиться от тисков локальности, произвола традиционной культуры. Тем не менее, преображая миры, «современность» через определенный период становится пределом, в котором резонанс происходящего может снова функционировать с определенным созвучием. Поэтому что процесс освобождения «современ-

ности» не освобождает человека ни от его телесности (М. Мерло-Понти), ни от смысла, следовательно, от потребности быть где-то и откуда-то, а также от потребности оживлять или воссоздавать «миры означающих». Однако, поскольку им движет процесс освобождения и поскольку он функционирует, выходя за его пределы, современный резонанс остается ненадежным, подвешенным между созвучием и диссонансом. Фактически, ненадежность является частью современного резонанса. Постмодерн для многих является результатом этой ненадежности.

Однако модернизация и современность на практике не непременно предполагают причинно-следственную связь. Модернизация не обязательно влечет за собой современность точно так же, как современность не наверняка порождает модернизацию. Из категорий проблем, порождающих эту напряженность, можно было бы составить карту состояния современности. Анализ контента западного постмодерна подпадает под эту перспективу: с одной стороны, модернизация ведет к противоборству кустарного и промышленно-торгового способов производства, с другой – современность вызывает напряжение между современными и традиционными ценностями.

Постмодернисты утверждают, что текущие проблемы не являются продуктом конкретных ограничений, а присущи проблемам самого современного проекта. В настоящее время постмодернистская мысль позиционирует себя вне пределов современности, между тем общество, которое она себе представляет, еще полностью не сформировалось, потому что в этом случае постмодернистская критика современности парадоксальным образом устарела бы. Следовательно, постмодернистская критика может существовать либо только временно, либо в переходный период между модерном и постмодерном; либо теоретически, либо как критическая точка зрения, полученная из теоретического предположения о конце модерна.

Проблематичность границ рациональности, ее четкого понятийного прояснения еще до постмодернистов поднималась в трудах софистов, конструктивистов, философов-нигилистов и, по-своему, у феноменологов, также они выявили глубинные затруднения при попытках интерпретации Абсолюта. Основное отличие состоит в том, что теоретические (философские) дебаты о существовании реальности и статусе научного познания реальности больше не проходят с точки зрения ограничений. Эти дебаты идут рука об руку с социальными трансформациями, поднимающими вопрос о границах современного мира. Автор монографии подводит читателя к концепции мира как поля властных отношений, где единственный оставшийся Абсолют – релятивизм. Однако речь идет не о радикальном релятивизме, где все равнозначно, где никакая истина невозможна; скорее, нам предлагается думать, что всякая истина истинна относительно.

Принимая «смерть автора», постмодернистский анализ предполагает, что есть только читатели и чтение. Тем не менее между текстом и его чтением существует пространство интерпретаций, допускающих все различия. Если культура сама по себе является текстом (конструкцией) без специального автора, то неизбежны конвергенции (интертекстуальность), но также и расхождения (конфликты и напряжения) между различными текстами культуры. Замечательно, что повествование Семеновой строится исходя именно из указанных позиций. В результате в данном социальном контексте одно прочтение может накладываться на то же самое или несколько других, что возвращает нас к вопросу о власти. Остаточный вопрос состоит в том, чтобы знать: кто контролирует это чтение, кто использует его и с какой целью?

Политическая жизнь в настоящее время характеризуется разнообразием действующих лиц и форм политического участия. Принятие решений включает в себя, помимо традиционных участников, таких как политические партии или избиратели, различные группы и ассоциации, более или менее структурированные вокруг местных, национальных или международных проблем. Поскольку политические вопросы сложны и затрагивают несколько юрисдикций, отдель-

ные лица и группы могут «стучаться» в несколько дверей и в конечном итоге лоббировать свои интересы в тех структурах, чье политическое влияние наиболее велико. Во второй главе книги изучено появление этих новых акторов.

Немногие понятия занимают столь же важное место в социальных науках, в частности политических. Этот термин широко использовался и используется теоретиками, аналитиками из самых разных дисциплин и все чаще появляется в повседневных речах журналистов, политиков. Возможно, именно поэтому так удивительно, что сегодня существует весьма мало предложений дать «актору» конкретное категориальное определение. Большинство исследований, претендующих на это, ограничиваются указанием на его важность или обращаются к эмпирическому анализу без предварительного очерчивания контуров «акторного подхода». Новая «концепция актора» для политологии рассматривает акторов в качестве структурных элементов при объяснении социальных, политических явлений, однако проверка ее применимости обязательно должна проходить через эмпирический анализ.

«Местное», «региональное» сегодня является очень важной основой для политического регулирования. Государство в Беларуси, России, как и во всей Европе, стало привилегированным местом мобилизации и реструктуризации акторов на службе проведения публичных действий. Однако последнее связано с растущими трудностями. Институциональная фрагментация порождает конкурирующие направления в решении общественных проблем. Субъекты, на которых основывается политика развития, не обязательно те, у кого есть стратегическая роль или функция. Они маскируют иногда настоящих акторов, тех, кто действительно влияет на обмены, распределение продукта, коллективные решения, т. е. тех, кто представляет истинную силу. Актор – тот, кого мы видим, или тот, кто действует в тени, влияя на стратегию принимаемых решений и перераспределение богатств? Видимые акторы суть прежде всего представления, образы, наиболее часто изготавливающиеся из моделей. «Соответствующий» актер – тот, кого мы исследуем, сохраняем, используем в соответствии с объектом исследования.

Очевидно, как указывает В. Н. Семенова, что использование термина «актор» имеет практические последствия, но также верно и то, что первое из этих следствий состоит в том, что понятие и/или понятийная категория служат для научного анализа (и это не всегда должно иметь практическую направленность). Проблема в конечном счете заключается в истолковании термина «ответственность», которая возлагается на ту или иную группу за результат ее действий. Ответственны или нет избиратели данной страны, когда они ратифицируют или отвергают проект Конституции? Кто, если не они, приняли решение, даже если они представляют собой дезагрегированную группу? Размышление и обсуждение различных концепций интерпретации политических акторов послужат, прежде всего, ее аранжировке и совершенствованию.

Концепция политического пространства конститутивна как для современного понимания политики, так и для современного понимания государства. Пространство и время неразрывно связаны. В эпоху глобализации и цифровых сетей возникли новые угрозы государственному суверенитету. Международные финансовые консорциумы и «транснациональные бизнес-группы» вышли на поле как мощные «глобальные игроки», успешно конкурирующие с государством. Репертуары политических действий не фиксированы, они развиваются во времени под влиянием нескольких факторов: опыта, накопленного акторами, эволюции стратегий власти и структурных изменений в экономической, культурной, социальной и политической областях.

В конце исследования В. Н. Семенова устанавливает, что свой вклад в различных областях политики вносит и искусство, влияя на критичность мышления, задавая эстетические стандарты, стилизуя повседневность. Также автор актуализирует идею, что специфическая политика искусства прямо пропорциональна нашему мировоззрению, нашему видению красоты и философскому видению человека в целом. Кроме того, обсуждается интересный парадокс:

«художники» должны иметь право голоса в политике, но «мастера, ушедшие в политику, не могут уже просто творить как “художники”». Автор фиксирует: «искусство» и «художник» влияют на общество, не калькируя политические настроения, а сохраняя собственную художественную идентичность. Искусство должно информировать общество об общественных, социальных и экономических проблемах, выступая их индикатором. Автор ищет ответы на вопросы, какой вклад искусство вносит в политику, как право голоса «художников» в политике влияет на искусство и политику, насколько важна специфическая политика искусства. В свете результатов исследования предполагается, что искусство в рамках политики должно просвещать общество, проливая свет на социальные, общественные, экономические и политические реалии или вопросы. Не только «художники», но и политики должны выполнять свои обязанности в отношении искусства, чтобы проложить путь к возвышению искусства до того положения или цели, которых оно заслуживает. Мы все знаем, что часто именно искусство и культура строят мосты: мосты между людьми, культурами, религиями и нациями.

К концу монографии В. Н. Семенова все больше вовлекает нас в экзистенциальную игру, демонстрируя через дизайн городского пространства, как политика в активном множественном числе производит раскрытие мира, превращая «пустыню» в «мир». Опыт политики показывает нам, что действия человека – единственная истинная фигура того, что философы называли «архэ». Мысль политика, к которой, в частности, стремилась Х. Арндт, – это способ мышления, осуществляемый в условиях плюрализма. Он требует децентрализации философского аппарата в целом. Таким образом, множественность есть условие действия, и поэтому существует автономия практики. Политика как множественное действие свершает откровение мира: она превращает ничейную землю в мир творческого акта.

Мария Янушевна Мацевич

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. экономики
и управления инновационными проектами в промышленности
Белорусского национального технического университета*

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЛЕПЕШКО (08.12.1955 – 09.03.2023)

9 марта 2023 года ушел из жизни талантливый ученый и педагог, доктор исторических наук, член редколлегии журнала «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» профессор Борис Михайлович Лепешко. Родился он в г. Волковыске Гродненской области. В 1978 г. окончил Гродненский университет, в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 2001 г. – докторскую «Эвристическая роль аналогии в историческом познании» и в этом же году получил ученое звание профессора.

Трудовая деятельность Бориса Михайловича связана с Брестским государственным университетом имени А. С. Пушкина с 1991 г. Занимая должность председателя Совета по делам религий и национальностей Брестского областного исполнительного комитета, он работал доцентом кафедры философии. С 2001 г. перешел на работу в Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, где трудился в должностях доцента кафедры философии, декана юридического факультета, первого проректора, профессора кафедры философии. С 2021 г. – профессор кафедры теории и истории государства и права.

Борис Михайлович – автор более 150 публикаций, среди которых преобладают работы по логике, методологии истории, философии и философии права. Все труды ученого отличаются глубоким научным содержанием с четко очерченной и логически обоснованной авторской позицией. Б. М. Лепешко получил широкое признание среди ученых не только в нашей республике, но и за рубежом. Он был членом Совета по защите диссертаций в Гродненском государственном университете имени Я. Купалы, пользовался большим авторитетом в научном и педагогическом сообществе.

Профессор Б. М. Лепешко на протяжении долгого времени успешно руководил темами научных исследований, среди которых можно выделить «Философия истории, белорусский контекст: актуальное прошлое, ментальность, религиозная идея», «Аксиологические аспекты правовых систем в Западной Европе и в развивающихся демократических государствах Восточной Европы (компаративный анализ)» и др. В Беларуси многие хорошо знакомы с многочисленными комментариями и статьями гражданско-патриотической направленности профессора в средствах массовой информации.

Вся научная и педагогическая деятельность Б. М. Лепешко была направлена на совершенствование гуманитарного образования и процветание Республики Беларусь.

На протяжении многих лет Борис Михайлович вел большую работу в качестве члена редколлегии журнала «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» и сборника научных трудов «Вучоныя запіскі Брэсцкага ўніверсітэта», являлся автором опубликованных в этих изданиях многочисленных научных статей по методологическим проблемам философии, истории и логике. Ученого отличали величайший профессионализм, широта кругозора, высокая эрудированность и педантичность в научных изысканиях.

Уход Б. М. Лепешко – тяжелая утрата для коллег, научного сообщества университета в целом. Светлая память о Борисе Михайловиче навсегда сохранится в сердцах коллег и студентов, всех тех, кто его знал, имел честь общаться и работать с ним.

М. В. Варакулина, Е. Н. Григорович, Г. И. Займист
юридический факультет БрГУ имени А. С. Пушкина

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (не меней за 14 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 08.09.2016 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. боб.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш, чым 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выліска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.brest.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друку 31.05.2023. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 15,81. Ул.-выд. арк. 12,08. Тыраж 100 экз. Заказ № 178.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.